

interaction

интеракция

interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

INTER, 5'2009

Институт социологии Российской академии наук
Российское общество социологов
Международная социологическая ассоциация
Комитет «Биграфии и общество»

5' 2009

Журнал выходит два раза в год

© 2009 Журнал «ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью.
ИНТЕРпретация»

Соредакторы номера:

Виктор Воронков (С.-Петербург, Россия)
Лена Иновлоки (Франкфурт-на-Майне, Германия)
Игорь Масалков (Москва, Россия)
Елена Рождественская (Москва, Россия)
Виктория Семенова (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Розвита Брекнер (Австрия)
Том Венграф (Великобритания)
Леокадия Дробижева (Россия)
Кэти Дэвис (Нидерланды)
Ласло Курти (Венгрия)
Ольга Маслова (Россия)
Анна Роткирх (Финляндия)
Владимир Ядов (Россия)
Елена Смирнова-Ярская (Россия)

Ответственный секретарь:

Ирина Ксенофонтова

Адрес редакции:

117259, Москва
Ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5
Тел. (495) 128-86-18
Факс: (495) 719-07-40
e-mail: rusica@isras.ru

Содержание

Письмо редакторов	5
-------------------------	---

Теоретические дискурсы

<i>Ольга Никитина-ден Бестен</i> «Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы	7
<i>Olga N. Nikitina-den Besten</i> What's new in the New Social Studies of Childhood?	25

Полевые исследования

<i>Иван Забаев</i> Образ ребенка у жителей российских мегаполисов. По материалам биографических интервью с россиянами репродуктивного возраста	40
<i>Gerhard Jost</i> Parental Loss during Childhood — Biographical Research Based on the Qualitative Paradigm (Потеря родителя в детстве — Биографическое исследование на основе качественной парадигмы)	56
<i>Алевтина Корнеева, Анна Стрельникова</i> Детдомовцы и воспитанники патроната на пороге взрослой жизни	69
<i>Ольга Громашева</i> Чем и как накормить дитя? Восприятие матерями рисков питания детей	83

Методологическая рефлексия

<i>Мишель Вивьорка</i> Понятие интервенции в социологии, психологии и клинической социологии. Предисловие к книге «Международная клиническая социология»	95
<i>Игорь Масалков</i> Клиническая социология как пространство интервенции	97

Визуальная социология

Елена Рождественская

Визуализация детства в городском пространстве.

Готтфрид Хелнвайн 108

Рецензии

Елена Рождественская

Рецензия на коллективную монографию

«Здоровье и доверие: гендерный подход

к репродуктивной медицине»

(под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А.) 119

Конференции

Виктория Семенова

Новые пути в биографических исследованиях.

Конференция «Биография и перформанс». Краков, декабрь 2009 125

Письмо редакторов

Актуальный выпуск журнала посвящен теме детства. Социология открывает для себя объект социализации в удобном и доступном для анализа варианте молодежного сознания и практик, но детство остается «в концептуальной беспризорности». Словами Йенса Квортрупа, «структурные подходы к классу, расе, этничности, касте или гендеру предназначались для взрослых, в этом смысле, у детей не было своего дома в социальной теории». Поэтому в журнале представлены актуальные дебаты по социальным теориям детства. Неизбалован феномен детства и с точки зрения внимания к нему качественной социологии, несмотря на опыты детства в каждой биографической истории. В этих рассказах детство присутствует ретроспективно, хотя культура детства всегда актуальна, здесь и теперь. Может ли ребенок быть социальным актором? Могут ли практики детства стать самостоятельным и самоценным объектом социального анализа? Социально видим ли ребенок в городском пространстве? Этим вопросам и посвящен пятый номер журнала «ИНТЕР». Мы привлекаем в пространство дискуссии понятие интервенции, возникшее в рамках клинической социологии, как предполагающее более близкие отношения между теорией (или анализом) и практикой. Тема детства, ребенок как объект исследования требуют именно такой вовлеченной и активно участвующей позиции социолога. Рефлексию на тему интервенции читатель найдет в статьях М.Вивьерки и И.Масалкова.

*Лена Иновлоки
Елена Рождественская
Виктория Семенова*

Теоретические дискурсы

«Детство» в социальных науках: новые смыслы и новые подходы

Ольга Никитина-ден Бестен¹

Куда уходит детство,
В какие города?
И где найти нам средство,
Чтоб вновь попасть туда?
(...)
И зимой, и летом небывалых ждать чудес
Будет детство где-то, но не здесь.
И в сугробах белых, и по лужам у ручья
Будет кто-то бегать, но не я.
Популярная советская песня²

Вступление

2008 год был объявлен в России Годом семьи, а 2007 год прошел как Год ребенка в Москве. Один лишь тот факт, что тогда именно будущий российский президент, Дмитрий Медведев, был назначен ответственным за проект «Год семьи», говорит о том, что в стране, пережившей бурные социально-экономические изменения, семья и детство вновь приобретают особо высокую символическую значимость. Среди множества прошедших «праздничных» мероприятий, а также «серьезных» мер, принятых в рамках Года семьи и освещенных СМИ, мера, которая наиболее ярко выделяется в общественном сознании — это значительное увеличение пособия по рождению ребенка. С точки зрения государства, эта мера направлена, прежде всего, на стимулирование рождаемости — и тем самым на улучшение демографической ситуации в России — и может быть критически оценена как погоня за цифрами, за *количеством* детей в стране — вполне вероятно, что в ущерб качеству, например, финансированию других социальных программ.

А в Великобритании в это время общественное сознание было поглощено судьбой одного-единственного ребенка — четырехлетней Мадлен МакКэн, пропавшей из дома во время отдыха с родителями в Португалии в мае 2007 года. Казалось бы, это трагедия одной только семьи МакКэн — но событие получило небывалую огласку в британских СМИ, обсуждающих подробности исчезновения девочки, подозреваемых в ее похищении лиц и т.д., и огромный общественный резонанс: в течение многих месяцев со дня трагического события проходили церковные службы, посвященные Мадлен; люди оставляли тысячи сочувственных и тревожных

¹ Перевод статьи на русский язык автора.

² Текст: Л. Дербенев, музыка: А. Зацепин, первый исполнитель: А. Пугачева.

сообщений на Интернет-блогах и рассылали по электронной почте сообщения с фотографией девочки в надежде ее найти (см. Krafft, under review).

Эти два совершенно разных, на первый взгляд, примера говорят об одном и том же — медиатизации и политизации всего, что связано с детством, а также «выпуклости» и значимости детства в общественном сознании. Западные исследования последних двух-трех десятилетий пытались отразить и объяснить эту динамику и противоречивость понятия «детство» в обществе. Один из подходов, получивший название «Новая социология детства», стал наиболее известным и влиятельным на Западе. Этот междисциплинарный подход объединил под своей крышей не только социологов, но и психологов, антропологов, педагогов, историков и географов. Исторические причины появления этого подхода рассматриваются в следующем разделе статьи. Далее следует обзор основных теоретических положений данного подхода и их критический пересмотр.

Заголовок статьи читается двояко. С одной стороны, здесь обсуждается, что нового «Новая социология детства» привнесла в исследования детства, а именно, представление о детстве как о социальной конструкции, а о детях — как о творческих и активных участниках социальных процессов; представление о множественности и разнообразии детства; а также о роли конкретных географических мест, где протекает детство конкретных детей. С другой стороны, в статье делается попытка понять, какие новые направления принимает «Новая социология детства» сегодня.

В последнем разделе статьи и в заключении намечаются дальнейшие темы в исследовании детства и обсуждается тезис об «исчезновении» или «кризисе» детства — «Куда уходит детство?».

Меняющийся смысл «детства» и история «Новой социологии детства»

Начиная с 80-х годов прошлого века, ученые высказывали озабоченность тем, что исследования детства в социальных науках либо практически отсутствуют, либо занимают маргинальное положение (см. e.g. Alanen, 1988; Leonard, 1990). Эти авторы утверждали, что такие исследования, наоборот, должны занять центральное место в социологии (Adler & Adler, 1986).

Такой поворот к изучению детей «такими, как они есть», а не как маленьких взрослых, можно объяснить важными историческими изменениями, описанными Вивианой Зелизер в книге «Цена бесценного ребенка» на примере истории США (Zelizer, 1994). Зелизер пишет о том, что в период с конца XIX века до 1930-х годов вышли различные законодательные постановления, запрещающие детский труд. В результате этого, американские дети постепенно перестали вносить вклад в экономику своей семьи, хотя до этого они были существенной рабочей силой: помогали по дому, нянчили младших сестер и братьев и трудились на родительской ферме или в семейной мастерской. В то же время, эмоциональный статус детей вырос — так же, как и вклад родителей в здоровье, образование, развлечения и материальное благополучие детей. Таким образом, появился «современный ребенок» — одновременно экономически бесполезный и эмоционально бесценный.

Пожалуй, первым человеком, проследившим появление и изменение феномена детства в истории и оспорившим расхожее мнение, что детство — естественный период в развитии человека, был французский историк Филипп Арьес. В книге «Ребенок и семейная жизнь при старом режиме» (Ariès, 1960), он выдвигает и

доказывает гипотезу, что в средневековом обществе детство как таковое просто-напросто не существовало. И как понятие, и как часть семейной жизни детство оформилось только к XVII веку. Только тогда к детям начали относиться как к детям — в современном понимании этого слова: как к невинным существам, от которых лучше, ради них самих, скрывать определенные аспекты человеческой жизни, например, секс или смерть. Арьес также приводит в пример появление одежды, специально предназначенной для мальчиков и девочек — по сути, детской моды. До этого, согласно Арьесу, маленькие дети изображаются на живописных полотнах в точно такой же одежде, как у взрослых, только миниатюрной.

Говоря об исторических предпосылках возникновения «Новой социологии детства», нужно упомянуть и демографические изменения в развитых странах: количество детей в семье значительно уменьшилось, в то время как качество жизни повысилось. Таким образом, опять же, повысилась эмоциональная значимость ребенка для конкретно взятой семьи и для общества в целом.

В 1980-х гг., когда внимание общества к проблемам детства возросло, ученые пытались объяснить, почему социальные науки по-прежнему уделяют мало внимания изучению детства (это сравнивалось с подобным отношением науки к женщинам до развития феминистского движения). Дети имели значение только в роли «будущих взрослых», считались не самостоятельными существами, а «существами-в-становлении». Социологи, ратовавшие за другой, новый подход к исследованию детства, объясняли такое невнимание преимущественным средоточием внимания социологии как науки на «макро» вопросах, изучении глобальных систем (Ambert, 1986).

Ряд феминистских авторов также пытались понять, почему исследования детства оказались «вынесенными за поля» «серьезной» социологии и ограничиваются лишь определенными темами. Энню, например, указывает на недостатки традиционного взгляда на семью как на естественное, биологическое образование; на то, что чаще всего в научных работах по умолчанию фигурирует «типичная» или «нуклеарная» семья, в то время как в обществе развиваются различные новые формы интимных отношений и домашнего уклада (Ennew, 1986).

Теория социализации стала критиковаться за то, что она предполагает, что дети, находящиеся в процессе социализации, пассивны и находятся только на пути становления «социальными» существами (Alanen, 1988; Dreitzel, 1973). Критики теории социализации признавали, что эта теория объясняет, как дети, появившиеся на свет без знаний о структуре общества или знаний языка, приобретают их, но были недовольны тем, что она делает это с позиции взрослых, смотрит на детей «свысока» (Speier, 1976; Thorne, 1987). Такая позиция получила осуждение как «элитистская» (Alanen, 1988: 58) — то есть, как позиция власти по отношению к детям.

В области детской психологии критику получило понятие развития, широко используемое этой дисциплиной. Психология развития критиковалась за недостаточное внимание к социально-историческому контексту жизни детей, а также за принятие зрелости в качестве «золотого стандарта» — например, эталона рационального мышления. В результате этой критики понятие о детстве как о всеобщей биологической данности было поставлено под сомнение. Критическая психология, возникшая в 1970-х гг., уже гораздо больше принимала во внимание социальный контекст человеческого поведения.

В целом и важность исследований детства в социальных науках, и огромная роль культуры и общества в формировании детства получили всеобщее призна-

ние к 1980-м гг. Теория социального конструктивизма, развившаяся за последние десятилетия XX века, укрепила идею о том, что детство нужно исследовать как исторический, социальный и культурный феномен.

От «концептуальной беспризорности детства» к пониманию детства как устойчивого сегмента социальной структуры

Итак, «Новая социология детства» основана на представлении о детстве как о социальной конструкции (e.g. Alanen, 1988, Prout & James, 1990 и многие другие). Как пишут Праут и Джеймс,

Незрелость детей — это биологический факт, но то, как эта незрелость интерпретируется и на что она влияет — это факт культуры. (Prout & James, 1990: 7)

По мнению этих авторов, феномен детства постоянно конструируется вновь и вновь по влиянием различных, сталкивающихся друг с другом, социальных сил. Более того, согласно Дженксу (Jenks, 1982), сама социальная теория выстраивает такое представление о детях, которое призвано поддерживать определенные интерпретации таких понятий, как «мужчина» или «женщина», «действие», «порядок», «язык» и «рациональность».

В соответствии с «лингвистическим поворотом» в социальной теории, понятие детства также считается сконструированным с помощью различных дискурсов и нарративных практик. Так, детство определяется как «построенное через нарратив... Есть только лишь истории и рассказчики о детстве» (Stainton-Rogers & Stainton-Rogers, 1992: 12).

Некоторые авторы ищут компромисс между утверждением о социальной конструкции детства и теорией социализации. Например, Аланен подчеркивает значимость самого процесса социализации, а не только ее результата. По мнению этого автора, «социализацию можно было бы рассматривать как конструирование, а не как интернализацию» (Alanen, 1988: 61).

Вспоминая о возникновении «Новой социологии детства», один из отцов-основателей этого направления, скандинавский профессор Йенс Квортруп, так писал об его основополагающем тезисе о детстве как устойчивом сегменте социальной структуры:

Конечно, детство может рассматриваться как период в жизни любого человека, но мы хотели рассказать другую историю. Мы хотели рассказать (...) о концептуальной беспризорности детства. Структурные подходы к классу, расе, этничности, касте или гендеру предназначались для взрослых, даже если дети и включались туда по остаточному принципу. (...) В этом смысле, у детей не было своего дома в социальной теории. (Qvortrup, 2007: 395–6).

В связи с этим, Квортруп предлагает определение детства, подытоживающее данный тезис: «Детство — это социальная структура, элемент архитектуры общества, в рамках которой все дети проживают свое индивидуальное периодическое детство» (Там же: 396). Когда приходит время, очередной человек «покидает» период детства, но само детство остается и проживается кем-то другим, что хорошо

иллюстрирует фрагмент из ностальгической песни о детстве, выступающий в качестве эпиграфа к данной статье.

Разнообразие и множественность детства. Глобальное детство

Если детство не такое всеобщее и естественное явление, как считалось до труда Арьеса и появления «Новой социологии детства», то значит, детство существует во множественном числе — есть много разных «детств», и в синхронном, и в диахронном плане.

В синхронном плане, социальные, культурные и экономические условия, в которых живут и растут дети, значительно разнятся. Многие исследования посвящены сравнению детства в разных культурах и странах (см., например: Chisholm, Buechner, Krueger & Brown, 1990; du Bois-Raymond, Sunker & Krueger, 2001; Olwig & Gulløv, 2003). Кроме того, предпринимаются попытки исследования многообразия детства в одной и той же стране или городе. Так, приводя в пример Германию, авторы пишут о том, что наблюдается существенная сегрегация детей-выходцев из этнических меньшинств в определенные районы Берлина и определенные школы, так что эти дети практически не вступают в контакт с детьми «коренного населения» и что у разных групп детей совершенно разные жилищные условия и уровень образования (Chisholm et al., 1990: 2; Nikitina-den Besten, 2008).

По мнению Алана Праута, это неравенство различных групп детей становится еще более явным вместе с развитием технологий и коммуникаций. Он также считает, что обнажая это неравенство, глобализация в то же время привела к появлению общего, универсального понятия о детстве — формулированию и введению всеобщих прав человека, и в частности, прав ребенка (Prout, 2005).

Синди Кац рассматривает процессы глобального развития и изменения с перспективы детской повседневной жизни. В основе ее книги «Вырастая глобальными» (Katz, 2004) — лонгитюдное этнографическое исследование отношений, работы, игр небольшой группы детей, растущих в суданской деревне, переживающей по мере их взросления значительные изменения в сельскохозяйственном укладе. Переноса внимание на рабочий квартал в Нью-Йорке 1980–90-х гг., Кац проводит неожиданную параллель с суданской деревней в плане того, как меняющаяся среда влияет на повседневную жизнь и опыт детей и местных сообществ. Такое негативное влияние проявляется, например, в потере людьми определенных, значимых ранее навыков, дестабилизации местных сообществ и изменении структуры отношений между производством и воспроизводством.

В диахронном плане, много написано работ, раскрывающих отношение к детям и их воспитанию в обществах прошлого. Карин Кальверт, например, изучает историю практики пеленания. Младенцев, оказывается, пеленали не только ради их собственной защиты, но и для того, чтобы в будущем у них сформировалась правильная осанка — неотъемлемый атрибут принадлежности к человеческому сообществу. Кроме того, родители прибегали к различным ухищрениям и использовали изощренные технические новинки того времени, чтобы помешать ребенку ползать на четвереньках, как животное. Автор описывает методы стимулирования прямохождения и прямохождения начиная с самого раннего возраста (Calvert, 2008).

В исторических исследованиях последнего времени много внимания уделяется повседневным практикам, отношениям, материальным аспектам детской жизни данного периода и общества, а так же тому, какое влияние оказывали на жизнь детей идеология и политика этого общества. Таков, например, социально-культурно-исторический труд Катрионы Келли, охватывающий столетие детства в России и Советском Союзе, с 1890 по 1991 г. (Kelly, 2007).

Дети как деятели и участники социальных действий

Для «Новой социологии детства» дети — не пассивные объекты социализации, а социальные акторы и деятельные участники событий. В связи с этим, некоторые исследователи даже считают, что дети — это один из классов, способный на коллективные действия и участие в классовой борьбе (Alanen, 1988: 65).

Изучая структуру института семьи, Дельфи и Леонард (Delphy, 1984; Delphy & Leonard, 1986, 1990) пишут об иерархии семейных отношений и «классовом» характере межпоколенных отношений. Леонард приходит к следующему выводу:

Детство, юность и старость пока не рассматриваются в оппозиции по отношению к зрелости. Вот почему властные отношения между разными возрастными группами остаются невидимыми — эти отношения считаются индивидуальными, дополнительными и естественными. Это очень напоминает ситуацию с исследованием женщин и гендерных отношений в социологии до 1970 года. Поэтому феминистские работы, где понятие патриархата как системы властных отношений является ключевым, были бы полезным ресурсом и для социологии детства. (Leonard, 1990: 70)

Размышляя об ожиданиях общества по отношению к детям, Смит говорит о трех аспектах детства, которые он также называет «этапами опыта» или «роле-

выми категориями»: дети как потребители, дети как интерпретаторы и дети как акторы. Он объясняет, что эти «этапы опыта» соотносятся «с четко различимыми аспектами в жизни детей, отражая этапы получения стимулов из внешнего мира» (Smith 2000, p.5).

В качестве «потребителей», дети воспринимаются как пассивные получатели информации или покупатели коммерческой продукции, и это восприятие широко используется в образовании и в рекламных кампаниях. Тем не менее, взрослые ожидают, что дети способны стать и «интерпретаторами»: анализировать полученную информацию и самостоятельно делать выбор. Наконец, предполагается, что дети могут быть и «актерами»: брать на себя ответственность и проявлять инициативу или даже быть лидерами, например, в детской организации.

По мнению Смита, эти роли могут выступать и как «фазы развития»: дети могут двигаться от более зависимого и пассивного состояния в сторону более активного. Автор, однако, обеспокоен тем, что такие ролевые ожидания могут привести к серьезным противоречиям, особенно для детей с ограниченными ресурсами, живущих в бедных странах (Smith, 2000: 6).

Тезис о детях — социальных акторах повлек за собой осознание того, что детям должно быть позволено принимать участие в решениях, касающихся их собственной жизни. Согласно Хью Мэттьюзу, «дети, как полноправные члены общества, имеют право участвовать в его деятельности в соответствии с уровнем собственных способностей, понимания и зрелости» (Matthews, 2001: 9). Ряд авторов считают, что «дети-актеры» — необходимое условие развития демократического общества. Так, по мнению Роджера Харта, чувство ответственности не возникает на пустом месте у уже взрослого человека, а должно быть возвращено и пережито на разных этапах детства-юности и этому должны быть посвящены специальные образовательные программы (Hart, 1992).

Знаменитая «лестница детского самоуправления» Харта изображает различные уровни возможного участия детей в принятии решений. На этой лестнице — восемь ступеней к полному самоуправлению: начиная от «безучастия» («манипуляции взрослыми» и «показухи») ступеньки ведут вверх через «информирование детей взрослыми», «консультацию и информирование», «разделенные с детьми решения, инициированные взрослыми» к «решениям, инициированным детьми и разделенным со взрослыми» (Hart, 1992).

Такая идеологическая позиция привела к исследованию участия детей в принятии решений — например, в вопросах архитектурного планирования (Matthews, 2001; Drummond, 2007; Spenser & Blades, 2005) и в частности, проектирования новых школ (den Besten et al., 2008; Newman & Thomas, 2008). Она также стимулирует развитие и применение такой исследовательской методологии, при которой дети сами определяют задачи исследования, выбирают методы и собирают данные (см., например, ставшую уже классической статью Punch, 2002; а также критическое обсуждение подобных методов в Gallagher, 2008).

«Географический поворот» в исследованиях детства

За два последних десятилетия произошло то, что можно назвать «географическим поворотом» в науке о детстве: появилось большое количество работ об отношении детей к географическому пространству, физическому окружению, в котором проходит их повседневная жизнь (см. Matthews, 1992 для полного обзора литературы, положившей начало направлению, получившему название «Гео-

графии детства»). Много исследований посвящено среде, в которой растут дети: школе, семье, окрестностям дома (Aitken, 1998, 2001; James et al., 1998) и тому, как дети воспринимают, осваивают и пытаются приспособиться или изменить эту среду (см., напр., Christensen & O'Brien, 2003; Nikitina-den Besten, 2008; Olwig & Gulløv, 2003; Spenser & Blades, 2005; Tsoukala, 2001, 2007, и многие другие). Международный научный журнал «Географии детства» ('Children's Geographies') был основан в 2003 г. (главный редактор — проф. Хью Мэттьюз из университета г. Нортхемптон, Великобритания). Слово «географии» в названии и направления, и журнала стоит во множественном числе неслучайно: это отражает разнообразный, часто контрастный детский опыт освоения окружающей среды и многообразие этих сред.

Питер Хопкинс и Рейчел Пэйн объясняют такой «географический поворот» влиянием идей, пришедших из «Новой социологии детства»:

Следствием перехода от понимания возраста и этапов жизни как независимых переменных к их пониманию как социально- сконструированных категорий стало то, что место и пространство приобрели особую значимость. Доступность и характер восприятия той или иной территории зависит от возраста. Определенные территории ассоциируются с той или иной возрастной группой (сравните, например, детскую игровую площадку, отдаленные участки городского парка и ночной клуб. — прим. автора), и это оказывает влияние на характер пользования этими территориями. (Hopkins & Pain, 2007: 287–288).

«Выросши» из подраздела человеческой географии и превратившись в самостоятельную междисциплинарную область, «Географии детства» снабжают идеями социологию детства. Так, например, в последнее время обострилось внимание к «банальным», каждодневным, материальным, телесным практикам и аспектам детства (Horton & Kraftl, 2006); появилась интерпретация детства — в качестве социального и медиатизированного феномена — как совокупности ключевых медийных событий (Kraftl, under review), таких как, например, бум вокруг исчезновения Мадлен МакКэн, о котором говорилось в начале статьи.

Изучая отношения детей с окружающей средой — физической и социальной, многие авторы отмечают, что детей и подростков почти не видно на улицах современных западных городов. Это частично объясняется улучшением материальных условий внутри дома или квартиры — например, расширенной жилищной площадью, а также разнообразием занятий и развлечений дома, таких как компьютерные игры и Интернет (Valentine and Holloway, 1999). Тем не менее, феномен отсутствия детей в публичном пространстве также приписывают социопространственной маргинализации детей как поколенной группы. Это сравнивается с исключением из публичного пространства некоторых других социальных групп, таких как, например, этнические меньшинства или инвалиды (Matthews and Limb, 1999).

Книга Колина Ворда «Дети в городе» (Ward, 1977), ставшая классикой направления, впервые показала, что детям в современных городах выделяются, словно гетто, только определенные места — защищенные и контролируемые взрослыми. В книге также описано, как дети пытаются противостоять этому и «завоевывать» участки городского пространства. Те дети, которые все-таки открыто присутствуют — гуляют сами по себе — на улицах городов, предстают в общественном сознании либо как «ангелы», либо как «черты» (Valentine, 1996), т.е. либо как жертвы, которых надо защищать — это мнение оправдывает усиливающийся контроль и надзор со стороны взрослых; либо как потенциальные нарушители общественного порядка.

По мнению историков, представление о том, что дети не должны самостоятельно находиться в публичном пространстве, уходит корнями в конец XIX-начало XX вв., когда в Европе и США детский труд на полный день был запрещен, а вместо этого введено всеобщее обязательное образование (Cunningham and Viazzo, 1996; Hendrick, 1997; Heywood, 2001; Lavalette, 1994; цитата по Prout, 2005). Из-за этого присутствие детей в публичном пространстве ограничилось домом, школой, «официальной» игровой площадкой и помещениями, предназначенными для детских организаций. Недав-

но проведенное исследование изменений в законодательстве Великобритании выявило, что эти законодательные инициативы так или иначе влияют на опыт освоения детьми и подростками публичного пространства (Wooley, 2006).

Что происходит сегодня в области исследований детства? Дебаты вокруг «Новой социологии детства»

В настоящее время делаются попытки оспорить ключевые положения «Новой социологии детства». По мнению Роберта Вандербека, эти положения часто принимаются за данность и над ними «редко действительно глубоко задумываются» (2008: 394). Вандербек приводит пример одного такого положения, уже ставшего «теоретическим общим местом» (там же) и «беспреданно повторяющегося в литературе по «Географиям детства» и «Новой социологии детства» (2008: 396) — о том, что дети являются компетентными социальными агентами. По мнению Вандербека, большинство авторов согласны с тем, что «детский голос должен быть услышан», но практические и политические последствия этой позиции обсуждаются редко. Нет, например, обсуждения необходимости какой-либо возрастной дифференциации внутри понятий «детства» и «отрочества». Между тем, такая дифференциация может играть ведущую роль, например, в уголовных процессах, где задействованы дети/подростки (см. также Scraton, 1997: 181). Возрастная дифференциация оказывается не менее значимой при установлении возрастного порога голосования, потребления алкоголя, вступления в сексуальные отношения или доступа к определенному медиа-материалу (например, эротике или агрессивным компьютерным играм и видеофильмам) (Vanderbeck, 2008: 398).

Следуя той же логике, Хопкинс и Пэйн предлагают создать «относительные географии детства» (2007: 287). Эти авторы критикуют изолированное изучение определенных групп, таких как дети и пожилые люди (2007: 288). Они ратуют за более широкий подход — изучение отношений между поколенными группами:

*Понимание межпоколенных отношений как аспекта социальной идентичности предполагает, что индивидуальное и групповое представление о себе и других частично складывается на основе поколенных различий и сходств (...) Понятие «межпоколенность» означает куда больше, чем признание то факта, что на детский опыт и впечатления оказывают влияние представители других возрастных групп. Оно также означает, что идентичность детей и других возрастных групп строится **через** отношения с другими поколенными группами и находится в постоянном изменении. (Hopkins & Pain, 2007: 288–289).*

Кроме этого, Хопкинс и Пэйн считают плодотворным использование понятия «интерсекциональность» — «для описания того, как маркеры социального различия, такие как гендер, класс, этничность, здоровье/инвалидность, сексуальная ориентация и возраст, накладываются друг на друга» (Hopkins and Pain, 2007: 290). Авторы также призывают к более широким исследованиям динамики жизненного пути, перехода от одного этапа жизни к другому, например, от учебы к работе, от детства к отрочеству, от детства к родительству и т.д. Так как Хопкинс и Пэйн называют метод устной истории в качестве одного из наиболее плодотворных для подобных исследований, необходимо отметить наличие работ по устной истории детства (см., например, исследование опыта подневольного труда советских девочек и девушек во время Второй мировой войны: Nikitina et al., 2008).

Алан Праут согласен с тем, что «жизненный путь» — важное понятие для исследования детства. По его мнению, оно помогает описать сложность феномена детства и не сводит его к отношениям между взрослыми и детьми. Праут пишет, что жизненный путь личности находится под влиянием «широкого круга человеческих и нечеловеческих факторов и выстраивает многочисленные версии детства и зрелости во временном континууме» (Prout, 2005: 79–80). Автор ставит задачу исследования того, как «совокупность различных природных, дискурсивных и гибридных материалов создает разные версии ребенка и взрослого» (там же).

Еще один постулат «Новой социологии детства», подвергающийся сегодня сомнению, — это представление о детстве как о социальной конструкции. Так, Праут считает, что это представление только воспроизводит оппозицию между «природой» и «культурой», социальным и биологическим:

Только пытаясь объяснить, каким образом детство формируется из разнородных элементов природы и культуры, которые, в любом случае, невозможно с легкостью отделить друг от друга, мы сможем продвинуться вперед [в нашем понимании детства]. (Prout, 2005: 44)

По мнению Праута, любая социальная теория детства должна принимать во внимание роль генетики и телесности. Подчеркивая неразрывность социального и биологического, Праут обращается к выражению «неоднородные сети социального мира». Эта фраза принадлежит Бруно Латуру, французскому социологу науки и антропологу. Латур так описывает эти сети: они «одновременно реальные, как природа, нарративные, как дискурс и коллективные, как общество» (Latour, 1993: 6).

Задумываясь над уже ставшим расхожим мнением, что дети должны изучаться социальными науками, как «самостоятельные существа, а не существа-в-становлении», Праут пишет, что на самом деле ребенок не является и кем-то неизменным. Можно добавить, что и взрослые существенно меняются в течение жизненного пути, подвергаясь влиянию обстоятельств, окружения, событий собственной биографии, смены рода деятельности и физического старения.

Праут обращается к культурно-исторической теории Л.С. Выготского как к одному из лучших примеров попытки преодоления дуализма «природа-культура» в социальных науках. Выготский стремился преодолеть дуализм между изучением сознания и изучением физиологических процессов с помощью понятия опосредованного действия: участвуя в коллективной деятельности вместе с другими людьми, дети интернализируют язык, нормы, верования, факты, артефакты и способы поведения. Общество предоставляет детям символические инструменты, способствующие развитию мышления. Таким образом, сознание не может быть отделено от условий жизнедеятельности, в которых находится ребенок. Мышление развивается через материальную деятельность индивидуума в контексте исторически сложившейся культуры, созданной в процессе коллективной деятельности. Идеи Выготского стали доступны западным психологам только начиная с 1960-х гг. (см. Vygotsky 1962, 1978).

Говоря о преодолении дихотомий в исследовании детства, таких как «ребенок-взрослый», «структура-действие», «индивидуум-общество» и т.п., Праут апеллирует и к новейшим теориям, например, к теории сложных систем (или «теории сложности» — complexity theory) и теории акторских сетей (actor-network theory, или ANT). В последней теории, автор которой уже упомянутый Бруно Латур, метафора «сети» как совокупности разнородных, иногда конкурирующих между собой элементов может быть применена по отношению к детству. ANT избегает проти-

вопоставления действия и культуры за счет утверждения, что акторы могут быть самых разных видов: это могут быть человеческие акторы, как в случае с детьми или взрослыми, но также и нечеловеческие — как, например, микроорганизмы, артефакты и технологии. Все эти акторы — гибриды культуры и природы, произведенные с помощью разнообразных сетей:

...Новые формы детства образуются через новые совокупности сетевых связей, например, между детьми и технологиями, такими как телевидение и Интернет. Такие новые сети могут переплетаться, сосуществовать или находиться в конфликте с более старыми сетями. (Prout, 2005: 71–72)

Что касается теории сложности (см., например, Byrne 1998, Eve et al., 1997; Prigogine, 1980, 1997; Prigogine & Stengers, 1984, цитата по Prout, 2005), то, согласно Прауту, исследователи детства могут многое почерпнуть из представления о нелинейном характере природных и социальных систем. Согласно этой теории, элементы социальной жизни находятся в постоянном взаимодействии друг с другом и в определенный момент времени даже казалось бы незначительный элемент может привести к изменению всей системы. Из одной и той же точки отсчета могут образоваться две совершенно разные системы. По мнению Праута, теория сложности могла бы быть плодотворна для исследований детства:

Теория сложности помогла бы избежать дуализма, которым социальные исследования детства страдают в настоящее время. (...) Структуры детства относительно стабильны во времени, но не статичны. Они всегда находятся в движении и, при определенных условиях, могут переходить из одного состояния в другое и даже становиться крайне непредсказуемыми. Другими словами, у сложных систем есть история; они являются и не могут не являться и сущностью, и становлением. (Prout, 2005: 75)

Никола Ансел подвергает критике и представление о детях как социальных акторах, и концепцию социальной конструкции детства. Она считает их причиной слишком «локализованного научного интереса» «Географий детства»: многочисленные исследования детства концентрируются, по ее словам, на «окрестностях дома, игровой площадке, торговом центре и дороге в школу» (Ansell, 2008: 1). Из-за этого науке о детстве не удалось «установить теоретические связи с более широкими социальными процессами» (Cahill and Hart, 2006: ii, цитата по Ansell, 2008: 4).

Ансел считает, что внимание географов детства должно быть направлено не только на изучение непосредственного окружения детей, но и на изучение использования детьми технологий, благодаря которым они могут общаться, например, с людьми в далеких странах; исследование мульти-сенсорного, а не только вербального или зрительного, восприятия детьми окружающего мира; и кроме того, на проведение исследований с теми, кто участвует в создании законодательных дискурсов, оказывающих влияние на жизнь детей.

Исчезающее детство?

Изложенные выше дебаты во многом связаны с меняющимся характером самого феномена детства, что в свою очередь связано с изменениями в обществе. Так, в последние десятилетия XX века многие авторы писали об «исчезновении детства»

ва» (Elkind, 1981; Postman, 1983; Steinberg and Kincheloe, 1997; Winn, 1984, цитата по Prout, 2005). Некоторые исследователи приписывают этот дискурс меняющемуся характеру семейного уклада, в частности, явлению детрадиционализации (Giddens, 1990; Beck 1996; см. также Mac an Ghail & Haywood, 2007) — новым, более демократичным, «рефлексивным» отношениям в семье, где, по мнению Энтони Гидденса, женщины, мужчины и дети сегодня более равноправны по отношению друг к другу не только перед законом, но и на практике (Giddens, 1991: 135–6; Williams and Williams, 2005). Знаком того, что семейные отношения существенно демократизируются, выступает тот факт, что для решения внутрисемейных вопросов родители все больше прибегают к методу переговоров с детьми, заменяя им авторитарный стиль общения.

Гидденс также говорит о «чистых отношениях», которые отличаются от «более традиционных видов социальных связей», основаны на доверии и «имплицитно демократичны» (Giddens, 1999: 61). Кроме того, из-за нестабильности современных отношений между взрослыми, часто заканчивающимися разводом, люди делают бóльшую ставку на отношения со своими детьми (Beck & Beck-Gernsheim, 1995). Некоторые другие авторы, однако, считают, что идея Гидденса о «чистых отношениях» неадекватна, так как подлинно демократичные отношения между родителями и детьми в принципе невозможны. Борьба за контроль будет вечно мешать их взаимному душевному раскрытию (Jamieson, 1998; Solomon et al., 2002).

За «исчезновение детства» одни авторы винят значительно увеличившуюся нагрузку на детей в школе, другие — технологические новинки. Некоторые исследователи, однако, воспринимают революцию цифровых технологий, размывающую границу между детством и зрелостью, как положительное явление, переворачивающее поколенческую иерархию и освобождающее детей от устаревших социальных форм. Как бы то ни было, дискурс об «исчезновении детства» базируется на достаточно упрощенном представлении о детстве и на культурном консерватизме, принимающем изменения за распад или даже вымирание (Buckingham, 2000; Prout, 2005).

Похожим образом, Линор Горалик говорит о «кидалте» (этот термин составлен из английских слов 'kid' (ребенок) и 'adult' (взрослый)), а также о панике, сопровождающей в обществе это «слияние детства и зрелости», как о медиа-феномене, построенном на устаревших представлениях о том, что значит быть взрослым. Автор предлагает не жаловаться на исчезновение зрелости, а говорить о «новых взрослых»: эмоциональных и не чуждых игры, чьи финансовые, образовательные и прочие ресурсы позволяют им развлекаться нетрадиционными способами и быть спонтанными и гибкими в отношении собственного стиля жизни (Goralik, 2008).

Тем не менее, многие авторы утверждают, что граница между детством и зрелостью действительно ослабевает и это связано с культурными, экономическими и технологическими изменениями. Поэтому Праут призывает нас оставить вопрос о том, что же такое детство, открытым. Следуя той же логике, Смит пишет, что в непрерывно меняющемся мире «процесс понимания и воспроизводства знаний о детстве — это непрерывное, но постоянно обновляющееся историческое явление» (Smith, 2000: 4).

Заключение

В статье было рассмотрено, как к последнему десятилетию XX века дети и детство переместились из периферии социальных наук в центр их внимания. В ча-

стности, рассказано о междисциплинарном подходе «Новая социология детства», изложены его основные теоретические концепции и представлен обзор исследований, появившихся в его русле.

Среди основных теоретических положений «Новой социологии детства» — концепция социальной конструкции детства и представление о детях как социальных акторах или агентах. Эти постулаты стимулировали появление массы исследований, направленных на изучение того, как по-разному проходит детство, в зависимости от культуры, класса, гендера и исторических условий. Авторы этих исследований стремились разрабатывать и применять такие методы, которые ставили бы детей во главу угла и превращали бы их из «испытуемых» или «опрашиваемых» в равноправных участников исследовательского процесса. Ключевые идеи «Новой социологии детства» также обусловили некий «географический поворот» в исследованиях детства — появление большого количества работ, особенно в Великобритании и США, проливающих свет на роль непосредственного географического окружения, в котором протекает жизнь ребенка и на то, как дети осваивают, оспаривают и даже отвоевывают свою территорию.

Недавняя критика «Новой социологии детства» затрагивает именно эти ключевые положения данного направления, уже ставшие к сегодняшнему дню общим местом. Некоторые авторы стремятся преодолеть дуалистические позиции «Новой социологии детства», ища вдохновение в таких теориях, как теория сложных систем или теория акторских сетей; другие призывают к изучению этических и политических последствий тех или иных научных концепций для жизни детей.

Наконец, в статье говорилось о так называемом «исчезновении детства», декларируемом рядом авторов. С первого взгляда, такой постулат находится в конфликте с тем хорошо видимым, центральным положением, которое детство заняло в обществе и социальных науках. Здесь, однако, нет никакой дилеммы: понятие о детстве, ставшее более «выпуклым» и значимым в обществе, нагружено ожиданиями и надеждами, а значит, чтобы привлечь внимание общества, достаточно и малейших изменений в явлении детства. Тем не менее, возможно, что изменения происходят серьезные — вместе с изменениями семейного уклада и стиля жизни, появлением и развитием новых технологий и биологической акселерацией.

Возможно, рекомендация по выходу из ситуации паники вокруг меняющегося детства — и по перспективе будущих исследований — содержится в словах Йенса Квортрупа: «Мы можем и должны говорить о детстве, которое изменилось — во всех его характеристиках, во всем его содержании и во всех его отношениях к другим поколенческим сегментам» (Qvortrup, 2007: 397). Понятие детства, несущее слишком большую символическую и эмоциональную нагрузку, рискует превратиться в чистую абстракцию, если мы не будем задавать себе вопрос: «Где же те дети, о которых мы так много говорим?» Конечно же, они никуда не исчезли. По всей видимости, требуется больше этнографических исследований «детства, которое изменилось» — детских практик в разных странах и обстоятельствах. Социологам нужно быть открытым и внимательным к детским голосам на микроуровне, на «скромном» уровне повседневной жизни (см. Kraftl, 2008). Среди тем, требующих изучения, — то, какое влияние оказывают на детей новые технологии и новые средства массовой информации, а также сами противоречивые репрезентации детей и детства. Актуальным остается и исследование креативного взаимодействия детей с этими технологиями и репрезентациями — их интерпретация и их усилия по построению собственной жизни.

Автор благодарит Е.Ю. Рождественскую (Мещеркину) и В.В. Семенову за вдохновение на проведение исследований в рамках тематики детства, а также Х. Мэттьюза, Дж. Хортон и П. Крафтла за способствование дальнейшему развитию интереса к данной тематике. Статья написана при поддержке гранта АН/Е507026/1 Совета по исследованиям в области искусства и гуманитарных наук Великобритании (AHRC).

Литература

- Adler, P.A. & Adler, P. (1986). Introduction. In P.A. Adler & P. Adler (eds.), *Sociological Studies of Child Development*, vol.1: Greenwich, Connecticut: JAI Press, 3–10.
- Aitken, S. (1998). *Family Fantasies and Community Space*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Aitken, S. (2001). *Geographies of Young People*. London: Routledge.
- Alanen, L. (1988). Rethinking Childhood. *Acta Sociologica*. 31, 1, 53–67.
- Ambert, A.-M. (1986). Sociology of Sociology: The Place of Children in North American Sociology. In P.A. Adler & P. Adler (eds.), *Sociological Studies of Child Development*, vol.1: Greenwich, Connecticut: JAI Press, 11–31.
- Ansell, N. (2008). Childhood and the Politics of Scale: Descaling Children's Geographies? *Progress in Human Geography*, pp. 1–20.
- Ariès, Ph. (1960). *L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*. Paris.
- Ariès, Ph. (1962). *Centuries of Childhood*. New York: Vintage Books.
- Beck, U. (1989). *Risk Society: Towards a New Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Beck, U. and Beck-Gernsheim, E. (1995). *The Normal Chaos of Love*. Cambridge: Polity Press.
- Buckingham, D. (2000). *After the Death of Childhood: Growing Up in the Age of the Electronic Media*. Cambridge: Polity Press.
- Byrne, D. (1998). *Complexity Theory and the Social Sciences*. London: Routledge.
- Cahill, C. and Hart, R.A. (2006). Pushing the Boundaries: Critical International Perspectives on Child and Youth Participation — series introduction. *Children, Youth and Environments* 16 (2), pp. i-iii.
- Calvert, K. (2008). Vypryamlenii rebyonok: Odezhdy dlya pelenania i stul'chiki dlia khod'by. [The Upright Child: Swaddling Clothes and Walking Stools.] *Teoriya Mody: Odezhda, Telo, Kul'tura*[Fashion Theory: Dress, Body, Culture], 8, pp. 61–90.
- Chisholm, L., Buechner P., Krueger H.-H., Brown P. (Eds.) (1990). *Childhood, Youth and Social Change: A Comparative Perspective*. Falmer Press.
- Christensen, P. and O'Brien, M. (Eds.) (2003). *Children in the City: Home, Neighbourhood and Community*. London, NY: Routledge.
- Cunningham, H. and Viazzo, P.P. (1996) *Child Labour in Historical Perspective 1800–1995*. Florence: UNISEF.
- Delphy, C. (1984). *Close to Home: A Materialist Analysis of Women's Oppression*. London: Hutchinson.
- Delphy, C. and Leonard, D. (1986). Class Analysis, Gender Analysis and the Family. In: Grompton, R. and Mann, M. (Eds). *Gender and Stratification*. Cambridge: Polity Press.
- Delphy, C. and Leonard, D. (1990). *Women and the Family*. London: Tavistock.
- den Besten, O., Horton, J. and Kraftl, P. (2008). Pupil Involvement in School (Re)design: Participation in Policy and Practice. *CoDesign*, 4:4, 197–210. Available on-line at: <http://ssrn.com/abstract=1281685>
- Dreitzel, H.P. (ed.) (1973). *Childhood and Socialization*. San Francisco: Jossey-Bass.

- Drummond, L. (2007). Hanoi 5000 Hoan Kiem Lakes: Using Art to Involve Young People in Urban Futures. *Children's Geographies*, Vol.5, No.4, pp. 479–488.
- du Bois-Raymond, M., Sunker, H. and Krueger, H. (Eds.) (2001). *Childhood in Europe: Approaches — Trends — Findings*, New York: Peter Lang.
- Elkind, D. (1981). *The Hurried Child: Growing Up Too Fast, Too Soon*, Reading, MA: Addison Wesley.
- Ennew, J. (1986). *The Sexual Exploitation of Children*. London: Polity Press.
- Eve, R.A., Horsfall, S. and Lee, M.E. (Eds.) (1997). *Chaos, Complexity and Sociology: Myths, Models and Theories*. London: Sage.
- Gallagher, M. (2008). 'Power is Not an Evil': Rethinking Power in Participatory Methods. *Children's Geographies*, Vol. 6, No. 2, pp. 137–150.
- Giddens, A. (1990). *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and Self Identity*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A. (1999). *The Runaway World*. Cambridge: Polity Press.
- Goralik, L. (2008). Malen'kiy Prints i Bol'shie Ozhidaniya: 'Novaya Zrelost' v Sovremennom Zapadnom Obschestve [The Little Prince and Great Expectations: the 'New Adulthood' in Contemporary Western Society]. *Teoriya Mody: Odezhda, Telo, Kul'tura [Fashion Theory: Dress, Body, Culture]*, 8, pp. 260–300.
- Hart, R. (1992). *Children's Participation: From Tokenism to Participation*. International Child Development Centre/UNICEF.
- Hendrick, H. (1997). *Children, Childhood and English Society 1880–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heywood, C. (2001). *A History of Childhood*. Cambridge: Polity Press.
- Hopkins, P. and Pain, R. (2007). Geographies of Age: Thinking Relationally. *Area*. Vol. 39 No. 3, pp. 287–294.
- Horton, J. and Kraftl, P. (2006). What else? Some More Ways of Thinking and Doing 'Children's Geographies'. *Children's Geographies*, Vol. 4, No. 1, 69–95, April 2006.
- James, A., Jenks, C. and Prout, A. (1998). *Theorizing Childhood*. Cambridge: Polity Press.
- Jamieson, L. (1998). *Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press.
- Jenks, C. (1982). *The Sociology of Childhood. Essential Readings*. London: Batsford Academic and Educational Ltd.
- Katz, C. (2004). *Growing Up Global: Economic Restructuring and Children's Everyday Lives*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Kelly, C. (2007). *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. Yale University Press.
- Kraftl, P. (2008). Young People, Hope, and Childhood-Hope. *Space and Culture*, 11, 81–92.
- Kraftl, P. (under review) Events of hope and events of crisis: childhood, youth and hope in Britain. In: Leaman, J. and Woersching, M. (eds.) *Youth in Contemporary Europe*. London: Routledge.
- Latour, B. (1993). *We Have Never Been Modern*. Hemel Hempstead: Harvester/Wheatsheaf.
- Lavalette, M. (1994). *Child Employment in the Capitalist Labour Market*. Aldershot: Avebury.
- Leonard, D. (1990). Persons in Their Own Right: Children and Sociology in the UK. In: *Chisholm, L., Buechner P., Krueger H.-H., Brown P. (Eds.) (1990). Childhood, Youth and Social Change: A Comparative Perspective*. Falmer Press. — P. 58–70.
- Mac an Ghaill, M. and Haywood, Ch. (2007). *Gender, Culture and Society. Contemporary Femininities and Masculinities*. NY: Palgrave.
- Matthews, H. (1992). *Making Sense of Place: Children's Understanding of Large-Scale Environments*. Harvester-Wheatsheaf.
- Matthews, H. (2001). *Children and Community Regeneration: Creating Better Neighbourhoods*. London: Save the Children.

Matthews, H. and Limb, M. (1999). Defining an Agenda for the Geography of Children, *Progress in Human Geography*, 23, 1, 1999, pp. 61–90.

Newman, M. and Thomas, P. (2008). Student participation in school design: one school's approach to student engagement in the BSF process, *CoDesign*, 4:4, 237–251.

Nikitina, O., Rozhdestvenskaya, E. and Semenova, V. (2008). Frauenbiografien und Frauenrinnerungen an den Krieg [Women's Biographies and Women's Experiences of War]. In: A.von Plato, A.Leh, Ch. Thonfeld (Hg.) Hitlers Sklaven. Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich. Wien, Köln, Weiwar: Böhlau. The English-language version of the chapter is available on-line at: <http://ssrn.com/abstract=1281444>

Nikitina-den Besten, O. (2008). Cars, Dogs and Mean People: Environmental Fears and Dislikes of Children in Berlin and Paris. In: K.Adelhof, B.Glock, J.Lossau, M.Schultz (Eds.) Urban trends in Berlin and Amsterdam. Berliner Geographische Arbeiten, Heft 110. Berlin: Humboldt Universitaet, pp. 116–125. Available on-line at: <http://ssrn.com/abstract=1154559>

Olwig, K.F. and Gulløv, E. (eds) (2003). *Children's Places: Cross Cultural Perspectives*. London: Routledge.

Postman, N. (1983). *The Disappearance of Childhood*. London: W.H. Allen.

Prigogine, I. (1980). *From Being to Becoming*. Freeman.

Prigogine, I. (1997). *End of Certainty*. The Free Press.

Prigogine, I. and Stengers, I. (1984). *Order out of Chaos: Man's new dialogue with nature*. Flamingo.

Prout, A. (ed.) (2005). *The Future of Childhood: Towards the Interdisciplinary Study of Children*. London: Routledge Falmer.

Prout, A. and James, A. (eds) (1990). *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*. Basingstoke: Falmer Press.

Punch, S. (2002). 'Research with Children: The Same or Different from Research with Adults?' *Childhood* 9 (3), pp. 321–341.

Qvortrup, J. (2007) Editorial: A reminder. *Childhood*, 14, pp. 395–400.

Qvortrup, J. (ed.) (2005) *Studies in Modern Childhood. Society, Agency, Culture*. Palgrave Macmillan.

Scraton, P. (Ed.) (1997) 'Childhood' in 'Crisis'? London: UCL Press.

Smith, R. (2000). Order and Disorder: The Contradictions of Childhood. *Children and Society*. Volume 14, 3–10.

Solomon, Y., Warin, J., Lewis, C. and Langford, W. (2002). Intimate Talk Between Parents and Their Teenage Children: Democratic Openness or Covert Control? In *Sociology*, Vol. 36 (4), pp. 965–983.

Speier, M. (1976). The Adult Ideological Viewpoint in Studies of Childhood. In A.Skolnick (ed.): *Rethinking Childhood. Perspectives on Development and Society*. Boston-Toronto: Little, Brown & Co.

Spenser, Ch. And Blades, M. (2005). *Children and their Environments: Learning, Using and Designing Spaces*. Cambridge University Press.

Stainton-Rogers, R. and Stainton-Rogers, W. (1992). *Stories of Childhood: Shifting Agendas of Child Concern*. London: Harvester/Wheatsheaf.

Steinberg, S. and Kincheloe, J. (1997) (eds) *Kinderculture: The Corporate Construction of Childhood*, Boulder, CO: Westview.

Thorne, B. (1987). Re-visioning Women and Social Change: Where Are the Children? *Gender and Society* 1 (1), pp. 85–109.

Tsoukala, K. (2001). L'image de la ville chez l'enfant [Child's representations of the city]. Paris: Anthropos.

Tsoukala, K. (2007). *Les territoires urbains de l'enfant [Child's urban territories]*. Paris: L'Harmattan.

Valentine G. (1996). Angels and Devils: Moral Landscapes of Childhood. *Environment and Planning, D: Society and Space*, 14, pp. 581–99.

Valentine, G. and Holloway, S. (1999). Cyberkids: Children's Social Networks, 'Virtual Communities' and On-line Spaces. Children 5–16 Research Briefing, 2 October 1999, pp.1–4.

Vanderbeck, R. (2008). Reaching Critical Mass? Theory, Politics, and the Culture of Debate in Children's Geographies. *Area*, Vol. 40 No.3, pp. 393–400.

Vygotsky, L.S. (1962). *Thought and Language*. Cambridge, MA: MIT Press.

Vygotsky, L.S. (1978). *Mind in Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Ward, C. (1977). *The Child in the City*. Architectural Press.

Williams, S. and Williams, L. (2005). Space Invaders: The Negotiation of Teenage Boundaries through the Mobile Phone. *The Sociological Review*, 53 (2), pp. 314–321.

Winn, M. (1984). *Children without Childhood*, Harmondworth: Penguin.

Wooley, H. (2006). Freedom of the City: Contemporary Issues and Policy Influences on Children and Young People's Use of Public Open Space in England. *Children's Geographies*, Vol. 4, No. 1, 69–95, April 2006.

Zelizer, V.A. (1994). *Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children*. Princeton University Press.

What's new in the New Social Studies of Childhood?

Olga N. Nikitina-den Besten

Introduction

The purpose of this article is to review the main theoretical positions of the approach called 'New Social Studies of Childhood' (NSSC) and to critically re-assess them in the face of challenges presented by the twenty-first century. The NSSC developed in the last two decades of the twentieth century as an interdisciplinary approach towards the study of childhood, uniting under its roof sociologists, psychologists, anthropologists, educationalists, pediatricians, historians, and geographers. Historical reasons for the appearance of the NSSC are outlined in the first section of the article.

The title of the article has a double reading. On the one hand, the paper considers what new ideas the NSSC has brought into research on childhood, and how it has changed the way researchers see children now. Thus, the paper discusses the principal theoretical assumptions of the approach: the social construction of childhood, diversity of childhoods, a view of children as social actors and participants, and a major role played by localities and environments in shaping children's experiences.

On the other hand, the article also explores what new dimensions are currently taken by the NSSC, and looks at attempts, within childhood studies, to re-evaluate the above, by now well-known positions, and move the field forward to advance interdisciplinary understanding of children's and young people's lives.

I conclude by outlining major changes in our views on childhood, brought in by the NSSC, and discussing the potential for new directions of research, as has been mapped by recent scholarship in childhood studies.

History of the approach

Starting mostly from the 1980s, researchers expressed concern that the study of children is either absent or marginal in sociological and anthropological theory and research (see e.g. Alanen, 1988, Leonard, 1990). They argued that, on the contrary, childhood issues should be central to the discipline of sociology (Adler & Adler, 1986).

This turn towards the child, to studying children 'as they are', and not as adults-in-waiting, can be explained by the important historical development described by Viviana Zelizer in her book *Pricing the Priceless Child* (1994). Zelizer investigates how, from the late nineteenth century to the 1930s, children in America gradually ceased to contribute to the family economy (by helping at the family farm or workshop, or doing major work about the house) due to laws banning child labour, while at the same time the emotional status of children grew, as did the investments that parents put in children's education,

health, and well-being. Thus, an image of the modern child appears who is at once economically 'useless' and emotionally 'priceless'.

Perhaps the first person to trace the appearance and change of the phenomenon of childhood in history and to challenge the notion that childhood is a natural stage in the development of a human being was the French historian Philippe Ariès (1960). According to his book, translated into English as *Centuries of Childhood* (1962), the notion of childhood simply did not exist in the medieval society, and childhood, as a concept and an accepted part of family life, came into being only as late as the seventeenth century. That is when children began to be treated as children, i.e., as different from adults: for example, as innocent beings, who need to be shielded from certain spheres of human existence, such as sex or death. Another example used by Ariès is the appearance of styles of clothes that are specifically designed for young boys and girls instead of the miniature copies of the adult clothing styles that had been prevalent until then.

Closer to the period in which the NSSC appeared and developed, it is worth mentioning that by the last decades of the twentieth century, the number of children per family in affluent societies dropped dramatically, while the quality of life improved. Thus, the centrality of children for the family and the society became even more evident than it might have been before.

In the late 1980s, with the growing attention of society towards childhood, scholars were trying to understand why children were still seen, like women had been before, as peripheral to the sociological study or were only considered as future replacements for adults ('becomings' and not beings). They traced the reasons for this attitude back to the originally mostly 'macro' focus of sociology as a discipline and its prevalent attention to the study of global systems (Ambert, 1986).

A number of feminist researchers have explored why the study of childhood in social sciences narrowed itself to a limited number of topics and approaches. Ennew (1986) points to the conventional perception of family as a natural or biological unit ('nuclear family' or 'typical family'). While new family arrangements were emerging, they received almost no attention in traditional sociological research.

In sociology, the socialization theory was criticized as conventional (see, for example, Alanen 1988), because it considers children as passive and presupposes that the child is only in the process of becoming social — undergoing socialization (Dreitzel, 1973). Although the socialization theory explains how children, born without knowledge of the society's language or organization, become inducted into the surrounding social worlds, it does that from 'the adult ideological viewpoint' (Speier, 1976, Thorne, 1987). This viewpoint was also labelled 'an elitist perspective' (Alanen, 1988: 58), i.e., from a position of power to those undergoing socialization — in our case, children. The concept of socialization was said to regard children as 'not-yet-social beings' and to be inattentive to children's active social participation and their agency in social life.

In child psychology, the concept of development widely used by this discipline was criticized for its lack of attention to the social and historical context of childhood, as well as for setting up adulthood as the standard of rationality. Consequently, the assumption that childhood can be treated as a universal, biologically given, phenomenon was questioned. Critical psychology, emerged in 1970s, was already much more sensitive to the social context of behavior.

On the whole, by the mid-1980s both the importance of study of childhood in the social sciences and the importance of society and culture in childhood studies were becoming widely recognized. Social constructionism theory, which developed in the last

decades of the twentieth century, reinforced the idea that childhood should be understood as a historical, social, and cultural phenomenon.

Social construction of childhood

As mentioned, the NSSC has been largely based on the concept that childhood is socially constructed (e.g. Alanen, 1988, Prout & James, 1990, and many others). As the authors of the book *Constructing and Reconstructing Childhood* put it,

The immaturity of children is a biological fact but the ways in which that immaturity is understood and made meaningful is a fact of culture. (Prout & James, 1990: 7)

Scholars suggest that childhood is continuously reconstructed within a field of multiple societal constraints and confronting social forces. Moreover, according to Jenks (1982), the child is constituted within social theory — it is assembled to support certain interpretations of a man or a woman, action, order, language and rationality.

Indeed, in line with the ‘linguistic turn’ in social theory, childhood is considered to be constructed through various discourses and narrative practices. Thus, childhood is defined as ‘constructed through its telling... there can only be stories and storytellers of childhood’ (Stainton-Rogers & Stainton-Rogers, 1992: 12).

Some researchers tried to find a compromise between the position that childhood is socially constructed and the socialization theory, bringing the latter up-to-date with contemporary views on childhood. For instance, Alanen calls for the understanding of socialization as a *process*, and not just from the point of view of its outcomes. She suggests that ‘socialization might be re-conceptualized as *construction* instead of internalization’ (Alanen, 1988: 61).

Diverse and global childhood(s)

If childhood is not as universal and natural, as it seemed before the work of Ariès and the NSSC, then there are multiple different childhoods, both synchronically and diachronically.

Synchronically, the social, cultural and economic conditions within which children live and grow up are diverse and increasingly diversified. Numerous research efforts were put into studying childhood from a comparative perspective (see, for example: Chisholm, Buechner, Krueger and Brown, 1990; du Bois-Raymond, Sunker and Krueger, 2001; Olwig & Gulløv, 2003), comparing childhood experiences in different countries and cultures.

Within these efforts, attempts have been made to explore a variety of childhoods co-existing even within one country. For example, drawing on the case of Germany before the re-unification, authors write that ‘Ethnic minorities live on the margins of West German society, with few links into the indigenous culture’, so that ‘West German children rarely have much contact with minority group children unless they live in specific areas (for example, Kreuzberg in West Berlin)...’ (Chisholm & al., 1990: 2).

According to Alan Prout (2005), such diversity of childhoods is made more visible with socio-technical developments in communication. He also suggests that globalization has led not only to greater understanding of the diversity of childhoods but also to the emergence of a common concept of childhood — in particular, due to introducing universal human rights, including children’s rights.

In her book *Growing up Global* (2004), Cindi Katz examines the processes of development and global change through the perspective of children's lives. At the core of the book is a longitudinal ethnographic study of children growing up in a Sudanese village. It follows a small number of children from ten years of age to early adulthood, looking closely at their work and play. Shifting her focus to working-class families in New York City in 1980s and 1990s, Katz draws an unexpected parallel with the Sudanese experience with respect to the effects of the changing environment on children and communities. Such effects are, in particular, deskilling, community destabilization, and a reordered relationship between production and reproduction.

As for the diachronic aspect, a big amount of work has been carried out to study attitudes to children and their upbringing in the past. Karin Calvert, for example, explores the practice of swaddling over the ages. Babies were swaddled not only for their own protection, but also to give them good posture, so that to make them more 'like humans'. Parents would resort to various devices and techniques in order to prevent their children from crawling on all fours like an animal. The author describes methods used to help children stand and walk upright from a very early age (Calvert, 2008).

A lot of attention has recently been devoted to the study of everyday practices, relationships, material aspects of children's lives in the past within a given society, as well as how children's experiences were shaped by the ideology and politics of that society. See, for example, Catriona Kelly's social and cultural history account of a century of childhood in Russia and Soviet Union, from 1890 to 1991 (Kelly, 2007).

Children as agents, social actors, and participants

The NSSC considers children not as passive objects of socialization but as social actors in their own right. Following this, some researchers propose considering children

as 'a structural «class» in relation to other classes and capable of collective action and therefore capable of engaging in social struggles' (Alanen, 1988: 65).

Looking at family as an institution, Delphy (1984) and Delphy & Leonard (1986, 1990) have developed a theoretical formulation that stresses the structural hierarchy of family relations and the 'class' relations between genders and between generations. Leonard comes to the following conclusion:

Childhood, youth and old age are not seen as defined in opposition to, by exclusion from 'adulthood'. Power relations between different age groups are therefore largely invisible because the relationships are seen as individual, complementary, and/or naturally based. Since this is very similar to the situation vis-a-vis the treatment of women and gender relations in sociology prior to 1970, it was suggested that feminist writing, which has developed the concept of patriarchy as a system of power relations, would form a useful resource for the sociology of childhood. (Leonard, 1990: 70)

Speaking about how children are perceived by adults and what is expected of children by the society, Smith (2000) defines three aspects of childhood (he also calls them 'phases of experience' and 'role categories'): children as consumers, children as interpreters, and children as actors. He explains that these 'phases of experience' 'equate to distinct aspects of children's lives, reflecting the stages of receiving stimuli from the external world' (Smith 2000, p. 5).

As 'consumers', children are perceived as passive recipients of information or products, and this perception is used in the context of education or of advertising campaigns. As 'interpreters', however, children are expected to analyze the information they receive and to be able to make their own choices. Finally, as 'actors', children are supposed to take initiative and responsibility, or even a leadership role in youth organizations.

Smith considers such 'phases' in two ways: they can be seen either as 'temporal stages in the process of receiving stimuli, processing them and then taking action' or as 'developmental stages' (p. 6) — children moving from a more dependent and passive state to a more proactive position. Smith is concerned that these role expectations can cause multiple contradictions, especially for children with limited resources, including those living in non-affluent societies.

The view on children as social actors has led to the understanding that children should be granted the status of participants in the processes that construct worlds that surround them. Matthews argues that '...children, as full members of society, have the human right to participate in its activities, according to their levels of ability, understanding and maturity' (2001: 9). A number of other authors regard, too, children's and young people's participation as a necessary condition for the future of a democratic society. Thus, according to Hart (1992), democratic responsibility does not suddenly arise in adulthood, but is a condition that must be nurtured and experienced at different stages along a transition, and so should be a feature of all democratic education.

To show different degrees of children's involvement, Hart devised a ladder of participation. The ladder has eight steps towards full participation starting from non-participation (manipulation, decoration, tokenism) and going through 'assigned but informed', 'consulted and informed', 'adult-initiated, shared decisions with children', 'child-initiated and directed', and finally, 'child-initiated, shared decisions with adults' (Hart, 1992).

This critical stance has led to the development of research on children's participation, in particular regarding the decision-making process of environmental planning (Matthews, 2001; Drummond, 2007; Spenser & Blades, 2005) and the architectural

design of new school buildings (den Besten et al., forthcoming). It has also led to the development and use of participatory methodology in research with children destined to incorporate children's own perspectives (see, for example, Punch, 2002; for the recent critical discussion of such methods sees Gallagher, 2008).

Spatiality and Children's Geographies

Over the past decade, there has been what I would call the 'geographical turn' in the study of childhood. Human geographers extensively explored children's understanding of place and space, their relations to their (especially physical) environment. Matthews (1992) provides a comprehensive survey of the literature that laid foundation to this direction of research named 'Children's Geographies'. A large body of studies have

focused on the 'mileus' in which children are located, such as family, school, and neighbourhood (Aitken, 1998, 2001; James et al., 1998), and on children's emotional and social experience of places around them (see, for example: Christensen & O'Brien, 2003; Nikitina-den Besten, 2008; Olwig & Gulløv, 2003; Spenser & Blades, 2005; Tsoukala, 2001, 2007; and many others). The international journal 'Children's Geographies' was founded in 2003 (editor — Prof. Hugh Matthews, University of Northampton, UK).

Hopkins and Pain explain this 'geographical turn' by the influence of the NSSC ideas:

This shift from seeing age and lifecourse stages as socially constructed categories rather than independent variables means that space and place gain significance. People have different access to and experiences of places on the grounds of their age, and spaces associated with certain age groups influence who uses them and how. (Hopkins & Pain, 2007: 287–288).

Children's geographies as a subdiscipline of human geography has gradually broadened and now comprises a lot of advanced interdisciplinary work — a lot of which was inspired by the New Social Studies of Childhood. In turn, the field of children's geographies make use of post-modern reflections and ideas in social sciences — in particular, focusing on mundane everyday practices, materiality, and bodies (Horton & Kraftl, 2006).

Exploring children's relationship with their environments, many researchers have noted that children and young people are almost invisible on the physical and social landscape of contemporary Western towns and cities. This is partially due to the enlarged home space and diversified indoor activities such as computer games and internet roaming (Valentine and Holloway, 1999). However, the phenomenon of children's absence in public outdoor spaces is also attributed to sociospatial marginalization of children as a generational group, which can be compared to exclusion of other social groups, such as, for example, ethnic minorities or people with disabilities (Matthews and Limb, 1999).

Already 30 years ago, a revolutionary book of Colin Ward (1977) showed how children are ghettoized into safe, protected, adult-controlled compounds and how they are trying to resist it. Those children who are still present on the urban landscape, are regarded as either 'angels' or 'devils' (Valentine, 1996): either as victims, the view which serves to justify the increasing adult surveillance, or on the contrary, as a nuisance or even a danger for social order.

According to Prout (2005), the idea that children do not belong to the public space, has its roots in the exclusion of children from full-time paid employment and their inclusion in compulsory schooling in the nineteenth and beginning of the twentieth centuries in Europe and the US (Cunningham and Viazzo, 1996; Hendrick, 1997; Heywood, 2001; Lavalette, 1994, cited in Prout, 2005). Due to that, writes Prout, efforts were made to take children away from the street and confine them to places such as the home, the school, or youth organizations like the Scouts. A recent study of the policies affecting children and young people in the UK revealed that there are policies which both directly and indirectly influence the experiences of public open spaces that children and young people can have (Wooley 2006).

What's on in Childhood Studies today? Contemporary debates around the NSSC

There are currently attempts to bring debates in and around childhood studies on a new level, in particular, by challenging some of the above core theoretical assumptions of the NSSC. According to Robert Vanderbeck, such assumptions are often taken for granted and 'infrequently interrogated in much depth' (2008: 394).

To illustrate this, Vanderbeck considers one example of such an assumption, which has become 'a theoretical commonplace' (ibid.) and 'is recited repeatedly in the children's geographies literature and the NSSC' (2008: 396) — that of children's competent social agency. According to Vanderbeck, although there is now a common understanding of the child as a competent social agent (or actor) and of the need for 'the child's voice to be heard', the practical and political implications of this position are rarely discussed. For example, the author states that there is no discussion of (the need for) any age differentiation within the notions of childhood and youth. Yet such differentiation can be crucial, for instance, in criminal proceedings involving young people. Vanderbeck writes about some other aspects of age differentiation, eliminating which in practice would have very serious consequences. Examples of these are voting ages and drinking ages, as well as ages of sexual consent and of access to particular kinds of media (e.g. sexually explicit material and violent video games) (Vanderbeck, 2008: 398).

Along this line of thought, Peter Hopkins and Rachel Pain propose creating 'relational geographies of age' (2007: 287). They are critical of focusing on 'narrow identity groups', such as children or older people, in isolation (2007: 288). Instead, they call for more and broader research into the relations and interactions between generational groups. They write:

*Viewing intergenerationality as an aspect of social identity suggests that individuals' and groups' sense of themselves and others is partly on the basis of generational difference or sameness. (...) A stance that intergenerationality is important in understanding the construction and experience of identity entails more than, for example, acknowledging that what it is to be a child is affected by people of other age groups. It also suggests that identities of children and others are produced **through** interactions with other age/generational groups and are in a constant state of flux (Hopkins & Pain, 2007: 288–289).*

In a similar way, Victoria Semenova proposes a definition of the notion of generation as based on how people see themselves as belonging to this or that generation and associate themselves with other people from this particular generation (Semenova, 2009).

Another concept, which Hopkins and Pain (2007: 290) find useful, is that of intersectionality — for exploring 'the ways in which various markers of social difference — gender, class, race, (dis)ability, sexuality, age, and so on — intersect and interact'. The authors also call for more studies — in particular, through oral history — of dynamic life courses and on transitions between different life stages/experiences: for example, from school to work, from childhood to youth, or from childhood to parenting (ibid.). Clearly, a lot of research on children in social sciences has already been based on the life course and oral history approaches, including, for example, a study of Soviet girls' experiences as slave laborers for the Nazi regime during World War II (Nikitina et al., 2008).

Even earlier than Hopkins and Pain, Alan Prout also started to promote the life course approach as a useful framework for advancing childhood studies. According

to him, this approach allows for the multiplicity and complexity of childhoods and does not reduce childhood to a relationship between just two terms — adult and child. Prout writes that life courses are influenced by 'a wide range of human and non-human factors in constructing multiple versions of childhood and adulthood as they shift through time', and sets the task to explore 'how different versions of child and adult emerge from the complex interplay, networking and orchestration of different natural, discursive, collective and hybrid materials' (Prout, 2005: 79–80).

Another dominant theoretical position of the NSSC questioned today is social and discursive construction of childhood. While recognizing the importance of this 'founding idea', Prout (2005) attempts to move on from it. According to Prout, the claim that childhood is a social construction reproduces the opposition between 'nature' and 'culture', social and biological, rather than challenging it.

As Prout (2005: 44) states,

I want to argue that only by understanding the way in which childhood is constructed by the heterogeneous elements of nature and culture, which in any case cannot be easily separated, will it be possible to take this field forward.

Prout emphasizes the fact that we cannot separate out the social from the genetic and that any social theory of childhood has to consider the place of 'the body' and genetics. In underlining this inseparability, he refers to Latour's expression of 'the heterogeneous networks of the social', which are 'simultaneously real, like nature, narrated, like discourse and collective, like society' (Latour, 1993: 6).

Moreover, referring to the concept of 'being versus becoming', Prout (2005) argues that the child cannot be essentialized into some unchanging stable entity. I can add that an adult, on the other hand, should not be considered as an unchanging entity, either, but instead as someone changing throughout the life course, influenced by the environment, own biographical events, the gradually changing personal, professional and other practices, and changing body.

As one of the best examples in the history of social sciences of overcoming dualistic approaches, Prout refers to Lev Vygotsky who developed his Socio-Cultural Theory back in the 1920s in the Soviet Union. The theory strived to overcome the dualism of a study of human consciousness as a separate and independent entity, on the one hand, and a study of psychological processes as an epiphenomenon of biology and physiology, on the other. One of the main concepts of this theory, which helps to do that, is the one of mediated action. This means, that children, participating in common activities with other human beings, internalize language, beliefs, norms, facts, artifacts and modes of acting. According to Vygotsky, society provides the symbolic tools, which shape the development of thinking. So cognition cannot be separated from the conditions and practices of life with which the child grows up. Thinking develops in the interaction, i.e. the material activity that takes place between the individual and the collectively constituted and historically situated culture created through joint activity. Vygotsky's ideas became accessible to Western psychologists and began influencing them only starting from the 1960s (see Vygotsky 1962, 1978).

Prout (2005) further outlines strategies for moving beyond such dualisms in contemporary childhood studies, as adult versus child, structure versus agency, individual versus society and being versus becoming. He draws on innovative ideas from actor-network theory (ANT) and complexity theory to suggest that social life cannot be reduced to the purely social or technological and that natural and social systems are

evolutionary. ANT, for example, uses the metaphor of 'network' to suggest that childhood could be seen as a collection of different, sometimes competing and sometimes conflicting, heterogeneous orderings. ANT avoids the opposition of agency and culture by insisting that actors can be of many different kinds: human as in the case of children and adults but also non-human ones such as organisms, artifacts and technologies. All of these are treated as hybrids of culture and nature produced through networks of connection and disconnection.

...new forms of childhood arise when new sets of network connections, for example between children and technologies such as TV and the internet, are made. Such new networks may overlap and coexist with older ones but they may also conflict. (Prout, 2005: 71–72)

Speaking about complexity theory (see, for example, Byrne 1998, Eve et al., 1997; Prigogine, 1980, 1997; Prigogine & Stengers, 1984, cited in Prout, 2005), Prout argues that childhood studies can draw much from the notion that natural and social systems are not linear. It is argued that the variables of social life are in constant interplay and that small variables at a point in time can change the history of a system. Central to this discussion is the belief that systems with similar starting points can end up radically different. According to Prout, the application of concepts taken from the complexity theory can be quite fruitful to childhood studies:

Complexity theory offers an account of a system that avoids many of the dualistic problems that are encountered in current social studies of childhood. Seen through its lens, the idea of childhood as a social structure takes on a different meaning. Their systemic properties are emergent and intimately linked to the agency of the entities that populate them. Such structures of childhood may, within certain limits, be relatively stable over time but they are never static. They are always in motion and, under certain conditions, can shift from one phase state to another — or even become extremely unpredictable. In other words, complex systems have a history; they have, and cannot help but have, both being and becoming. (Prout, 2005: 75)

Nicola Ansell (2008) contemplates both the concept of the child as a social actor and that of the social construction of childhood. She considers them being partly the cause for the largely local focus of interest in children's geographies — concentration of numerous studies around 'the neighbourhood, playground, shopping mall or journey to school' (2008: 1). In so doing, such studies often failed 'to theorise connections to broader social process' (Cahill and Hart, 2006: ii, cited in Ansell, 2008: 4).

To move forward from this, Ansell (2008:16) proposes to adopt 'a materialist approach, drawing on notions of flat ontology and embodied subjectivity'. She outlines several implications for research using this approach. According to Ansell, research is needed that takes into consideration children's experiences involving multi-sensory perception (not just verbal or visual); research that explores 'children's use of technologies to engage with more distant people and places, through travel and communication' (2008:15); and, besides research with children, also research with those who are involved in constructing the policies and discourses that affect children.

To a large extent, these debates around childhood are shaped by the changing nature of childhood as a phenomenon, which is interconnected with the changes in the society. Thus, in the last decades of the twentieth century, many authors wrote about the

'disappearance of childhood' (Elkind, 1981; Postman, 1983; Steinberg and Kincheloe, 1997; Winn, 1984, cited in Prout, 2005). Some of the researchers attribute this to the changing family life — to processes such as detraditionalisation (Giddens, 1990; Beck 1996; see also Mac an Ghaill & Haywood, 2007): the new, more democratic, 'reflexive' relations in the family, where men, women and children are nowadays much more equal not only before the law, but also in practice (Giddens, 1991: 135–6).

What supports the idea that intra-family relationships are undergoing substantial democratisation is the argument that relations between children and parents are increasingly characterized by negotiation, replacing traditional ideas of parental authority. Negotiation is considered as being 'a contested and conflict driven arena where parents and teenagers adopt different strategies when reconstructing their reflexive relationships' (Williams and Williams, 2005: 315).

Giddens also introduces the concept of 'pure relationship', which is different from the 'more traditional kinds of social ties', is based on trust and is 'implicitly democratic' (1999: 61). Moreover, according to Beck and Beck-Gernsheim (1995), due to the instability in contemporary adult relationships, resulting in separation and divorce, the emphasis shifts away from them towards strengthening the relationships with their children. However, there are authors who argue that Giddens' idea of pure relationship is not adequate, because there can never be a purely democratic relationship between the parent and the child/teenager. The struggle for control would always hinder their mutual disclosure (Jamieson, 1998; Solomon et al., 2002).

As for speculations around the 'disappearance of childhood', there are also authors who blame for it the increasing pressure for children to succeed at school; others point at technological innovations such as TV and the internet. Some writers, however, see technological change undermining adult-child distinction as positive, reversing generational hierarchies and liberating children from out-dated social forms. Both Buckingham (2000) and Prout (2005) think that whether positive or negative, the 'death of childhood' discourses derive from an essentialist view of childhood/youth and a cultural conservatism that perceives change as decay or even extinction.

Similarly, Goralik looks at the 'kidult' (assembled from the words 'kid' and 'adult') and at the moral panic surrounding this 'merging of childhood and adulthood', as at a media phenomenon, built on the (out-dated) preconceptions of what it means to be an adult. Instead of speaking about the disappearance of adulthood, the author proposes to speak about 'new adults': emotional and playful, whose material and other resources allow them to consume non-conventional entertainment, and be spontaneous and flexible in all main aspects of life (Goralik, 2008).

Yet, Prout argues that the boundary between adulthood and childhood is indeed weakening and that this relates to processes of cultural, economic, social and technological change. The author thus urges us to keep the question of what childhood is open. In line with that, Smith (2000) argues that in the constantly changing world 'the process of understanding and reconstructing youth is continuing but continually novel historical phenomenon' (p.4).

Conclusion

The article has explored how towards the last decade of the twentieth century, children and childhood, from being on the margins of research in social sciences, appeared in its limelight. I have examined, in particular, the emergence of the interdisciplinary approach called the 'New Social Studies of Childhood', its principal theoretical as-

sumptions, as well as some of the wealth of research that appeared in the wake of the NSSC.

Among main theoretical positions of the NSSC are the view of childhood as socially constructed and the view of children as capable social actors (agents). These trends have, in turn, led to the appearance of the body of research into diverse childhoods, depending on the culture, class, gender, (dis)ability, and historical circumstances, with a primary focus on child-centered, child-friendly and child-empowering, participatory research methods. The core NSSC assumptions, critical and even revolutionary for their time, also nurtured what I call the 'geographical turn' in childhood studies, with a plethora of research (in particular, by human geographers in the UK and North America) on various localities where children's lives unfold and the ways in which children experience and negotiate these spaces and places.

Recent academic work, which is discussed in the last section of this article, revealed the necessity to move the field of childhood studies forward by challenging and reconsidering the major theoretical assumptions of the NSSC that have by now become commonplace. Some researchers strive to overcome the simplistic dichotomies in childhood studies by looking at new developments in philosophy and social theory, such as, for example, the actor-network theory or the complexity theory; while others call for research into the ethical and political implications of certain theoretical positions for children's lives.

Acknowledgments

I am grateful to Elena Rozhdestvenskaya (Mescherkina) and Victoria Semenova for sparking my interest in the study of childhood, biographies and life courses. The literature review, which was produced as part of my work on the UK Arts and Humanities Research Council-funded project 'Realising participatory design with children and young people: A case-study of design and refurbishment in schools' (grant number AH/E507026/1), served as a point of departure for writing this article.

Bibliography

- Adler, P.A. & Adler, P. (1986). Introduction. In P.A. Adler & P. Adler (eds.), *Sociological Studies of Child Development*, vol.1: Greenwich, Connecticut: JAI Press, 3–10.
- Ambert, A.-M. (1986). Sociology of Sociology: The Place of Children in North American Sociology. In P.A. Adler & P. Adler (eds.), *Sociological Studies of Child Development*, vol.1: Greenwich, Connecticut: JAI Press, 11–31.
- Ansell, N. (2008). Childhood and the Politics of Scale: Descaling Children's Geographies? *Progress in Human Geography*, pp. 1–20.
- Aitken, S. (1998). *Family Fantasies and Community Space*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Aitken, S. (2001). *Geographies of Young People*. London: Routledge.
- Alanen, L. (1988). Rethinking Childhood. *Acta Sociologica*. 31, 1, 53–67.
- Ariès, Ph. (1960). *L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime*. Paris.
- Ariès, Ph. (1962). *Centuries of Childhood*. New York: Vintage Books.
- Beck, U. (1989). *Risk Society: Towards a New Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Beck, U. and Beck-Gernsheim, E. (1995). *The Normal Chaos of Love*. Cambridge: Polity Press.
- Cahill, C. and Hart, R.A. (2006). Pushing the Boundaries: Critical International Perspectives on Child and Youth Participation — series introduction. *Children, Youth and Environments* 16 (2), pp. i-iii.

- Christensen, P. and O'Brien, M. (Eds.) (2003). *Children in the City: Home, Neighbourhood and Community*. London, NY: Routledge.
- den Besten, O., Horton, J., and Kraftl, P. (Forthcoming). Pupil Involvement in School (Re)design: Participation in Policy and Practice. *CoDesign*.
- du Bois-Raymond, M., Sunker, H. and Krueger, H. (Eds.) (2001). *Childhood in Europe: Approaches — Trends — Findings*, New York: Peter Lang.
- Buckingham, D. (2000). *After the Death of Childhood: Growing Up in the Age of the Electronic Media*. Cambridge: Polity Press.
- Byrne, D. (1998). *Complexity Theory and the Social Sciences*. London: Routledge.
- Calvert, K. (2008). Vypryamenniy rebyonok: Odezhdya dlya pelenaniya i stul'chiki dlia khod'by. [The Upright Child: Swaddling Clothes and Walking Stools.] *Teoriya Mody: Odezhda, Telo, Kul'tura* [Fashion Theory: Dress, Body, Culture], 8, pp. 61–90.
- Chisholm, L., Buechner P., Krueger H.-H., Brown P. (Eds.) (1990). *Childhood, Youth and Social Change: A Comparative Perspective*. Falmer Press.
- Cunningham, H. and Viazzo, P.P. (1996) *Child Labour in Historical Perspective 1800–1995*. Florence: UNISEF.
- Delphy, C. (1984). *Close to Home: A Materialist Analysis of Women's Oppression*. London: Hutchinson.
- Delphy, C. and Leonard, D. (1986). Class Analysis, Gender Analysis and the Family. In: Grompton, R. and Mann, M. (Eds). *Gender and Stratification*. Cambridge: Polity Press.
- Delphy, C. and Leonard, D. (1990). *Women and the Family*. London: Tavistock.
- Dreitzel, H.P. (ed.) (1973). *Childhood and Socialization*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Drummond, L. (2007). Hanoi 5000 Hoan Kiem Lakes: Using Art to Involve Young People in Urban Futures. *Children's Geographies*, Vol.5, No.4, pp. 479–488.
- Elkind, D. (1981). *The Hurried Child: Growing Up Too Fast, Too Soon*, Reading, MA: Addison Wesley.
- Ennew, J. (1986). *The Sexual Exploitation of Children*. London: Polity Press.
- Eve, R.A., Horsfall, S. and Lee, M.E. (eds) (1997). *Chaos, Complexity and Sociology: Myths, Models and Theories*. London: Sage.
- Gallagher, M. (2008). 'Power is Not an Evil': Rethinking Power in Participatory Methods. *Children's Geographies*, Vol.6, No.2, pp. 137–150.
- Giddens, A. (1990). *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A. (1991). *Modernity and Self Identity*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens, A. (1999). *The Runaway World*. Cambridge: Polity Press.
- Goralik, L. (2008). Malen'kiy Prints i Bol'shie Ozhidaniya: 'Novaya Zrelost' v Sovremennom Zapadnom Obschestve [The Little Prince and Great Expectations: the 'New Adulthood' in Contemporary Western Society]. *Teoriya Mody: Odezhda, Telo, Kul'tura* [Fashion Theory: Dress, Body, Culture], 8, pp. 260–300.
- Hart, R. (1992). *Children's Participation: From Tokenism to Participation*. International Child Development Centre/UNICEF.
- Hendrick, H. (1997). *Children, Childhood and English Society 1880–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Heywood, C. (2001). *A History of Childhood*. Cambridge: Polity Press.
- Hopkins, P. and Pain, R. (2007). Geographies of Age: Thinking Relationally. *Area*. Vol.39 No.3, pp. 287–294.
- Horton, J. and Kraftl, P. (2006). What else? Some More Ways of Thinking and Doing 'Children's Geographies'. *Children's Geographies*, Vol.4, No.1, 69–95, April 2006.
- James, A., Jenks, C. and Prout, A. (1998). *Theorizing Childhood*. Cambridge: Polity Press.
- Jamieson, L. (1998). *Intimacy: Personal Relationships in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press.

- Jenks, C. (1982). *The Sociology of Childhood. Essential Readings*. London: Batsford Academic and Educational Ltd.
- Katz, C. (2004). *Growing Up Global: Economic Restructuring and Children's Everyday Lives*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Kelly, C. (2007). *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. Yale University Press.
- Lavalette, M. (1994). *Child Employment in the Capitalist Labour Market*. Aldershot: Avebury.
- Latour, B. (1993). *We Have Never Been Modern*. Hemel Hempstead: Harvester/Wheatsheaf.
- Leonard, D. (1990). *Persons in Their Own Right: Children and Sociology in the UK*. In: Chisholm, L., Buechner P., Krueger H.-H., Brown P. (Eds.) (1990). *Childhood, Youth and Social Change: A Comparative Perspective*. Falmer Press. — P. 58–70.
- Mac an Ghaill, M. and Haywood, Ch. (2007). *Gender, Culture and Society. Contemporary Femininities and Masculinities*. NY: Palgrave.
- Matthews, H. (1992). *Making Sense of Place: Children's Understanding of Large-Scale Environments*. Harvester-Wheatsheaf.
- Matthews, H. (2001). *Children and Community Regeneration: Creating Better Neighbourhoods*. London: Save the Children.
- Matthews, H. and Limb, M. (1999). *Defining an Agenda for the Geography of Children// Progress in Human Geography*, 23, 1, 1999, pp. 61–90.
- Nikitina, O., Rozhdestvenskaya, E. and Semenova, V. (2008). *Frauenbiografien und Frauenerinnerungen an den Krieg [Women's Biographies and Women's Experiences of War]*. In: A.von Plato, A.Leh, Ch. Thonfeld (Hg.) *Hitlers Sklaven. Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich*. Wien, Köln, Weimar: Böhlau.
- Nikitina-den Besten, O. (2008). *Cars, Dogs and Mean People: Environmental Fears and Dislikes of Children in Berlin and Paris*. In: K.Adelhof, B.Glock, J.Lossau, M.Schultz (Eds.) *Urban trends in Berlin and Amsterdam. Berliner Geographische Arbeiten, Heft 110*. Berlin: Humboldt Universitaet. Available on-line at: <http://ssrn.com/abstract=1154559>
- Olwig, K.F. and Gulløv, E. (eds) (2003). *Children's Places: Cross Cultural Perspectives*. London: Routledge.
- Postman, N. (1983). *The Disappearance of Childhood*. London: W.H. Allen.
- Prigogine, I. (1980). *From Being to Becoming*. Freeman.
- Prigogine, I. (1997). *End of Certainty*. The Free Press.
- Prigogine, I. and Stengers, I. (1984). *Order out of Chaos: Man's new dialogue with nature*. Flamingo.
- Prout, A. (ed.) (2005). *The Future of Childhood: Towards the Interdisciplinary Study of Children*. London: Routledge Falmer.
- Prout, A. and James, A. (eds) (1990). *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*. Basingstoke: Falmer Press.
- Punch, S. (2002). 'Research with Children: The Same or Different from Research with Adults?' *Childhood* 9 (3), pp. 321–341.
- Semenova V. (2009). *Sozialnaya dinamika pokolenii: problema i real'nost (Social dynamics of generations: the problem and reality)*. M: ROSSPEN.
- Spenser, Ch. And Blades, M. (2005). *Children and their Environments: Learning, Using and Designing Spaces*. Cambridge University Press.
- Qvortrup, J. (ed.) (2005) *Studies in Modern Childhood. Society, Agency, Culture*. Palgrave Macmillan.
- Smith, R. (2000). *Order and Disorder: The Contradictions of Childhood. Children and Society*. Volume 14, 3–10.
- Solomon, Y., Warin, J., Lewis, C. and Langford, W. (2002). *Intimate Talk Between Parents and Their Teenage Children: Democratic Openness or Covert Control?* In *Sociology*, Vol. 36 (4), pp. 965–983.

- Speier, M. (1976). The Adult Ideological Viewpoint in Studies of Childhood. In A. Skolnick (ed.): *Rethinking Childhood. Perspectives on Development and Society*. Boston-Toronto: Little, Brown & Co.
- Stainton-Rogers, R. and Stainton-Rogers, W. (1992). *Stories of Childhood: Shifting Agendas of Child Concern*. London: Harvester/Wheatsheaf.
- Steinberg, S. and Kincheloe, J. (1997) (eds) *Kinderculture: The Corporate Construction of Childhood*, Boulder, CO: Westview.
- Thorne, B. (1987). Re-visioning Women and Social Change: Where Are the Children? *Gender and Society* 1 (1), pp. 85–109.
- Tsoukala, K. (2001). L'image de la ville chez l'enfant [Child's representations of the city]. Paris: Anthropos.
- Tsoukala, K. (2007). Les territoires urbains de l'enfant [Child's urban territories]. Paris: L'Harmattan.
- Valentine G. (1996). Angels and Devils: Moral Landscapes of Childhood. *Environment and Planning, D: Society and Space*, 14, pp. 581–99.
- Valentine, G. and Holloway, S. (1999). Cyberkids: Children's Social Networks, 'Virtual Communities' and On-line Spaces. *Children 5–16 Research Briefing*, 2 October 1999, pp.1–4.
- Vanderbeck, R. (2008). Reaching Critical Mass? Theory, Politics, and the Culture of Debate in Children's Geographies. *Area*, Vol. 40 No.3, pp. 393–400.
- Vygotsky, L.S. (1962). *Thought and Language*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Vygotsky, L.S. (1978). *Mind in Society*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ward, C. (1977). *The Child in the City*. Architectural Press.
- Williams, S. and Williams, L. (2005). Space Invaders: The Negotiation of Teenage Boundaries through the Mobile Phone. *The Sociological Review*, 53 (2), pp. 314–321.
- Winn, M. (1984). *Children without Childhood*, Harmondsworth: Penguin.
- Wooley, H. (2006). Freedom of the City: Contemporary Issues and Policy Influences on Children and Young People's Use of Public Open Space in England. *Children's Geographies*, Vol.4, No.1, 69–95, April 2006.
- Zelizer, V.A. (1994). *Pricing the Priceless Child: The Changing Social Value of Children*. Princeton University Press.

Полевые исследования

Образ ребенка у жителей российских мегаполисов. По материалам биографических интервью с россиянами репродуктивного возраста

Иван Забаев

Постановка проблемы. Каузальность и телеология в вопросе о мотивации рождаемости

Проблемы низкой рождаемости в современной России были обозначены как имеющие государственную важность: «По пессимистическому варианту прогноза предположительной численности населения Российской Федерации, рассчитанному на основе динамики демографических процессов в 2000–2005 годах без учета программ по улучшению здоровья населения, сокращению уровня смертности и увеличению уровня рождаемости, население России сократится к 2015 году на 6,2 млн человек (4,4 процента) и составит 136 млн человек, а к 2025 году — 124,9 млн человек. ... Развитие ситуации по данному сценарию, помимо демографических потерь, неблагоприятно скажется на основных показателях социально-экономического развития страны, прежде всего на темпе роста валового внутреннего продукта и обеспеченности трудовыми ресурсами, потребует структурных и качественных изменений в системе оказания медицинской и социальной помощи с учетом увеличения доли граждан старшего возраста» [Концепция...]. Правительством России был предложен ряд мер по изменению демографической ситуации в стране.

Сегодня не существует не только единой модели рождаемости, дающей основу для формирования осмысленной государственной политики, сегодня — после столетия развития социальных наук и демографии в частности, лучшие демографы периодически приходят к тому, что усилия по выяснению причин снижения рождаемости на западе в XIX–XX веках оказались тщетными [см.: Caldwell 1982; 297–332, Van de Каа 1996; 390]. Попытки построить подобную модель существовали в истории социальных наук и, пожалуй, наиболее известные работы подобного рода вышли из под пера экономистов [Becker 1991, Easterlin 1978 etc. Также см. Van de Каа, 1996; 389–432]¹.

В настоящее время существуют попытки построить модель подобного рода для объяснения российской специфики и собрать пригодные для апробации подобной модели данные. К настоящему моменту можно указать ряд наборов публикаций, выполненных на разных массивах данных (часть из них не претендуют на какое бы то ни было моделирование, но оценивают влияние тех или иных факторов,

¹ К подобного рода работам из иных нарративов, пользуясь выражением Ван де Каа, можно отнести в первую очередь работы Р.Лестера [Lesthaeghe R. 1980; 527–548.] и попытку переформулировки теории демографического перехода Дж. Колдвелом [Caldwell J. and others 2006].

другая часть — ставит более амбициозные задачи). Мы имеем в виду в первую очередь публикации Е.Вовк сделанные на основе массивов данных собранных Фондом «Общественное мнение» [Вовк 2008, 2007; 41]², работы В.Бодровой на данных ВЦИОМ, статью Рощиной и Бойкова, выполненную на данных RLMS [Рощина, Бойков 2005], комплекс текстов, сделанных на базе российской части панели GGS [Малева, Синявская 2006, Захаров 2006, Головляница 2007].

Нужно отметить, что данные модели предполагают некую каузальную обусловленность человеческого поведения в том числе и в области деторождения. Однако, на проблему можно посмотреть и с другой стороны, допуская, что человек действует хотя бы до некоторой степени самостоятельно, предпуская своему действию определенные смыслы и что, с другой стороны ситуации в которых он оказывается вынужден действовать, фрэймируются набором категорий, сформированных в том или ином дискурсе.

Если предположить, что «объективная» сторона («факторы обуславливающие...») типичных ситуаций, в которых человеком (парой, семьей...) осмысливается проблема деторождения и принимается решение о рождении ребенка исследованы в работах, аналогичных упомянутым выше³, то можно обратить внимание на вторую сторону проблемы. Какие смыслы предполагает своим действиям типичный актер и какие категории фрэймируют его восприятие ситуации деторождения⁴?

Чтобы наметить ответ на данный вопрос, мы предлагаем остановить внимание на категориях связанных с образом ребенка и детства. Дело в том, что авторы, работающие в описанной выше парадигме, с необходимостью предполагают, что ребенок — это нечто неизменное (и поэтому — помимо прочего — легко квантифицируемое), как в ходе истории, и ходе своего развития в рамках одной жизни, так и в восприятии родителей. Для того, чтобы иметь возможность построить факторные модели и получить данные достаточные для проверки статистических гипотез, ис-

² Полный список работ автора см.: <http://socreal.fom.ru/?link=AUTHOR&id=3>.

³ В современных работах, посвященных российской специфике, каузальные модели смогли выявить очень небольшой круг факторов, значимо влияющих на репродуктивное поведение / намерения. Таковы наличие партнера, религиозность или культурные ценности, тип населенного пункта, наличие в семье других родственников кроме партнера [Рощина, Бойков 2005, Малева, Синявская 2006], и др. Однако, для интерпретации того, как работают даже эти факторы, у исследователей работающих в подобной парадигме, фактически не оказывается знаниевых ресурсов и они часто вынуждены прибегать для соответствующей интерпретации к собственному опыту а, например, не к опыту представителей «исследуемого объекта».

⁴ В социальных науках существуют традиции, представляющие данный — телеологический — подход к проблеме. Среди экономистов, нужно указать работы Шульца ставившего вопрос об исчислении стоимости ребенка и анализа ее изменений [Shultz 1969]. Однако, основную роль в рамках данного подхода играли скорее не экономисты, а историки — основанием традиции стало классическое исследование образа семьи и истории детства Ф. Арьеса [Арьес 1999]. Библиографию работ его многочисленных критиков и последователей см. в [Hendrick 1997]. Помимо историков, ряд работ подобного рода был выполнен психологами — в первую очередь речь идет о Дж. Фоссе [Fawcett 1970] и Л.В.Хоффмане [Hoffman et al 1978]. Так Л. Хоффман, на основе современной ему психологии, предложил формализацию основных благ-ценностей (в итоговый закрытый список вошли: экономическая выгода, придание статуса, моральные / религиозные ценности, увеличение привязанности к первичной группе и т.д.). После этого автор выяснял, какие из ценностей в большей степени мотивируют людей к деторождению. Тем не менее, нужно отметить, что исследования психологов и экономистов в целом построены скорее в дедуктивистской логике и не позволяют ответить на вопрос, на сколько ценность детей и выделенные психологами ценности действительно актуализируются актерами при принятии решения о деторождении или хотя бы используются для осмысления этих ситуаций пост-фактум или в качестве проецирования на собственную биографию при относительно свободном ее осмыслении (другими словами, актуализируются ли эти ценности вне ситуации формализованного интервью).

следователи вынуждены пренебречь «внутренним наполнением» категории «ребенка». Тем не менее, нам кажется, что некоторая спецификация образов ребенка и детства, может помочь в осмыслении феномена мотивации деторождения и снижающейся рождаемости в России.

Проект категории родительского сознания

Чтобы получить первичные ответы на эти вопросы, желательно использование качественных методов, позволяющих пусть и в грубой форме восстановить феноменологию той или иной социальной группы. Инициированный в рамках данной постановки вопроса проект «Семья и деторождение в России. Категории родительского сознания. (Жители российских мегаполисов)»⁵ базируется на методологии «обоснованной теории» [Страус, Корбин 2001, Glaser 1978, Charmaz 2006], используя различные техники кодирования и последующей категоризации текстовой информации. Массив используемых в качестве данных текстов получается главным образом методом полужормализованных биографических лейтмотивных интервью [Биографический... 1994, Atkinson 1998]. В среднем — продолжительность одного интервью — 2,5 часа⁶. К настоящему моменту закончен базовый этап сбора данных (опрошено 80 человек). Некоторые параметры обследованной совокупности приведены в таблице № 1.

Таблица 1. Распределение опрошенных по городам:

<i>Город</i>	<i>Количество интервью</i>
Москва	27
Санкт-Петербург	2
Нижний Новгород	6
Пермь	9
Новосибирск	8
Хабаровск	9
Якутск	8
Подвыборка «Православные семьи». Москва	3
Подвыборка «Молодежь». Москва	8
Всего	80

В исследовании использован подход теоретической выборки⁷. К настоящему моменту присутствуют следующие подвыборки:

1. Многодетные неправославные (мужчины и женщины; 3 и более детей в семье).
2. Многодетные православные (3 и более детей в семье).
3. Молодежь православная (мужчины и женщины).

⁵ Финансовая поддержка проекта осуществлена Православным Свято-Тихоновским Гуманитарным университетом.

⁶ Практически все интервью транскрибировались. Транскрипт одного интервью — это текст объемом порядка 60 тыс. знаков (порядка 25 страниц в формате Microsoft Word).

⁷ Набор респондентов осуществлялся рекрутерами по скринеру (часто в скринер входили следующие параметры — располагаемый доход на человека в семье, состояние в браке, количество детей, степень родства респондентов по отношению друг к другу и др.).

4. Молодежь неправославная (мужчины и женщины).
5. Малодетные (1–2 ребенка) неправославные семьи (мужчины и женщины).
6. Бездетные неправославные семьи (мужчины и женщины).
7. Супружеские пары (муж и жена — опрашивались отдельно).
8. Детско-родительские пары из многодетных семей (мать и одна из дочерей — опрашивались отдельно).
9. Специалисты по сопровождению детства (работники детских садов, женских консультаций, акушеры в роддомах, консультанты центров грудного вскармливания).

Образ ребенка

В этой части статьи мы намеренно заострим описание, пытаясь представить типическую картину. Данный материал выполнен, в основном, на базе интервью с бездетными и малодетными (1–2 ребенка) мужчинами и женщинами. Перейдем непосредственно к описанию образа «ребенка».

1. В современной России ребенок — это очень сложный проект. К нему нужно долго готовиться (полгода — иногда год и больше). Чтобы родить ребенка (или начинать думать о его рождении), необходимо (1) привести в порядок свое здоровье, — чтобы родить здорового ребенка, (2) быть «сложившимся человеком» — иметь необходимый опыт, знания, сколько-нибудь значительную прожитую жизнь.

*«Изначально, когда мы женились, для нас не стояло вопроса, будем мы рожать или нет. Ясно было, что рожать мы будем. А когда, — ...ну не в первый год после свадьбы. Прошло где-то года три. Ну как, ну мы не сразу. Во-первых, мы — **ответственные**⁸ родители. У нас было очень много заморочек по этому поводу, — что нужно сделать до того, как приступить непосредственно к действию. То есть, бросить пить, например. Мы с мужем ушли в глухую завязку года на два. Потом, всякие медицинские проблемы, типа того, что обнаружилось, что я краснухой не болела в детстве — Настя от большого ума решила сделать прививку. Пошла сделала прививку, — прививка эта благополучно у меня полтора года из организма не выходила. Ну и соответственно, врачи говорили, знаешь что, дитяtko — рискуем, давай-ка лучше дождемся, когда она выйдет. Вот таких вещей было реально много» (Анастасия. Москва. 29 лет. Замужем. 1 ребенок).*

*«Мне кажется, что без детей — это не семья. Может быть, я просто думаю какими-то стереотипами: если у всех есть, то и мне нужно. Но все-таки мне кажется, я не был бы разочарован, если бы они у меня были. Но слишком рано не надо просто. Вот сейчас, например, рано, потому что я еще учусь, я не смогу их банально содержать. То есть я не смогу содержать семью. Я еще все-таки считаю, что я молод слишком, чтобы иметь детей. Я не набрался еще, может быть, жизненного опыта. Не заматерел. Уже потом — можно, потому что ты как-то подходишь взвешенно, сейчас я еще могу как-то взбалмошно подходить. Может быть, я со временем не изменюсь, и буду всегда таким, и дети мои будут такими же, потому что я их так научил. Так? Но все-таки считаю, что я стану старше, стану серьезнее, и просто тогда уже... ну, я думаю, что надо **ответственнее** подходить ко всему. Собственно, к воспитанию тоже надо подходить ответственно. И абы-как, когда тебя еще что-то будет отвле-*

⁸ Ответственность — фактически основная категория, фреймирующая дискурс деторождения. За неимением места, в рамках данной статьи вопрос об основных категориях мы оставляем за скобками.

кать — там, учеба, работа. Не то чтобы учеба, работа, а вот какие-то еще там юношеские, студенческие возможности и праздники, там, встречи, дела и тому подобное — это все должно пройти, так? Ну да. Пройти, потом уже можно. Мне так кажется» (Иван. 20 лет. Родился в Йошкар-Оле, несколько лет назад приехал в Москву учиться. Не женат).

II. Из разных источников на будущих родителей идет вал совершенно разнообразной и невероятной информации, которая создает / добавляет ощущение того, что ребенок — это «очень сложно». Времени, желания, возможности проверять это огромное количество информации у людей нет:

«Рожать детей я бы не хотела, потому что я очень, не знаю, боюсь ответственности, если можно так сказать. Во-первых, не знаю, я довольно много сейчас стала пить, ну там алкоголь, все дела, и мне как-то давно рассказывали, что там же есть какая-то фигня такая, что у мужчины организм, он от всего этого очищается за 60 дней, то есть если он 60 дней не пьет, ему потом нормально, у него клетка будет замечательной и здоровой, а у женщины она, по-моему, сохраняется в течение нескольких лет, грубо говоря, ты 6 лет назад выпил бокал шампанского и у тебя там часть, я не сильна в биологии, часть каких-то клеток, она, соответственно, уже порченная. И на какую попадет там непонятно, в общем, получается, что... здорового ребёнка, я уже вряд ли рожу, вот, а чтобы он там... Я не знаю, я просто не заморочена идеей, чтобы там продолжить свой род и т.д. и т.п. Это не стоит существа, которое потом мучилось бы потом с каким-нибудь пороком сердца» (Евгения. 19 лет. Москва. Не замужем. Постоянного партнера нет).

III. Для и до того, как планировать⁹ ребенка, необходимо созреть морально, духовно и т.д. — заматереть. Однако, возможности сделать это нет. Проблема состоит в том, что современная жизнь чрезвычайно многообразна и современная реальность состоит из многих миров, принципиально несовместимых и отличающихся друг от друга [Лиотар 1998]. У потенциальных родителей постоянно присутствует ощущение собственной незавершенности и неосвоенности жизни. Это неизвестное, эта неосвоенность создает ощущение несложности собственной жизни, боязнь что-то упустить:

«На ближайшее время — к концу этого года должен закончиться проект по постройке комплекса в Москве. Я уеду туда. Когда я перееду в Москву — с Москвой я готова связать свою жизнь полностью. Жить там, ну и плюс уезжать раз в год, в два года куда-то отдыхать, и там у меня все начнется — и работа, и личная жизнь, и все на свете. Я не знаю, что там будет — я не могу конкретно сказать. Если бы у меня был конкретный какой-то показатель, о том, что в Москве там есть что-то — например, в Москве есть метро, а в Перми нет. В Москве есть то, чего я не знаю, а в Перми нет». (Наталья. Пермь. 23 года. Детей нет).

У потенциальных родителей присутствует ощущение того, что все движется, их ровесники уже чего-то достигают — это заставляет их ставить вопрос о том, что

⁹ Планирование — это та категория в рамках которой формируется восприятие будущей беременности на форумах в сети Интернет.

делают они и формирует чувство, что они что-то упускают в жизни. Это в свою очередь порождает ощущение того, что человек не успевает реализоваться во всех значимых для него сферах. В свою очередь, ощущение того, что ты можешь что-то упустить в собственной жизни, порождает нежелание связывать свою жизнь с кем-то надолго (насовсем) и тем более заводить детей:

«Наверное, я все-таки самостоятельная. Не хотела ни к кому привязываться, быть привязанной, то есть сама — что хотела, то и делала — пошла, поехала. Мне нужна свобода. Меня привязанность напрягает через какое-то время — я устаю от этого, мне надо куда-то уезжать, уходить. Привязанность провоцирует. Я не знаю, смогу ли я быть с одним человеком или нет. Кажется, что можешь чего-то упустить, может быть. — Не то чтобы лучшего человека, какую-то поездку куда-нибудь, не знаю. Может быть, что-то упустится, а что — не знаю» (Юлия. Приехала из Волгограда в Москву. 26 лет. Детей нет. Гражданский брак)

«Вообще, хотелось на момент учебы иметь такую работу, чтобы не было так, что я закончила пятый курс и начинаю работать с нуля и чего-то добиваться. Мне казалось, что время теряется и уходит. Когда я после пар чем-то занимаюсь и вижу при этом, что некоторые работают. Видно, что у них уже сейчас есть движение. Было впечатление, что времени свободного хватает, и тратить его нужно на что-то более полезное. Для меня, если сравнивать работу и личную жизнь — работа все равно серьезнее. Хочется тоже. Потому что работа, карьера, что написано в трудовой книжке и перечисляется на карту — это то, что можно увидеть, потрогать и оценить, это то, что исчисляется в конкретных каких-то единицах. А то, что в личной жизни — нельзя. И если работа может что-то гарантировать, то личная жизнь — сегодня есть, завтра нет, никто ничего не обещает» (Наталья. Пермь. 23 года. Детей нет).

IV. Для того, чтобы реализовать такой сложный проект, как «ребенок», нужно взять паузу в собственной жизни¹⁰. Своя жизнь должна закончиться или хотя бы прерваться на некоторое время.

«Дальше — Сейчас детки подрастут, и конечно надо пойти работать. Надо работать, нельзя же все время дома сидеть. Сейчас я вся в семье, пока детки маленькие. А когда дети подрастут — надо идти работать, жить для себя, путешествовать семьей всей, очень хочу попутешествовать» (Татьяна. Санкт-Петербург. 30 лет. Двое детей).

«Это <рождение ребенка — прим. автора.> не обсуждалось. Получилось спонтанно, и по-честному, я не хотела на тот момент. Мне казалось, что я слишком

¹⁰ Категория «своя жизнь» в диапазоне от развлечения до самореализации, является еще одной (наряду с ответственностью), структурирующей дискурс по поводу деторождения. Эта категория возникает не только в нарративах респондентов, ее активно используют в СМИ и рекламе. В связи с нашей темой, упомянем рекламу гормональной контрацепции для женщин Bayer Schering pharma: «Планирование семьи — сознательное решение. Живи своей жизнью, пока не решишь создать новую». А вот развитие данного слогана: «Имеются убедительные доказательства того, что в развитых странах современные гормональные контрацептивы кардинально улучшили качество жизни женщин, а также их возможности самореализации. Это касается как более высокого уровня образования, так и карьерного роста и более высокого уровня доходов». <http://www.bayerscheringpharma.ru/scripts/pages/ru/business_units/health_today/your_life/index.php>.

молода, чтобы стать мамой, мне хотелось еще погулять, отдохнуть. Потому что в медицине все равно понимаешь, какая ответственность это на самом деле. Я же была медиком, поэтому знала, что жизнь кардинально изменится, поэтому не хотела. Когда я узнала об этом радостном событии, для меня тогда это радостным не было. И до последнего дня я думала, что свалюсь где-нибудь, чтобы так раз — и все само собой закончилось, чтобы не рождением ребенка закончилось. И по-честному сказать, даже во время родов я не думала о жизни его, мне было все равно. А вот именно когда в первый раз принесли на кормление. Говорят, когда ребеночек прикладывается на кормлении к маминой груди, тогда самая такая связь непосредственная, близкая, возникает. Может, у кого-то по-другому, у меня было так» (Валентина 34 года. Нижний Новгород. Замужем. Один ребенок.).

Женщины — реальные и потенциальные мамы (от 0 до 2 детей) смотрят на свою биографию, отсчитывая, сколько лет их жизни пропадет впустую:

«Про детей так направленно пока не думали. В принципе, нормально относимся к этому — нет такого, чтобы вот прямо сейчас, вынь и положь, и нет такого, чтобы никогда. Ну вот сейчас маленько разгребемся. Но не 20 штук и даже не трое, один-два, не больше. Все таки это... полгода-год готовься, год мучайся и еще три года поднимай, пока в сад пойдет. Это пять лет. А если второго — еще пять лет. Десять лет жизни — это нет, поэтому так мало» (Софья. 25 лет. Москва. Нет детей).

V. Какой должна быть продолжительность этой паузы? Сколько лет занимает ребенок? Выше мы видели, как молодая женщина указывала срок в пять лет. Однако, это скорее оценка снизу. Периодически, реальные и потенциальные родители — по-другому оценивают временные затраты на воспитание ребенка. И совсем по другому возрасту проводят границу между ребенком и взрослым человеком. Ребенок заканчивается с получением образования, причем желательно высшего.

«У нас живут до 55. А родить поздно — ребенка в 15 лет делать сиротой неохота, охота его на ноги поднять. Надо рожать — все равно умрем, вопрос времени. Многие даже до 65 лет не доживают, а ребенка надо поднять на ноги, на учебу отправить, на работу куда-нибудь, ребенка надо поднимать на ноги до конца, пока он твердо не встанет на ноги. То есть, если учитывать то, что мужчины у нас уходят в армию... приходят из армии в 20, закончить университет... ну, где-то до 22 лет, больше не надо. Там уже будут переборы, свою семью уже будут иметь. Если будет мальчик, какие нравовучения в 22 года, проехали годы нравовучений» (Екатерина. 25 лет. Нижний Новгород. Детей нет. Замужем).

Периодизация «ребенка»

Если ребенок перестает быть ребенком так поздно, можно ли говорить о том, что на протяжении всего периода взросления, он для родителей является одинаковым? По-видимому, нет. По итогам проведенного исследования можно предположить следующую периодизацию «детства»:

1. Несколько месяцев (лет) до рождения — рождение — «потенциальный ребенок»
2. 0–2 — младенчество, сложный ребенок, кричит, плачет, сказать ничего не может. (Для женщин — лялечка, кроха...)
3. 2–7 лет — детство, оптимальный ребенок
4. 7–17(–18) лет — вынужденный ребенок — школа, подросток
5. 18–22 лет — поздний ребенок (институт, приобретение навыков устройства во взрослой жизни)

Проводя периодизацию детства, мы сталкиваемся с тем, что респонденты выделяют период «ядерного детства», — период, когда ребенок без сомнения является ребенком — 2–7 лет. Речь в данном случае идет не о биологическом возрасте, а о возрасте «неподконтрольных институтам» — в первую очередь школе. Остановимся кратко на описанной периодизации.

До рождения. Потенциальный ребенок. Ребенок, к которому нужно долго готовиться. Для современных родителей ребенок перестал быть неожиданностью, более того, готовиться к его зачатию начинают очень задолго до того, как перестать использовать контрацепцию. Его зачатие стало проблемой, для решения которой используются различные знания. В первую очередь, нужно сказать о сильной медикализации процесса¹¹.

«У нас никогда не было ощущения, что мы за три года начали, то есть все время казалось, что вот сейчас я краснуху-то сделаю (прививку от краснухи — прим. И.З.), краснуха же три месяца выходит, ну и глядишь там...сейчас мы полгода завяжем с алкоголем, ну и глядишь, можно перейти к действиям. Ну, вот и получилось — полгода на алкоголь, плюс три месяца, которые вылились в полтора года еще и так еще, еще накрутилось и оно само одно за другое цеплялось. То есть, если бы оно все гладко прошло, может быть, мы к действиям и раньше бы приступили — перестали бы предохраняться. Ну вот так вот оно сложилось» (Анастасия. Москва. 29 лет. Замужем. 1 ребенок).

0–2 года. Младенец. Ребенок не дающий выспаться. Частью мужчин и женщин ребенок этого периода воспринимается как существо, которое может причинять много неудобств и требует много внимания:

«В основном, позитивно все было, в том плане, что главное, что давал выспаться ребенок, ночью, раз или два вставали то не каждую ночь. В основном, она хорошо спала. Мало плакала, была улыбчивая и подвижная девочка. Где-то с годика начала ходить и говорила уже хорошо. Такой ребенок, умненький. В основном, конечно, хорошие воспоминания обо всем. Каких-то таких болезней не было, кроме там ветрянки, такого плана» (Александр. Пермь. 37 лет. 3 детей).

¹¹ Однако, речь не идет о полной рационализации процесса, с использованием категорий современной медицинской науки: «— Как Вы забеременели? — я делала все про что читала, а именно: измерение БТ, березка после полового акта, лежала на животе на подушке, перестала зацикливаться (т. к. собиралась на операцию по удалению кист и эндометриоза) а еще мне подарили фикус и получилась. Удачи!». (Форум Мамка.ру <http://forum.mamka.ru/index.php?showtopic=23651>)

«...по своим знакомым — они родили ребенка и отгородились от него, грубо говоря. Я не могу сказать, что они плохие родители — номинально одет, обут, сытый, на море ездит. Но мама говорит — не надо нам дарить игрушки, которые требуют совместной игры с ребенком. Что надо с ним сидеть, играть. Почему? С ней в саду занимаются, а я дома хочу отдыхать, я не хочу тратить свое время, чтобы с ней дома сидеть и заниматься. Меня просто как-то поразило, когда мы выбирали подарок ко дню рождения, это наши крестницы, созванивались — что подарить. Сейчас много наборов для творчества — слепить что-то, из бусинок собрать. Нет, такое не надо. Почему? Ну это же надо с ней сидеть, а я не хочу, устаю на работе. Ребенок приходит из детского сада, занимается в своем углу своими игрушками, мама там не очень. Очень отстраненно. и папа сейчас хочет завести еще ребенка, а мама сказала — нет. Беременность тяжело — живот носить, рожать больно, ночи не спать, кормить, это никуда не выйти в течение года, это проблемы, и я не хочу. Вот и все. Папа хочет, он пытается ее уломать. Сейчас девочке шесть лет, мама и не хочет» (Ирина. Москва. 30 лет. 2 детей. замужем).

0–2 года Кроха, лялечка, кукла... Тем не менее, в этом возрасте возникает другой образ ребенка, — гораздо более позитивный, связанный с идеями заботы, единства матери и ребенка:

«...Когда Олеську замуж выдавали, я безумно всегда хотела, чтобы у меня был любящий муж, чтобы у нас была лялечка и все было хорошо. Я ребенка безумно хотела. Всегда хотела, чтобы у меня ребенок рос с папой» (Пермь. Мария. 27 лет. Не замужем. Детей нет).

«Само собой пришло. Одна подруга родила, к сестре съездила, у нее двое детей погодков — мальчика родила, потом сразу забеременела и вторую родила. Хорошенькие, прикольно, что-то тоже такое хочется. Наверное, у каждой женщины это в свое время приходит» (Екатерина. 25 лет. Нижний Новгород. Детей нет. Замужем).

2–7 лет. Оптимальный ребенок. Оптимальный ребенок — это фактически ребенок, еще не подпавший под власть институциональных образований — детского сада и школы. Соответственно «оптимальность» начинает уменьшаться, с постепенным проникновением этих институтов в жизнь маленького человека:

«Катя более такая ранимая очень. Та может сказать что-то, та начинает обижаться. Ревность появляется у большой. Когда покупаешь что-то младшей, надо обязательно старшей что-то купить. Из этого возникают обидки. Вплоть до того, что я купил мячик больше и красивый одной, а этой поменьше. Вплоть до таких мелочей, такой характер уже переходный что ли идет, не знаю, Как называть. Катя-то проще все-таки. Ребенок оптимальный с 2 до 7 лет. Потом уже начинаются какие-то такие приколы какие-то, вот где-то лет с 9–8 начинают выступать иногда, но что меня поражает, что с садика начинают материться иногда. Неосознанно у них получается, объясняешь им иногда. Но что материться начинают с садика, это точно. Но Катя еще говорит сразу, что нельзя так, или еще что-то нельзя так говорить папе, начинает уже защищать меня в этом плане» (Александр. Пермь. 37 лет. Женат. 3 детей).

7–17 лет. Вынужденный ребенок. Будучи отданным во власть институтов, ребенок становится фактически неподконтролен родителям. Это выражается в постоянных опасениях родителей по поводу возможного дурного влияния на ребенка. Функции родителей на этом этапе не определены. Родители часто не видят средств воспитать ребенка:

«Воспитать ребенка или чтобы был нормальным — я думаю, что будет сложно. Пока еще маленький, со мной, рядом. Но будет сложно в связи с ситуацией в нашем мире — много опасностей, много неправильных соблазнов. Наркотики, например, всем известный факт. Какие-то движения, секты, Мэрилин Мэнсон этот вообще, ходят в метро эти девочки с черными волосами на платформе, с белым бельмом — это же страшно. Как уберечь от этого я не знаю, но будет сложно очень». (Надежда. 27 лет. Москва. 1 ребенок. Замужем).

«Ну хочется, конечно, чтобы детство закончилось не поздно, но и не рано. Потому что, если рано — это значит, со стороны внешние факторы могут повлиять. Ну со стороны этих компаний — не дай Бог попадетсЯ кто-нибудь, кто повлияет нехорошо. А все равно до конца еще розовые очки не сняты, он может не поймет, что это плохо, а пойдет и сделает так как все, и поэтому подготовку к этому надо начинать уже сейчас» (Анна. Нижний Новгород. 3 детей).

17–22 лет. Поздний ребенок (получающий высшее образование). По мнению респондентов, ребенок перестает быть ребенком, получив высшее образование:

«Ребенок перестает быть ребенком годам к 20–21. Переходный период позади, становление личности когда у ребенка происходит, и уже действительно позади какое-то образование. Та же самостоятельность приобретенная, которая прививалась годами» (Анна. Нижний Новгород. 37 лет. Замужем. 3 детей).

«Семья должна участвовать в получении ребенком образования. Проверять уроки, следить что там в дневнике, как да что, беседовать с ним, если вдруг там возникают какие-то проблемы, оценки, как правило, бывает запись в дневнике о поведении, ещё что-то могут говорить о том, что есть проблемы. И соответственно если родители это отслеживают, то ребенок получает хорошую подготовку, потом у него появляются какие-то интересы или родители его там направляют, советуют, продолжить образование. Вернее, продолжая образование, человек расширяет свои возможности. Высшее образование обязательно нужно. Бывают разные ситуации, разные семьи, не всегда высшее образование может быть должно быть очным. Оно может быть и заочным, и вечерним. Оно должно быть. То есть, человек должен включать свои мозги, а не просто ходить тупо куда-то. Хотя у всех по-разному. Я думаю, здесь какого-то рецепта нет. Но для себя, для меня, это очень важно чтобы дети получили образование. Потому что это не закрывает для них часть мира, которая может быть доступна» (Наталья. Москва. 41 год. 3-ое детей).

Таким образом, нужно сказать, что образ ребенка не является однородным и различается в зависимости от возраста ребенка. Причем, по-видимому, на каждом

этапе, можно говорить о доминирующем чувстве, которое вызывает ребенок у родителей (см. таблицу 2). Нужно заметить, что в течении двух больших этапов — до рождения и в течении школьного периода — ребенок вызывает частое чувство тревоги¹².

Таблица 2. Периодизация образа ребенка

<i>Образ ребенка</i>	<i>Вызываемые ощущения</i>
До рождения. Потенциальный ребенок	Тревога по поводу того, что родитель может быть болен и тем самым может испортить жизнь будущему ребенку (если вообще сможешь его зачать).
0–2(3) года. Ребенок мешающий спать	Некоторое раздражение, особенно у тех, кто не рожал детей (+ не имел младших братьев, сестер).
0–2(3) года. Кроха	Умиление, радость, ощущение близости — особенно матери и ребенка.
2(3) года — 7 лет. Оптимальный ребенок	Радость, чувство появления сознательного существа, с которым можно общаться.
7–17 лет. Вынужденный ребенок	Тревога, снижение ресурсов, возможностей которыми родители могут влиять на ребенка.
17–22 года. Поздний ребенок	Оценка результатов — гордость и радость или горечь. Чувство скорого отделения от родителей.

¹² Тезис о том, что после 7 лет — с момента отправления ребенка в школу (а начинается этот процесс еще с 2–3 лет — с момента помещения его в детский сад) — он становится для родителей чем-то слабопонятным и «неинтересным», вызывающим желание отстраниться от него, может быть косвенно валидирован на двух других типах данных. Так анализ структуры Интернет-форумов, посвященных материнству, беременности и воспитанию детей показывает, что наибольшей популярностью и вниманием пользуется раздел — до года. А дети после 7-ми лет представляют собой одно целое и привлекают значительно меньше внимание матерей. Вот например структура форума «Женский форум мамка.ру» — беременность, роды, дети, семья. (<http://forum.mamka.ru/>). Данные взяты 05.02.09. Подраздел «Трудно быть мамой» — в нем сообщения делятся в зависимости от возраста ребенка.

Таблица 3. Структура подраздела «Трудно быть мамой», форума Мамка.ру

	<i>тем</i>	<i>ответов</i>
0–1. Новорожденный, грудничок	838	36 562
1–3, Кроха, малыш, карапуз	252	12 731
3–7, сорванец, озорник, дошкольник	125	2 522
7+, школьники, подростки	100	1 754

Вторым источником могут являться интервью с различными специалистами по сопровождению детства. Так, практически независимо от специфики детского сада, воспитатели фиксируют одну и ту же картину — многие родители, отдают ребенка в садик и практически перестают заниматься с ним. То время, что ребенок проводит дома, — он проводит с игрушкой, компьютером, мультфильмами, но не с родителями:

«У нас даже некоторые родители сами об этом говорят... Мама говорит — мне некогда, легче игрушку купить, пусть ей занимается. Он мне дома не мешает — сидит в своей комнате. Вот он что-то захотел — на следующий день ему купят. И это несмотря на то, что у них второй ребенок. Раньше родители приходили — интересовались детьми больше, как ребенок, как дела, успехи, трудности. Сейчас, пока не приспичит — не спросят. У нас есть родители, которые за два года так и не спросили — как мой сын, или как моя дочь. Хотя они знают, что в детей есть проблемы, что им нужна помощь» (Воспитатель детского сада. Якутск).

Вместо заключения

В данной статье мы попытались описать ряд черт формирующегося в настоящее время в сознании жителей российских мегаполисов образа ребенка. Мы предположили, что этот образ может некоторым образом определять отношение россиян к деторождению и планированию количества детей, которое они хотят родить.

Если подытожить полученные нами результаты, нужно сказать следующее. Во-первых, сегодня ребенок воспринимается как очень *сложное занятие* (проект). К проекту такого рода нужно долго готовиться, — главным образом, сосредоточившись на собственном здоровье (прививки, отказ от алкоголя, курения... — начать вести здоровый образ жизни). Подобная подготовка вызывает некоторое, иногда значительное, неудобство у реальных и потенциальных родителей, требуя от них рассчитать собственные силы и время, необходимые для реализации подобного проекта.

Во-вторых, сегодня жизнь россиян современных мегаполисов имеет комплексный характер — она проживается в многочисленных, зачастую исключаящих друг друга сферах. Молодые россияне полагают, что они не только должны подготовиться к рождению ребенка, но также они должны *сложиться* как личность (это складывание они увязывают с освоением некоторого — иногда значительного числа сфер, о которых говорилось выше). Однако, процесс этот имеет не всегда целенаправленный характер — молодые россияне часто говорят об этом в пассивном залоге — *«я должен / должна заматереть, сложиться, сформироваться»*. Иными словами, процесс носит квазирациональный характер — по мнению актора, в ходе его жизни, независимо от него должны сформироваться ряд условий, определяющих благоприятную для принятия решения о деторождении ситуацию. Описать этот комплекс условий, потенциальные родители зачастую не могут¹³. Подобная квазирациональность в том числе означает, что у современных потенциальных родителей нет четкой точки, после которой они могут сказать, что теперь они будут рожать ребенка¹⁴. В условиях наличия (в пределе — бесконечного) множества сфер для освоения, — рождение ребенка откладывается.

В так устроенной жизни *ребенок* часто воспринимается как *стадия* в жизни человека, но не, например, как еще одна *сфера / направление*, в которой можно развиваться и совершенствоваться. Люди говорят о том, что это та стадия, когда свою жизнь придется отложить. Респонденты фиксируют ситуацию необходимости что-то сделать со своей жизнью — они чувствуют необходимость отвечать за нее (хотя четко не высказывают перед кем). Подобное восприятие своей жизни

¹³ Речь идет именно об освоении ряда сфер (например, «нужно состояться материально»), но не о наличии ресурсов (например, «если бы доплачивали по 10 тысяч в месяц, я бы родила третьего ребенка, так как мне не хватает денег на ряд конкретных вещей»). И, можно предположить, что в данном случае не деньги как таковые обеспечивают рождение дополнительного ребенка (что кстати подтверждается количественными исследованиями. См. [Рощина, Бойков 2005, Малеева, Синявская 2006]), но появление ощущения, что актор «освоил» определенную сферу жизни — в данном примере — материальную.

¹⁴ По словам ряда наших респондентов, ставших родителями в 70–80-х годах прошлого столетия: *«представить, как мы жили тогда, невозможно, это была совсем другая жизнь. Для семьи она была гораздо легче. Совершенно все было по-другому. То есть тогда было положено, будучи студенткой и девочкой из хорошей семьи, выйти замуж, будучи студенткой, создать серьезные отношения с мужчиной — чтобы был муж, и обязательно иметь детей. Это было совершенно обязательно. Если у кого-то из девушек такого не было, то мы просто считали человека неудачником»*. Рождение ребенка привязывалось к определенному возрасту, стадии жизни, но не к содержательному освоению многообразных сфер жизни.

и места ребенка в ней, по-видимому, не способствуют рождению многих детей, особенно в раннем возрасте матери (на ранней стадии семьи / партнерского союза). Ситуация меняется, если женщина (пара) видит детей не как стадию, но как сферу / направление, в котором можно совершенствоваться, реализовываться, творить¹⁵. Такое видение мира характерно для многодетных или желающих стать многодетными семей:

«Не знаю, философия это многодетной семьи или нет, но определенный образ жизни. Принятие того, что детей может быть много, и это нормально. Мне кажется, в многодетной семье люди учатся жить вместе. А в обычной — тот фактор, что ребенку надо посвятить несколько лет жизни, перетерпеть, отправить его в садик или школу и все будет хорошо. А когда детей много, так не получится. И что надо вести собственную жизнь вместе с ними, а не ждать, когда они вырастут» (Мария. 25 лет. Москва. Трое детей. Один приемный).

«Я вижу, что я добиваюсь действительно больших успехов со своими детьми, и окружающие видят. И когда мне говорят — надо же, твой ребенок умеет, у меня и гордость, и радость, что я сделала то, что другие мамы не сделали. Мой ребенок это умеет. Я реализовываюсь вот в этом, в воспитании, что он сделал это, он сказал это, он помог кому-то. Я понимаю, что в этом не вино-

¹⁵ На основании наших интервью, мы можем высказать предположение, что такое видение мира часто формируется образом своего детства и опытом его проживания. *«Я не из бедной семьи, это было. Брат у меня — я не один ребенок в семье и с детства я знала, что у меня будет не один ребенок. Знаете, как женщина, девушка загадывает, будет ли она иметь детей — я загадала, что два будет точно, потому что иметь брата или сестру очень комфортно. Комфортно психологически — это ощущается, потому что брат меня старше на три года. Были периоды ссор, но вот это ощущение старшего брата — это здорово, и защитник, и пример, потому что в какой-то момент я хотела быть похожей на него, одевалась даже так, манеры там... И просто ощущение, что тоже свой мир, мир друг с другом — это важно, это мне запомнилось и у меня было такое ощущение, что это надо дать своему ребенку.» (Анна. 48 лет. Москва. 3 детей).* На основании наших данных можно предположить, что ключевым является опыт (практики) взаимодействия с детьми — особенно с теми, что младше (часто этот опыт приобретается в семье, но он может быть получен и иным образом. Так страх перед многодетством может сниматься наблюдением позитивных многодетных семей:

«(Ирина / жена:) В Кузнецях <община Николо-Кузнецкого храма — прим. автора> уже тогда было много детей. И я смотрю как же это вот.... Ну, в Кузнецях, действительно это многочадие — это какой-то парадокс. Это воспитывает. Ты чувствуешь себя как первоклассник рядом со старшеклассниками. Вот и я когда-нибудь таким буду. Не дорос еще. Как это у тебя один ребенок? Как это у тебя два ребенка? Вот когда вокруг тебя стоит четверо детей — ты уже чувствуешь себя на равных. Вот там пятеро. Все как у всех. И вот это тоже сыграло роль. Окружение. Потому, что вот даже сейчас со стороны шестерых детей, я говорю: если бы сейчас мы были одни такие, нам было бы очень тяжело, но у нас есть Ивановы, у которых 7 детей, у нас есть Семеновы, у которых 9 детей, у нас есть Петровы, у которых 7 детей — как и все. Это как преодоление страхов за будущее. Что будет, когда будет 5 или 6 или 7? Смотришь, а у людей 7... (Андрей / муж:) И папа зарабатывает ничуть не больше чем вот я зарабатываю... И если у них 7 детей, и они не бедствуют, то значит с нами ничего плохого не случится. (Ирина / жена:) Это, наверное, как действительно в команде! Рука рядом идущего. Ты знаешь, что ты никогда не упадешь. Здесь не какая-то помощь, а какая-то внутренняя моральная поддержка. Действительно пока мы были одни — ты один как лодка в море, а когда ты видишь, что рядом другие — все ты уже в строю. И тебе спокойнее и уже никакого ни второго, ни третьего не пугаешься». (Ирина 36 лет. Андрей 37 лет. Семейная пара. Москва. 6 детей. Подвыборка «Многодетные православные»).

Имея такой опыт, люди перестают бояться детей, перестают бояться их рожать. Однако, есть и второй элемент — это оценка подобной практики. Старший ребенок в многодетной семье часто оказывается перегружен заботой о младших и впоследствии не хочет иметь много детей в своей семье.

вата, а что это сделала именно я, что я молодец, что ребенок замечательный. На работе — это твоя обязанность, ты должен выполнять свою работу. А здесь — полет фантазии. Все-таки с детьми больше получаешь положительных эмоций, удовлетворения. Работа — это деньги, а дети — это твоя жизнь, грубо говоря.» (Ольга. 31 год. Москва. 2-ое детей. Хотят 3-го.)

В-третьих, образ ребенка — «стадия в жизни родителей» — не является однородным. Большую часть этого времени, у современных родителей ребенок вызывает чувства тревоги и беспокойства. Что, по-видимому, в свою очередь формирует представление о ребенке, как очень сложном и непонятном занятии¹⁶.

«Я смотрю на тинейджеров, которые бросают петарды. Я боюсь к ним подходить. Я не знаю, имею я право сказать ему что он не прав? И я представляю себе своего деда — он бы даже не раздумывал — обложил бы его, взвесил — и вся проблема бы решилась» (Москва, мужчина 30 лет, 1 ребенок).

Значительную часть этого периода родители, во-многом, не контролируют взросление ребенка (фактически ребенок воспитывается / находится под контролем — школы, сверстников, СМИ и рекламы, Интернет, компьютерных игр). При том что их отношение к ребенку описывается ими самими категорией «ответственность», — реально они отвечают за своего ребенка очень незначительный период времени, который называют оптимальным — он длится от 0 (2–3) до 7 лет.

В-четвертых, если ребенок воспринимается, как стадия в собственной жизни, это формирует ряд сложностей. (1). Эта стадия занимает все больше времени и внимания — проект становится все сложнее — сегодня ребенок заканчивается с окончанием высшего образования. (2). Подобный образ пролонгированного ребенка определяет либо значительную нагрузку на родителей, либо что, по-видимому, чаще, — желание родителей самоисключиться из процесса воспитания (при поддержке институтов вроде школы). Недостаток родительского внимания компенсируется при этом покупками, игрушками и т.д. (3) Подобный уход родителей из воспитания собственных детей формирует у них либо ощущение страха перед подростковым периодом, либо непонимание, что можно делать с такими детьми.

В качестве резюме, можно сказать, что в формирующемся сегодня у жителей российских мегаполисов образе ребенка, можно выделить такие составляющие как: (1) сложный проект, (2) сложность, превышающая родительские возможности справиться с ней, (3) пауза в жизни родителей, (4) стадия жизни (родителей), но не направление в котором эта жизнь может осуществляться, (5) пролонгированность детства. Можно предположить, что подобные составляющие образа не должны

¹⁶ Медицина, СМИ и ряд других институтов усиленно вкладываются в формирование образа ребенка — как очень сложного проекта. Так, например, на первой странице сайта журнала практических советов «Мой кроха и Я» размещена значительная по объему статья «Обследования малыша», начинающаяся словами: «В первое время родителям очень трудно самим оценить состояние здоровья малыша и понять, нормально ли кроха развивается. Именно поэтому в первый год жизни общаться с врачами, которые наблюдают ребенка, приходится довольно часто... Предлагаем схему обследований ребенка, график посещения специалистов в государственных поликлиниках и расшифровку показателей анализов». <http://krokha.ru/?action=jarticle&id=986>. Даже этот начальный фрагмент содержит следующие важные тезисы: 1. Малыш — это сложно. 2. Родители сами с ним справиться не могут. 3. Помочь им может медицина. Это типичный материал, представляющий типичную логику сопровождения детства. К сожалению в рамках данной статьи мы вынуждены оставить вне рассмотрения тему медиализации детства.

стимулировать практики расширенного воспроизводства в российских семьях. Позитивной оппозицией данному набору составляющих являются фактически только образы маленького ребенка — «крохи», «лялечки» и «оптимального ребенка» — ребенка, не взятого у родителей институтами (то есть образами, определяющими видение ребенка довольно непродолжительный период времени с точки зрения общей продолжительности «ребенка»).

Литература

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург. Изд-во Урал. Ун-та. 1999.

Биографический метод. История. Методология. Практика. М.: Институт социологии РАН, 1994.

Бодрова В. Репродуктивные установки россиян как барометр социально-экономических процессов. // Мониторинг общественного мнения, 1999 № 4 (ВЦИОМ-Интерцентр-АНХ) 35–36.

Бодрова В. Сколько детей хотят иметь россияне? «Демоскоп Weekly», № 81–82. 23 сентября — 6 октября 2002. // <http://demoscope.ru/weekly/2002/081/tema01.php>

Вовк Е. Опыт размышления о роддомах, культуре родительства и нормативной малодетности. // Социальная реальность. № 7. 2008. С. 21–24.

Вовк Е. Сколько детей иметь в семье? // Социальная реальность. № 2. 2007. С. 41.

Головляницына Е. Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.Малева, О.Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 217–251.

Захаров С. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья первая. Расширяющиеся границы брака // «Демоскоп Weekly», № 237–238, 6–19 марта 2006

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. // <http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptsiya/konceptsiya25.html>

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: «Институт экспериментальной социологии», СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 1998.

Малева Т., Синявская О. Социально — экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. 2006. № 5. Осень — Зима. С. 70–97.

Рощина Я.М., Бойков А.В. Факторы фертильности в современной России. М.: EERC, 2005.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования. М.: УРСС, 2001.

Atkinson R. The life story interview. Sage University Papers Series on Qualitative Research Methods, Vol. 44. Thousand Oaks, CA: Sage, 1998.

Becker G. A treatise on the family. Harvard University press. 1991.

Caldwell J. The failure of theories of social and economic change to explain demographic change. Puzzles of modernization or westernization // Research in population economics. #4, 1982; 297–332.

Caldwell J. and others. Demographic Transition Theory. Dordrecht. Springer, 2006.

Charmaz K. Constructing grounded theory. A practical guide through qualitative analysis. L.: Sage publications, 2006.

Coale A., Watkins S. (eds.) The Decline of fertility in Europe. Princeton 1986.

Cunningham, H. Children and childhood in western society since 1500. UK, 2005.

Glaser B. Theoretical Sensitivity: Advances in the methodology of grounded theory. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978.

Easterlin R. The Economics and sociology of fertility: A synthesis. // Historical studies of changing fertility. / ed. by Ch. Tilly. Princeton. Princeton university press. 1978.

Fawcett J.T. Psychology and Population: Behavioral Research Issues in Fertility and Family Planning. New York. The population council. 1970.

Hendrick H. Children, childhood and English society 1880–1990. Cambridge 1997.

Hoffman L. W., Thornton A, Manis J. D. The Value of Children to Parents in the United States // Journal of Population, Vol. 1(2) Summer 1978. pp. 91–131.

Lesthaeghe R. On the Social Control of Human Reproduction. // Population and Development Review, Vol. 6, No. 4 (Dec., 1980), pp. 527–548.

Pohlman E., Pohlman J. M. The Psychology of Birth Planning. Shenkman Publishing. Cambridge. 1969.

Schultz T. An economic model of Family planning and Fertility, Journal of Political Economy 1969. 77 (2), 153–180.

Van de Kaa D. The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. // Population Studies, Vol. 50, No. 3 (Nov., 1996), pp. 389–432.

Parental Loss during Childhood — Biographical Research Based on the Qualitative Paradigm

Gerhard Jost

Introduction

Parental loss during childhood is a critical life event (Inglehart 1991), which may even result in a trauma because of its pronounced experience of loss. This happens when images and thoughts about this experience emerge recurrently, limiting the concerned person's capacity of taking any action. In such a case, a flood of emotions builds up, which keeps the affected person from including this event of loss in his or her realm of experiences, both biography-related and everyday experiences. The same is true for the person's scope for action: an experience of parental loss during childhood may lead to actual diseases, limit the person's personal development or have other undesirable effects. Thanks to the school of psychoanalysis, we know about unpleasant experiences being relegated into the sphere of the «unconscious». In this sense, the loss of a parent may be repressed and might be very hard to consciously remember in all detail because it puts too much strain on the person's psyche. Keeping this event in an unconscious part of our psyche might seem to be a defence mechanism. However, events that have not been processed will surface again at some point. The failure to cope with this event may lead to phenomena such as regression, denial, or even phobias. As a consequence, the person may suffer from dysfunctional relationship patterns, avoid intimacy, experience fear of attachment, and show other symptoms related to distressful experiences in his or her life.

After a parent passes away, the child left behind faces two challenges: one is to cope with changes and the other one is to continue its psychological and cognitive development. Even though mourning and coping processes dominate life after such an event, the cognitive and occupational development of affected children is not necessarily merely a negative one. One example for this is a study that shows that approximately 25% of historical figures with outstanding abilities lost one parent before the age of ten. The authors of this study explain this phenomenon mainly with the fact that children faced with such a situation become especially conscious of their own identity and develop a creative approach allowing them to master their lives. Findings in creativity research have also shown that persons who experienced critical life events during childhood have an especially high potential for creativity (cf. Huber 2002: 62ff.).

Now, coping processes not only depend on a person's personality. Social components also play an important role here. For example, if children succeed in developing good relationships with other persons that are important to them, talk about their loss and receive information about their parent's passing, they may cope better with the loss than others who do not have this type of support. Social expectations, such as wanting

to keep suffering to a minimum and shielding children from mourning also have an influence on the way children cope with their loss.

The topic of «parental loss during childhood» can be studied using different approaches. One option is a biographical method as used in sociology¹. For a short overview of underlying assumptions, please see the following chapter. When choosing this perspective, it is interesting to see how coping strategies evolve in the course of a person's life. Hence, I have used biographical narrative interviews for this study. These interviews focus on coping strategies and life strategies used by adults who experienced the loss of a parent during their childhood. Thanks to this data, I was able to analyse what the actual coping strategy was and how a person's biography changed after this critical life event. This study² is based on ten interviews of individuals with the following characteristics:

— Female: 35 years of age; lost her mother at the age of 14; was first raised by her father and grandmother, then went to live by herself at the age of 17;

— Female: 40 years of age; lost her mother at the age of 8; grew up at her grandparents';

— Female: 42 years of age; lost her mother at the age of 5; spent a lot of time with her grandmother (3 years), but remained living at home with her father;

— Female: 40 years of age; lost her father at the age of 1; grew up at her mother's, sharing a flat with her grandmother and mother who worked full-time, until she turned 12;

— Male: 45 years of age; lost his father at the age of 10 ½ years; grew up at home with his mother who worked full-time;

— Female: 38 years of age; lost her mother at the age of 6; grew up at her grandparents;

— Male: 47 years of age; lost his father, who committed suicide, at the age of 8; grew up at home (living with his mother and, subsequently, with a stepfather and a stepbrother);

— Female: 46 years of age; lost her father at the age of 8; her mother was self-employed, taking over her late husband's (small) business after he passed away;

— Male: 48 years of age; his father died while his mother was pregnant with him; his mother lost custody of all six children: they all went to live in children's homes; his oldest sister is 16 years his senior;

— Female: 46 years of age; mother and father lost custody when she was 4 (she saw her biological mother and father again when she was 14 and 21, respectively); grew up in a children's home together with a sister who is one year her junior.

To sum this data up: individuals interviewed for this study are between 35 and 48 years of age today, and lost either their mother or father³ between the ages of 0⁴ to 14 years⁵.

In addition to these interviews, two qualitative interviews were held with experts in the field, one of them a therapist and the other one a social worker. They both work for organizations that take care of children who have lost one or both their parents. One of

¹ In English-speaking countries, works by Roberts (2002) and Chamberlayne et al. (2000), among others, provide insight into biographical research.

² This article is a preliminary report of an ongoing research project.

³ One of the interviewees «socially» lost her father and mother, because she was removed from her family and grew up in a children's home.

⁴ The father died when the mother was pregnant.

⁵ None of the persons was persecuted or experienced a war.

these interviewees has experienced such a loss herself: she grew up in a foster family⁶. In this article, four specific cases will be discussed in detail. All conclusions drawn in this analysis are based on subjective construction used by these adults, their experiences, and memories.

The detailed discussion of these cases is followed by general conclusions resulting from the comparison of these cases.

Biographical Research — Assumptions and Theoretical Background

Biographies are the result of a succession of social relationships in which meanings and experiences are structured. Even when believing that they follow a predetermined pattern, the influence of social factors and social interactions cannot be denied. Personal biographies not only describe individuals, but also the relationships the person has with society and other persons. Their construction and the resulting biographical accounts are embedded in concrete social processes, including processes involving social origins, class and changes. Therefore, biographical material can enable us to reconstruct social structures (e.g., those of organizations or professional associations) and the construction of biographies as people's own social reality.

Nevertheless, individuals need a biography in the (post) modern society we live in, because it serves as guidance in a complex world. To build this biography, individuals need to combine different events and meanings. Biographical accounts are the result of the choice for a sense, which can be more or less forced, and the reflection of experiences. Hence, a biography acts as an interface between objective and subjective episodes experienced in the social world. Social mechanism is just one of several elements that have a determining influence on individuals. Social research must therefore take into consideration individuals' ability to interpret social facts. If society's structural logics were the only determinant, there would be no need for interpretation and no room for actually determining the course of one's life.

Biographical work stems from the need to reflect upon experiences within the scope of one's biography, and consists of organizing one's self and of finding a coherent relationship of meaning independently of time and systems. People create a comprehensive biographical concept. It is only within this concept that events are assigned a specific meaning. Oftentimes, when an experience is lived, people are oftentimes unaware of whether or not it will even have a major impact on their lives. It is not until an event has far-reaching consequences that it turns into a key event worth remembering and consequently into an essential episode of our lives (cf. Kotre 1998: 119). A sense of coherence is introduced by establishing a sequence for these events. Any discontinuities are associated with one's life, either as sudden events, sequences limited in time or as ongoing developments (cf. Linde 1993: 127ff.) A certain amount of coherence is also required for biographies to offer guidance patterns suitable for everyday life which, in turn, provide guidance for possible action. However, biographical research scholars do not believe in a rigid coherence and consistency approach to the concept of identity, based on a stable, uniform and relatively inflexible structure of the «self». Due to its normative character, this approach does not take into consideration the life-long dimension of «becoming» (Fischer-Rosenthal 1995).

All concepts of biographical work and/or structures (Fischer-Rosenthal 2000a) are embedded in reflections on social phenomenology and on sociology of knowledge (Schütz

⁶ Besides, her foster mother died when she was five years old and she eventually grew up with her foster father.

1972, Schütz/Luckmann 1973, Berger/Luckmann 1991). It is from this perspective that experiences and «biographical articulation» are structured in our everyday world. Our everyday world is our most important sphere of meaning. It is in this world that an unequivocal, unquestionable, and self-explanatory idea of reality establishes itself, just like the construction of one's meaningful biography. This is achieved by looking back and by integrating experiences into a global horizon. Whenever there is a reason for reflecting upon our biography, we stop to look back. One of the things we do when we arrive at such turning points, is that we (re)interpret the past. Those turning points separate the «before» from the «after». Rosenthal (1995) distinguished between turning points that are relevant from the perspective of developmental psychology, status transitions and interpretation points⁷. In his book «Mirrors and Masks», Strauss (1997) primarily focused on turning points experienced during adult life. He analysed events such as migration, regulated status passages (e.g. within organizations) or religious conversions that need to be evaluated and which may lead to new patterns of orientation and understanding. Life events experienced during childhood were barely taken into consideration for this analysis of turning points. Childhood is a very special situation when it comes to «turning points», because one's (core) identity is still being developed. As a consequence, conditions for evolvment are different than for adults experiencing turning points.

Experience-making is inextricably intertwined with the dimension of time. Biographies build upon a unique sedimentation of subsequent events. They are built step by step, meaning that biographical structures predominantly rely on time (and space) for their constitution. Our current realm of experiences and our biographical accounts are determined by the entire field of presence — the «moment of now», the sphere oriented towards the past, and the forward-looking one. Therefore, all current biographical constructions are connected to our past and to our future. Any biographical structuring process is therefore a «time sensitive» and «time constituent» process (Fischer-Rosenthal 2000b).

Biographical knowledge and biographies refer to socially prescribed and predetermined structures. Our previous life and history, our generation, the generations before us as well as structures of space and time all have a determining influence over all our experiences (Schütz/Luckmann 1973). Hence, there are predetermined social categories for all biographical accounts. It is only against the background of a fixed framework provided by the social structure that the life plans of individuals and, consequently, their priority structures, take a specific shape. This point can also be argued by relying on the structuring theory (Giddens 2004). If we understand biographies as constructions that evolve from social practices and pools of knowledge and that their structure is reproduced over time and space in a recursive manner, we find rules that guide these structures of biographical actions and knowledge. These rules are, while related to limited reflexivity and decision-making by the individual, embedded in the context of society's norms, family structures, or working environments.

These rules of biographical structuring do not need to be available in speech⁸, but people are partially aware of them when putting them into practice and people use this knowledge to shape their lives. Biographical structuring therefore has, according to Giddens, a specific property: it is part of a self-feeding circle, where the consequences

⁷ Such interpretation points are usually events that people experience as particularly tragic, leading to a reinterpretation of their past (e.g. divorce, death of a parent).

⁸ In this context, one of the goals of biography research becomes evident: it can contribute to the expansion of discursive knowledge and can therefore control practical knowledge in a reflective manner.

of any action are generally required for their continuation (cf. also Fischer-Rosenthal 2000a). The recursive characteristic of biographical structures is weakened by the fact that preconditions for actions and consequences of actions are not only intentional and self-produced.

For the reconstruction of biographical structures, biographical research relies on one essential starting point: biographical accounts. According to the main thesis, relationships between experiences become apparent mostly when they are talked about, because this is the best way of expressing how spheres of meaning and time have been structured. In narrative psychology, it is also a given that narrations are an ideal way of expressing one's biography⁹. According to that field, people have a cognitive predisposition to narration, meaning that experiences are arranged in our systems of thought and interpretation to favour narration. It seems that expressing the process of «becoming» is not possible without accounts that structure meaning. These considerations find their practical application in narrative interviews, which have become one important procedure in the field of biographical research (Schütze 1983; cf., among others, Küsters 2006). Narrative interviews allow the narrator to introduce him or herself as an active actor, to elaborate on correlations between structures, persons, historic events and expectations and to reflect upon his or her past experiences. Stories are told and continued; implausible parts are related in more detail with the goal of disclosing one's entire life story. Just like all other qualitative and open interviews, narrative interviews give participants a high degree of autonomy when selecting the topics they want to discuss. Interviewees are in a position to focus on the topics of their choice. With this interviewing technique, the stream of memories is stimulated to lead to detailed accounts.

When analysing these interviews, it is assumed that narrative interviews do not provide an obstructed view of the «actual» biography. The biographical outline delivered «today» provides the researcher with a basis for reconstructing biographical structures. On the one hand, interviews provide, thanks to manifest information given by the interviewee, an «inside point of view» of complex biographies. On the other hand, latent structures that are not evident at first sight need to be taken into account as well. Interpretation techniques are needed to reveal them¹⁰.

In this article, I will not discuss the entire biographical structures of life stories, but I will focus on subjective constructions in four single cases with regard to the loss, the childhood afterwards and the individuals' lives past childhood. There are certain similarities when it comes to the external circumstances of the four biographies introduced below: all interviewees remained living with their families and did not grow up in social education-oriented children's homes or foster families.

Biographies of Adults Who Lost a Parent — Four Specific Cases

Ms. J.'s Biographical Account

Ms. J.'s mother died in 1986, at the age of 40. At that time, the interviewee was 14 years old and had a sister who is six years younger. Her mother was ill for five

⁹ McAdams (1993) and Eakin (1999) are considered representatives of narrative psychology. See Crossley (2000) for an overview. Works by Bruner (2000) and Holstein/Gubrium (2000) in this field are also interesting.

¹⁰ A book of reference for interpretative social research and the qualitative paradigm is «Grounded Theory» (cf. Strauss/Corbin 2001, among others), where the concept of data-based theory was developed.

years and her disease sometimes required hospitalisation. What are the biographical structures into which the potentially traumatizing event is embedded, and how did the interviewee cope with this event?

One important aspect is that the interviewee focuses on her mother's biography at the beginning of the interview. She knows a myriad of details about her mother's biography and it becomes apparent that she is her very close. At some points, one gets the impression that the interviewee didn't gather certain information until her adult life. It seems that she has dealt with her mother's life and reconstructed her life partly through therapy. One remarkable fact is that the interviewee regards her mother as a person in her own right, not limiting her to the role of the mother she needed and lost. Sometimes, her accounts about her mother are rather an analysis of her mother's life course, problematic situations, and experiences. The interviewee describes her mother as a very lonely person, rarely happy and withdrawn in some situations. She pointed out one important characteristic in her mother's biography: the fact that her mother grew up without her father and without a sibling. According to the interviewee, maybe her mother's depression was also caused by her disease, and these depressions made her sad attitude.

Her father was the opposite of her mother: he was always active, and he loved life. She describes herself as «daddy's girl» who was especially close to her father. Although both her parents took very good care of her, she did not enjoy life as a family. This feeling was exacerbated by decisions that were made against her own will. One example is that, after attending primary school, her parents made her attend a music-oriented secondary school in a village close to her native village. And she often had the feeling that she took the blame for things when her parents had nobody else to blame. This happened with her mother's second pregnancy: her parents said that her mother because she, the first-born, had always wanted to play with other children and that is why there would soon be a sister for her. Another personality trait that was used to describe her, especially by her mother, was that she was little warm-hearted. Apparently, she behaved in a way that gave her mother the impression that she was not loving towards her. As a consequence, she got the impression that her mother would never be happy with how she behaved towards her. After her mother's passing, she experienced two feelings: one was that she had lost her mother, and the other was that she generally welcomed the possibility of change, because she no longer had to deal with a life situation she had experienced as unsatisfactory. However, the interviewee pointed out that these developments might also have taken a negative turn. This situation was hard for her and was sometimes very difficult to handle. Her puberty, during which teenagers usually weaken ties to their parents, had come to an abrupt end. One specific example is that after her mother's passing, her father gave her a lot of freedom to do the things she wanted to do. The interviewee was for example allowed to stay out until early morning.

She pointed out that she had to instantly grow up when her mother passed away. Sometimes, she even took care of her father, while it should have been the other way around. Her father did not handle his grief very well and his daughter occasionally heard him complain about his situation. She went almost as far as to become what she called a «substitute wife», even doing some work for her father's business, which had previously been done by her mother. Thanks to this role, she gained insight into the dark side of her parents' marriage; her father having loved the good life, as she called it. Her grandmother came to play an important role in her life, doing most of the caretaking for both sisters, but especially the younger one. At the age of seventeen, she moved into a flat of her own that belonged to her father. She said that she no longer wanted to hear

her father's whining and complaining. At that point, her father's financial situation was very good, but she then realised that he lived beyond his means. His business ultimately went bankrupt when the interviewee was an adult.

Affected by her mother's death and her unusual life situation, the interviewee started experiencing problems at school. She had to repeat a year, but ultimately managed to graduate from a business-oriented high school, which allowed her to go to university. Her subsequent educational and professional life was highly varied and included many changes in direction. She enrolled in different majors in the area of cultural and social sciences, but had not graduated from any of these majors at the time of the interview. She sometimes works for art and culture projects or takes on small jobs to make a living. To her, this instability in her professional life goes back to the uncertainty in her childhood and her experiences of frailty, leading to a lifestyle of living one day at a time. More than anything, she lives in the present, refusing the notion of stable career paths and consistent education. This unstable and sometimes spontaneous way of life was exacerbated by yet another painful event: a close girlfriend of hers had cancer and ultimately passed away. Even though her professional and educational life were anything but stable, she had very close, intense, and long-lasting personal relationships, showing the commitment she lacked elsewhere. One particularly remarkable friendship is the one she had with a girlfriend who felt like a mother to her, who let her live in her house for a longer time.

For many years, the interviewee avoided dealing closely with the issue of her mother's death. This changed when she started therapy at the age of thirty. For many years, she had lived with the impression that her mother described her as not warm-hearted. Thanks to her therapy, she was able to develop a loving relationship with her late mother. However, even today, her mother's death seems like an abstract and intangible event to her. She pointed out that to her, normality feels like an artificial construction that is out of her reach forever. When interacting with other people, she often finds that there is a difference between people who have experienced the death of a close one and those who have not had such an experience. As a consequence, she is not always receptive to expectations society has for people to lead a «normal life». Her efforts of staying connected to deceased loved ones, including her mother and her deceased girlfriend, is an important pillar for her orientation in life. Her therapy, during which she recreated experiences, helped her establish a close relationship with her mother. Today, she accepts her periods of mourning and accepts that her life will most likely not follow a normal path. The frailty of life she experienced as a child predominantly affected her professional path, making it inconsistent and unsteady. However, remembering her mother and giving her an important place in her heart has a high priority for her.

Ms. C.'s Biographical Account

Ms. C.'s mother died from the consequences of asthma at the age of 28. She was diagnosed with several diseases, one of them being lung cancer. Two years before her passing, she had major surgery because her lungs differed in size. When her mother passed away, the interviewee was 8 years old, and her sister was 6.

One important aspect for the interviewee is that her mother's death was caused by a medical mistake. After receiving (incorrect) information from the hospital, her family physician used the wrong drug for an injection that ultimately made her mother suffocate. This made the interviewee become highly critical of conventional medical treatment and hospitals in general. However, she also blames her mother, saying that she should

have looked out for herself — not only in this situation — and that she should not have accepted this treatment.

She sees her mother's death as a turning point for her personality: before her mother's passing, she was joyful, lively and adventurous. After her mother's passing, she became a person who did not have a lot of energy, cried often, and was sometimes easily hurt. She no longer was the happy child she used to be. This period, during which she also repeatedly suffered from bronchitis, lasted for about three or four years, during elementary school and the first few years of secondary school. She relived this traumatic experience recently, when her daughter was the same age as she had been when her own mother died. The interviewee's daughter experienced symptoms similar to those she had had herself as a child. Until recently, she seldom addressed her mother's death and she was able to talk about certain experiences and situations only. For a long time, as a child, she clung to the idea that her mother had not died, but had gone to live with another family in Rome. Previous trips to Italy with her mother in early childhood had prompted her to live in denial of her parental loss.

Both children left home and went to live with their paternal grandparents. They also started going to a different school. Her maternal grandparents wanted the children to be taken care of in a children's home. It was related to her that her father had wanted to take a leave of absence, but his employer did not grant him that wish. He frequently visited the grandparents' house, especially on weekends. Both sisters trusted their grandfather, sharing their thoughts and feelings with him. Their grandmother, on the contrary, was often very harsh to them. Her grandparents offered the interviewee many educational choices, including sports (she played top-league volleyball), music (she took piano lessons and played in a band until the age of 18), and arts (she temporarily enrolled at the University of Applied Arts to study painting, but later graduated with another major). As a consequence, the interviewee developed a positive self-image of someone who has many talents. Today, she works in physical therapy. Even though her grandparents provided a lot of support in developing her skills, she was very hurt and preferred not to share her problems. Later, she expressed her pain by painting ugly, distorted faces. According to the interviewee, she created an inner voice, a sensitive position and an «external view», even though (or precisely because) life with her grandmother was «full of tension», as she described it. She remembers her father coming to the house to take her for an excursion or to a café as delightful moments. They once went on an extensive trip together. In her view, her relationship with her father has always been a good one. He remarried twice, and during his second marriage, his wife's child lived with him and his new wife. She shows a loving attitude towards her father, even though some parts of her autobiographical account show that she had to live with some of her father's problems. She said that sometimes her father drank a lot and that he was in deep mourning, making her feel like she was a «valve» for his problems. Some of the memories she shared also made it clear that he did not relate always a lot to his daughters, especially when they were adults. She developed a very close relationship to her sister, trying to live up to her sister's expectations of her being something like a mother.

The interviewee's grandmother always said that she was very similar to her mother, not only physically. As a consequence, she thought she would also die at the age of 28, just like her mother. Living with this idea in her head made her let down her guard and live life intensely. Between the ages of 20 and 30, she travelled extensively, visiting many Asian countries. Concurrently, she also went to university. She spent a long period of time in Asia, painting, making music, and completing therapeutic training. On the day

of her 28th birthday, she was in Asia as well, close to the ocean, waiting to see what would happen. Evidently, she did not die.

Ms. C. got involved with esoteric and alternative concepts of medicine and their underlying principles. She also developed a strong attachment to continents such as Asia, where frailty and uncertainty are an everyday fact of life. During the interview, she went as far as to say that she has learned to be much more empathetic than others. Looking back on her life so far, she refers to a lot of experiences as being «thrilling and exciting»; she developed new perspectives on life and on awareness-building and made new experiences thanks to her extensive travelling.

Regarding her process of coping, she regrets that her parents did not tell her the truth about how serious her mother's disease had actually been. This left her feeling that their parents lacked honesty towards their children. One incident she remembers is when they visited her mother at the hospital. Her mother behaved like her normal self, like nothing had happened, talking about trivial things, including her long and beautiful nails. At that point, the interviewee was not prepared for losing her mother. When this actually happened, the event was traumatic for her, followed by repression, mourning and unrealistic ideas.

Ms. S.'s Biographical Account

Ms. S, a 40-year-old woman, lost her mother when she was five years old. Her mother was 33 years old and had stomach cancer. Approximately three years after her mother's passing, her father remarried. She grew up with her father and her stepmother and, later, with her stepsister.

Her subjective experience consists of fragments of memories of her childhood and of her mother. She has memories of the doctors who treated her mother because she was afraid of them. She also remembers the day her mother died: on that particular day, her mother was not in the room where she usually was when her daughter came to see her. The windows were wide open and Ms. S. was told, by way of «explanation», that her mother «had gone to the angels». Being a child and as such, somewhat helpless, she accepted this explanation and asked no further questions. Her relatives did not give her a lot of information that would enable her to hold on to memories about her mother, which gave her the impression that people in general do not like to talk about the dead. For a long time, she was even unaware of the exact day of her mother's passing, thinking that she had been only three years old at that time. One of the few memories of her mother is that she once got a cake and she cuddled up to her mother's legs. Other memories are based on photos and films. However, the interviewee pointed out that she did not really know her mother and that she does not have much information about her personality or about her life. Therefore, it is almost impossible for her to have an actual picture of her mother.

She explains this lack of memories of her mother and of the critical life event also with the fact that everyday life did not change completely after her mother's passing. Her parents ensured that she enjoyed a certain amount of continuity: before her mother's death, she spent a lot of time with her grandmother during the day, which did not change after her mother died. She lived in a small village, where her parents had a business and her grandparents lived close-by. It was especially during her first one or two years at school that her grandmother assumed responsibility for her schooling, even though the interviewee lived with her father. She describes the time she spent with her father as a very good one, e.g. she was allowed to sleep in the same bedroom and her father often took her with him on trips.

Her father's second marriage was the beginning of a new phase, which she was not happy about. She felt that her (future) stepmother did not understand her, but she concedes that she took her «maternal role» seriously and that she ensured that she received good education. As early as elementary school, she would put her stepmother's name on documents, and would later come to call her «mom».

When Ms. S was pregnant with her first child at the age of 32, she experienced a phase of serious distress, because there was not her mother she could share her situation with, and who shared her feelings. Another critical situation arose during a training course, where she was requested to come up with a mental picture of her being consoled as a child. She was, however, unable to come up with such a picture.

One important characteristic of her account — and also of her manifest narration — is a strong orientation towards a «normal» course of life. This is reflected by her successful middle-class life course: high school graduation, university, job, marriage, three children, built a house, went back to work, hiring an au pair girl to help her.

Ms. E.'s Biographical Account

Ms. E. is 36 years old. Her father died when she was one year old. He probably committed suicide, but his family never talks about the circumstances surrounding his death. After his passing, both her grandmother and her mother lived with both children (Ms. E. and her sister).

Since the interviewee was one year old when her father died, she has no memories of this event. In addition to that, she has no recollection of changes or even mourning. After her father's passing, her mother started working full-time. During her childhood, she received little and ambiguous information about her father's life, a situation that continues to this day.

The reason for this secrecy might have been that her father was an ill fit for her mother because of his — or his family's — political views that were a sharp contrast to their Jewish origins. Ms. E. said that she often envied children she saw at the playground who were accompanied by both their parents. Primarily, her grandmother took care of her, but they did not have a good relationship. The loss of her father seems to have had little impact on Ms. E.'s personal development and on her skills. She obtained a university degree in science and subsequently wrote her doctoral thesis. There are no (negative) consequences regarding her abilities or other aspects of her life. After separating from her first boyfriend, she is now in a new relationship and has a child with her current boyfriend.

A specific moment of coping in this case is that her father's death occurred during her early childhood and she does not see his death as a turning point, even in retrospect. Living without her father was something she was used to and she has no memories or oral accounts about mourning or related problems. It looks like Ms. E. didn't even notice her mother's mourning. Her relatives make something of a mystery of her father, but this does not seem to lead to any serious problems within the family. She experienced her family situation as being different, but, this was, according to the interviewee, mostly due to the fact that she spent less time with her mother than other children.

Comparing Specific Cases — Some Generalized Hypotheses

In scientific literature, it is assumed that the coping processes for critical events depend on the level of cognitive development corresponding to the children's age.

According to this line of reasoning, the pain of losing one parent should be proportional to the child's age: the younger the child, the greater the difficulties, because the image of their self and of objects is still a very simplistic one. This study does not confirm the above-mentioned hypothesis.

When looking at these four women's biographies, it is not easy to say which one of them experienced the greatest amount of difficulties¹¹. They have all experienced parental loss differently, finding different ways of coping. However, it is apparent that in the first two cases, the parental loss is more present in their biographies and the two women reflect on these experiences more than the others. In the other two cases, Ms. S. and Ms. E., the women's biography and especially their work history is a more linear one and there seems to be a smaller need for coping with their parental loss, even though they experienced it in early childhood. One possible explanation is that a parental loss during early childhood affects the person to such a degree that he or she has to put a great distance between him or herself and the critical event, or else he or she would be unable to live with it. Even though both Ms. S. and Ms. E. showed some avoidance and denial, there are no signs of coping problems, except for the phase of distress experienced by Ms. S. Therefore, data obtained from this study does not validate the hypothesis according to which age and cognitive/emotional development shape the coping processes to a great extent.

A factor that is more important in the coping process and for life strategy is the children's upbringing and their caretaking after the death of a parent. The cases under review show different patterns of upbringing and caretaking for which continuity in surroundings, home, persons and caretaking relatives seems to have a positive influence. Very often, grandparents take on a large amount of responsibility in this process: their role in the caretaking process seems essential to the biographies under review. In case there are no family members or friends to take care of the child in question, he or she experienced a double loss in his or her caretaking, losing the deceased parent and, to some extent, the other one as well, because he or she is often deeply affected emotionally or even professionally, as the cases have shown.

Other coping problems arise when children grow up in children's homes. They have to cope with the fact that no relative was willing to take care of them and have often experienced violence or other major problems in their biological families. They often search for their family roots after leaving the children's home behind to lead a life of their own; having a much deeper longing for these roots than the two interviewees whose situations were described last.

Children who lose one parent, especially those who ultimately grow up in a children's home, sometimes try to find someone to replace the lost parent. Ms. J., for instance, found this person in her relationship. On the other hand, these children are often hostile towards their other parent when he or she starts a new family or at least experience this as a difficult situation. In either case, the process of coping with parental loss is often a lifelong process. It seems that coping processes are not limited to childhood or early adulthood. Certain important events in life, e.g. pregnancy or a disease, may revive a past experience of parental loss. Living with parental loss means that this experience needs to be incorporated into one's life at some point.

Another finding of this study is that concerned persons analyse the circumstances of this critical life event, even reflecting upon the fact that they were not allowed to attend the funeral. Hence, people reflect upon their parental loss and interpret it at different

¹¹ In some of the other cases, the problems are more evident.

stages during their life. However, there was no evidence that parental loss leads to an idealization of the deceased. Rather, individuals search for the lost parent's identity when they reach adulthood, also in the hopes of shaping their own identity with the help of their roots.

To summarize these findings, it can be said that persons who have experienced parental loss find different ways of living with this experience and, generally speaking, with the experience of death in their immediate family. There is not just one structural pattern of coping and of shaping biographical processes. Affected individuals rely on different ways of living with parental loss. In the case of Ms. J. and Ms. C, individualized coping strategies were used, accompanied by self-reflection, leading to highly individualized biographies: their parental loss led to out-of-the ordinary lives and they assimilated the critical life event and its consequences. On the other hand, there are cases where the critical event is somehow incorporated into the normal «course of life», both in terms of family life and professional life, except for the fact of having to live with the loss of one parent.

Bibliography

Berger, Peter L./Luckmann, Thomas (1991): *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London: Penguin.

Bruner, Jerome S. (2000): *Acts of Meaning*. Cambridge (u.a.): Cambridge University Press.

Chamberlayne, Prue/Bornat, Joanna/Wengraf, Tom (Hrsg.) (2000): *The Turn to Biographical Methods in Social Science. Comparative Issues and Examples*. London, New York: Routledge.

Crossley, Michele L. (2000): *Introducing Narrative Psychology. Self, Trauma and the Construction of Meaning*. Buckingham: Open University Press.

Eakin, Paul John (1999): *How our Lives become Stories: Making Selves*. Ithaca, New York u.a.: Cornell University Press.

Fischer-Rosenthal, Wolfram (1995): *The Problem with Identity: Biography as Solution to some (Post)Modernist Dilemmas*. In: *Comenius*, 15/3, S. 250–265.

Fischer-Rosenthal, Wolfram (2000b): *Biographical work and biographical structuring in present-day societies*. In: Bornat, J./Chamberlayne, P./Wengraf, T. (Hrsg.): *The Turn to Biographical Methods in Social Science*. London: Routledge, S. 109–125.

Fischer-Rosenthal, Wolfram (2000a): *Adress lost — How to fix lives. Biographical Structuring in European Modern Age*. In: Breckner, R./Kalekin-Fishman, D./Miethe, I. (Hrsg.): *Biographies and the Division of Europe*. Opladen: Leske und Budrich, S. 55–75.

Giddens, Anthony (2004): *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge: Polity Press.

Holstein, James A./Gubrium, Jaber F. (2000): *The Self We Live By. Narrative Identity in a Postmodern World*. New York, Oxford: Oxford University Press.

Huber, Sylvia (2002): *Früher Elternverlust. Bewältigung und Auswirkungen auf partnerschaftliche Beziehungen* (engl.: *Early parental Loss: Coping and Effects on Partnerships*). Universität Innsbruck: Diplomarbeit.

Inglehart, Marita R. (1991): *Reactions to Critical Life Events. A Social Psychological Analysis*. New York: Praeger Publishers.

Kotre, John (1998): *Der Strom der Erinnerung. Wie das Gedächtnis Lebensgeschichten schreibt*. (engl.: *The Stream of Memories*). München: Deutscher Taschenbuchverlag.

Küstners, Yvonne (2006): *Narrative Interviews. Grundlagen und Anwendungen*. (engl.: *Narrative Interviews: Basics and Applications*). Wiesbaden: VS Verlag.

Linde, Charlotte (1993): *The Creation of Coherence*. New York, Oxford: Oxford University Press.

McAdams, Don P. (1993): *The Stories We Live By: Personal Myths and the Making of Self*. New York: Morrow.

Roberts, Brian (2002): *Biographical Research*. Buckingham: Open University Press.

Rosenthal, Gabriele (1995): *Erlebte und erzählte Lebensgeschichte. Gestalt und Struktur biografischer Selbstbeschreibungen* (engl.: *Lived and told biography: form and structure of biographical self-accounts*). Frankfurt am Main: Campus.

Schütz, Alfred (1974): *The Phenomenology of the Social World*. Translated by George Walsh and Frederick Lehnert. Evanston: Northwestern University Press.

Schütz, Alfred/Luckmann, Thomas (1973): *The Structures of the Life-World*. Translated by Richard M. Zaner and H. Tristan. Evanston: Northwestern Univ. Press.

Schütze, Fritz (1983): *Biografieforschung und narratives Interview* (engl.: *Biographical Research and Narrative Interview*). In: *Neue Praxis*, 13/3, S. 283–293.

Strauss, Anselm L. (1997): *Mirrors and Masks: The Search for Identity*. New Brunswick: Transaction Publishers.

Strauss, Anselm L./Corbin, Juliet M. (2001): *Basics of Qualitative Research: Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory*. Thousand Oaks: Sage.

Детдомовцы и воспитанники патроната на пороге взрослой жизни

Алевтина Корнеева, Анна Стрельникова

Сиротство является острой социальной проблемой как в российском обществе, так и во всем мире. На сегодняшний день Россия занимает первое место в мире по числу детей-сирот, приходящихся на каждые 10 тыс. детского населения¹. Основная часть детей-сирот воспитывается в детских учреждениях интернатного профиля. Но сложившаяся государственная система поддержки детей, оставшихся без попечения родителей, подвергается серьезной критике. Это вынуждает искать новые формы социальной поддержки детей-сирот. Одной из таких форм является патронат.

Выход детей-сирот во взрослую жизнь сопряжен с многочисленными проблемами, в том числе и в трудовой сфере. Поэтому особую значимость для исследователей приобретают вопросы вхождения социальной группы «дети-сироты» в самостоятельную жизнь, их адаптация к новым экономическим, социальным, культурным условиям современного российского общества. Отметим работы таких авторов, как Г.В. Семья, Л.М. Шипицына, И.Ф. Дементьева.

В данной статье мы рассмотрим особенности трудовой ориентации детей-сирот в возрасте от 16 лет до 21 года, сравнивая тех, кто воспитывается в государственных интернатных учреждениях, и тех, кто проживает в патронатных семьях. В основу нашего исследования легли кейс-стади 2005–2008 гг. двух детских домов, работающих по разным системам: муниципальный детский дом в подмосковном городе Ивантеевка, в котором дети проживают либо до совершеннолетия, либо до установления опеки над ними, и детский дом № 19 города Москвы, работающий по системе патроната. Авторское исследование включает анализ официальных и неофициальных документов Ивантеевского детского дома и детского дома № 19 г. Москвы, свободное интервью с воспитанниками этих детских домов (всего проведено 18 интервью)², наблюдение за жизнью детей в детдоме и за его сотрудниками, а также материалы специализированных сайтов на тему сиротства и патроната.

1. Кейс-стади Ивантеевского детского дома

В муниципальном детском доме г. Ивантеевки проживают 30 детей в возрасте от 3-х до 20-ти лет. Все дети, проживающие в этом детском доме, являются либо

¹ Состояние проблемы выявления и устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в 2003 году // Вестник образования России. 2004. № 16.

² В Ивантеевском детском доме в 2005 году было опрошено 7 респондентов. В 2008 году было проведено повторное интервью с этими же респондентами. В силу того, что некоторые дети выбыли из данного детского дома, интервью удалось взять у 4-х респондентов из 7-ми.

полными сиротами, либо детьми, чьи родители лишены родительских прав. У некоторых детей есть близкие родственники, но есть и те, которые остались совсем одни. Никаких серьёзных физических отклонений у большинства детдомовцев нет, но всё же воспитатели иногда отмечают психическую неуравновешенность у отдельных детей — склонность к агрессии и чрезмерной нетерпимости к чему-либо, эмоциональную нестабильность.

По большей части родители детей, которые находятся в Ивантеевском детском доме, либо алкоголики, либо принадлежат к криминальным сегментам. Надо отметить, что алкоголизм вообще «злой рок» города Ивантеевки. Есть отдельные районы, в которых живут уже несколько поколений алкоголиков. Это очень старые районы города, с послевоенными коммуналками, которые строились рабочими двух текстильных фабрик, находящихся в городе. В детский дом дети попадают по решению суда и опекунского совета. Они учатся в школах, училищах и техникумах города Ивантеевки и близлежащих городов (Королёв, Мытищи, Пушкино) на тех же правах и обязанностях, что и обычные дети. За детьми смотрят 16 воспитателей, все женщины. В Ивантеевский детдом направляют детей и из других городов Подмосковья, в частности, есть дети из Орехово-Зуевского, Сергиев-Посадского, Пушкинского районов.

Общее состояние детского дома хорошее, можно сказать, что всё благополучно. Всевозможную помощь оказывают: администрация города Ивантеевки, различные благотворительные фонды Подмосковья, Ивантеевская компания ООО «Берингов Пролив» в лице генерального директора А.В. Суворова, мебельная фабрика города. Для детей организуются поездки в лагеря, города России; с ними занимаются психологи; они посещают различные тренинги; им предоставляются всевозможные льготы.

Все детдомовцы получают среднее образование в школах города. Некоторые дети обучаются в обычных классах с обычными детьми, некоторые в классе-коррекции. Отдельных классов для детей из детдома нет.

Дальнейшее образование они, как правило, получают в ПТУ № 130 г. Ивантеевки и в Ивантеевском Профессиональном училище. Также у детского дома есть связи с ивантеевским филиалом Московского Государственного Социального Университета, с Институтом физкультуры в г. Мытищи, с лицеем в г. Королев и с Пушкинским колледжем Экономики и Управления.

1.1. Представления выпускников Ивантеевского детского дома о будущей профессии

Об институте и высшем образовании задумываются далеко не все воспитанники ивантеевского детского дома. По данным, которые были получены в ходе беседы с директором детского дома, лишь трое детей сейчас получают высшее образование. В частности, один воспитанник поступил в Ивантеевский филиал МГСУ на экономический факультет, другой — в МГУ туризма и сервиса в г. Мытищи. Как говорит директор детского дома, дети не ориентированы на поступление в ВУЗы, находящиеся в Москве, т.к. боятся, что придется далеко ездить (Ивантеевка находится в 17 км. от МКАДа, это занимает 1 час езды либо на электричке, либо на автобусе).

Двое респондентов заканчивают Ивантеевское профессиональное училище по специальности повар, еще один респондент закончил это же училище по специальности каменщик, сейчас он проходит службу в армии. Двое ребят разочарова-

лись в выбранной ими профессии. Произошло это по разным причинам, кто-то считает, что поспешил с выбором: *«Раньше я хотела пойти вот в театральное, но мне пришлось на повара учиться. Сейчас я думаю заканчивать, уходить, и все равно подумать там, точно решить куда там, какую профессию мне получить»* [М.К., девушка, 15 лет, воспитанница детского дома. И1, Архив автора]; также выяснилось, что учиться на повара, а, следовательно, и работать по этой профессии, девушке нельзя по состоянию здоровья: *«Нравится из-за того, что я выйду отсюда, я буду знать, как че сделать, как что приготовить. А с другой стороны, опять здоровье. То есть, на горячий цех я не смогу пойти, там жарко, мне плохо»* [М.К., девушка, 17 лет, воспитанница детского дома. И1, Архив автора]. Другая девушка сомневается насчет выбранной им профессии, говорит, что учебное заведение, где он учится, не дает знаний, и, следовательно, пропадает интерес: *«...на втором курсе я сейчас учусь... как-то все приелось и даже надоело. Вот у меня мой главный предмет по будущей специальности — это бухучет, вот я вообще его не понимала...и вообще мне там многое не нравится, то есть я хочу перейти вот сейчас закончить второй курс и перейти вот в колледж московский, там как бы третий курс отучиться на бухгалтера, то есть получить как бы образование вот это среднее, то есть вот третий курс закончить в московском колледже»* [С.Ц., девушка, 17 лет, воспитанница детского дома. И4, Архив автора], *«Я думаю, вот если я перейду допустим в другой колледж, если там будет учитель, который будет хорошо объяснять и заинтересован будет в том, чтобы мы, что-нибудь понимали и мне это станет интересным... я даже всю жизнь проработаю бухгалтером и не пожалею об этом. Ну, вообще я знаю то, что сейчас бухгалтер это очень такая востребованная профессия, на любом предприятии»* [С.Ц., девушка, 17 лет, воспитанница детского дома. И4, Архив автора].

Остальные два респондента очень довольны выбранной профессией: *«Я вообще очень хотела в институт поступать, и вот, можно сказать, моя мечта сбылась»* [О.Ж., девушка, 21 год, выпускница детского дома. И3, Архив автора]. *«Да, я всегда хотела с людьми общаться, для меня важно общение. Я всегда в окружении, мне даже одной находиться тяжело.... На психолога хотела, но потом решила, что социальный работник».* [О.Ж., девушка, 21 год, выпускница детского дома. И3, Архив автора].

Несмотря на то, что респонденты самостоятельно выбирали себе профессии, огромное влияние на это оказала внешняя среда. Круг их выбора ограничен заранее. В основном детдомовцы после 9 класса поступают в различные техникумы и училища на следующие специальности: швея, швея-мотористка, продавец, каменщик, столяр, маляр, повар, бухгалтер, автомеханик, слесарь и прочие: *«Я могла бы и другую профессию выбрать, просто я шить не люблю вообще. Мне на швею предлагали, шить не люблю. Хотела на маляра, но там мне говорили, красить всегда придется, я запах ненавижу. Я выбрала на повара, потому что люблю готовить»* [Н.И., девушка, 16 лет, воспитанница детского дома. И7, Архив автора].

Некоторые из этих профессий на данный момент не очень востребованы в современном российском обществе, что автоматически лишает детей-сирот возможности состояться в карьере, успешно адаптироваться в социуме. Результаты исследования показали, что дети из детских домов имеют мало шансов устроиться на хорошую должность: если это повар, то в основном в местных кафе, в магазинах, где делают салаты, пекут выпечку и проч. *«в магазине «Берингов Пролет»»,*

внизу в подвале... там все это: булочки, пицца...» [Н.И., девушка, 18 лет, воспитанница детского дома. И2, Архив автора].

Очень немногие выбирают такие профессии как экономист, менеджер, юрист. Высшие учебные заведения они, как правило, не заканчивают: *«Ну, наверно пойду в колледж какой-нибудь, но я постараюсь уже выше, на высшую ступень подняться»* [М.К., девушка, 17 лет, воспитанница детского дома. И1, Архив автора].

Лишь немногие стремятся поступить в институт на более престижные специальности: *«Может, на высшее пойду. Как обстоятельства сложатся. Я пока не хочу ничего загадывать, потому что, как говорят, лучше не загадывать. Время придет, оно само покажет, что будет дальше. Наверное, да, может быть, буду на вечернее ходить, отучусь»* [Ю.С., девушка, 14 лет, воспитанница детского дома. И6, Архив автора]. Однако, зачастую, желание получить высшее образование так и остается желанием. В дальнейшем автор вышеприведенной цитаты был отчислен из двух колледжей за неуспеваемость и, в итоге, сбежал. О его судьбе воспитателем Ивантеевского детского дома до сих пор ничего не известно.

Желание получить высшее образование и престижную профессию, по сути, у детдомовцев есть, но, к сожалению, оценивая свои силы, они делают вывод, что **не потянут, что дорога им туда закрыта, что ВУЗы — это не для них**: *«Да мне легче училище или колледж! Я не потяну в институте! Там сложно же»* [М.К., девушка, 15 лет, воспитанница детского дома. И1, Архив автора].

Но всё же есть дети, которые хотя бы раз задумывались о более престижной профессии: *«Да, я раньше судьей хотела стать, но юрфак — это, мне мальчик один говорил, сложно так... И это не в моём вкусе. Говорят, что судьи — плохие люди»* [С.Ц., девушка, 14 лет, воспитанница детского дома. И2, Архив автора].

1.2. Особенности трудовой деятельности детдомовцев, их представления о будущей работе

Основной целью интервью, взятых на втором этапе исследования, было выявление изменений, которые произошли у детдомовцев в сфере их трудовой ориентации за прошедшие два года и определение их трудовых перспектив: хотят ли они работать по полученной или еще получаемой специальности, если да, то как видят себя в этой сфере, где именно хотят работать. Выяснилось, что некоторые уже точно знают, что работать по выбранной специальности не будут, что приобретали ее только для обретения навыков в этой области: *«все равно надо знать... ммм... для женщины это все равно надо как бы, в будущем это пригодится... я считаю, что когда я выйду из детского дома, некоторые вот так ходят и не уверены, что готовить умеют, бояться начинать. Как так, вот продукты надо купить, так еще чего-то. А я вот знаю, где чего, как, по чем»* [М.К., девушка, 17 лет, воспитанница детского дома. И1, Архив автора]. Эта девушка хочет получить другую профессию, но пока не знает какую.

Другая девушка, довольная своим выбором профессии, работать пока не собирается: *«Нет, я в положении нахожусь сейчас... я сейчас закончу и домой, я не буду работать.... Вот когда уже в детский сад можно будет, вот тогда могу, да»* [Н.И., девушка, 18 лет, воспитанница детского дома. И2, Архив автора].

Юноша, отучившийся на каменщика, работать по специальности не собирался, на момент первого этапа исследования он работал курьером, сейчас служит в армии. Даже те, кто учатся в высшем учебном заведении или планируют учиться, еще

точно не определились, будут ли работать по профессии, которую выбрали. Например, девушка, обучаясь бухгалтерским программам, осознает, что ей скучно этим заниматься и что на самом деле ей хотелось бы динамичную работу, связанную с общением с людьми: *«основу вот этой бухгалтерии я так чуть-чуть понимаю потому, что мы уже работали с программой 1С...на самом деле мне кажется, что эта профессия очень скучная... а мне вот хочется больше общаться ну или что то связанное с общением... мне хочется работать на такой профессии, которая была бы связана с общественностью, вообще хочется работать на той работе которая связана, может, с туризмом, что то такое, вот, или как-им-то там менеджером, то есть организатором, вот, ну что-то такое»* [С.Ц., девушка, 17 лет, воспитанница детского дома. И4, Архив автора].

Также многие детдомовцы не хотят работать в Москве, ссылаясь на то, что долго добираться, и что там у них нет связей. На первом этапе исследования в Москве работал только один респондент, еще один собирался переехать в Москву к бабушке и работать там: *«В Москве. Там зарплата больше. Условия лучше транспорт там всякий...»* [М.К., девушка, 15 лет, воспитанница детского дома. И1, Архив автора]. Остальные работать в Москве не планируют и не особо хотят: *«В Москве можно! Но можно где-нибудь и здесь. Так ездить лень»* [М.К., девушка, 17 лет, воспитанница детского дома. И1, Архив автора]; *«не знаю, мне люди там не нравятся. Там грязь. Там грязь. Знаешь, я убедилась: чем ближе к Москве, тем грязнее, по поводу людей»* [О.Ж., девушка, 19 лет, воспитанница детского дома. И5, Архив автора].

1.3. Образ будущего в сознании детдомовцев

Свое будущее, на момент первого этапа интервью, выпускники Ивантеевского детского дома представляли достаточно смутно. На вопрос: «Что будет в твоём «завтра»?» и «Что будет в твоём будущем лет через 10?» практически все ответили, что представить свое будущее им пока сложно: *«Я пока о будущем не думаю даже»* [Н.И., девушка, 16 лет, воспитанница детского дома. И7, Архив автора].

Только 3 респондента более или менее описали своё будущее, но очень абстрактно, ограничившись убеждением, что **всё будет хорошо**: *«Я тебе могу сказать, что у меня все будет замечательно. Через свои десять лет, даже через семь лет, я все вижу замечательно. Все замечательно.... Работу, все. Я закончу институт, у меня все будет замечательно. У меня будет жизнь такая, которую я хочу»* [О.Ж., девушка, 19 лет, воспитанница детского дома. И5, Архив автора]. При этом порой речь переходила в некое самовнушение, самоубеждение детей в настрое на лучшее: *«мне кажется, что я обязательно поступлю в колледж. Если я захочу, я всегда, если я ставлю перед собой какую-то цель, я ее стараюсь добиваться ... нормально закончу школу... может быть, в 25 только выйду замуж, когда уже просто на ноги конкретно встану. Когда я ни от кого не буду зависеть, ни от детского дома, ни от каких-то родственников, когда только буду я и все, тогда уже, может быть, и можно о какой-то семье задумываться, чтобы ребенок был обеспечен во всем»* [Ю.С., девушка, 14 лет, воспитанница детского дома. И6, Архив автора].

Некоторые респонденты рассказали о своих мечтах: *«Оооо.....хотелось бы поехать выступить за границу с театром»* [М.К., девушка, 15 лет, воспитанница детского дома. И1, Архив автора], *«Знаете, у меня есть «год мечты» — это 2017, когда мне будет 26 лет. Мне одна женщина <...> она вообще такая, буду-*

щее предсказывает. Так вот, она сказала, что я в 26 лет выйду замуж, и вообще всё будет хорошо. (...) Ещё я буду работать. Я очень хочу работать, чтоб семью свою содержать» [С.Ц., девушка, 14 лет, воспитанница детского дома. И2, Архив автора].

Многие детдомовцы, не только опрошенные, имеют либо квартиры, либо дома, либо каких-то дальних родственников, которые готовы помочь им после выхода из детского дома. То есть, эти дети не окажутся выброшенными на улицу: *«сестра сейчас с бабушкой живёт, в Москве. Я к ним потом тоже перееду»* [С.Ц., девушка, 14 лет, воспитанница детского дома. И2, Архив автора], *«у нас свой дом с братом»* [Н.М., девушка, 19 лет, воспитанница детского дома. И3, Архив автора].

Многие детдомовцы осознают, что, несмотря на свой юный возраст, они должны задумываться о многих взрослых и серьёзных проблемах: *«У меня с квартирой проблемы еще. У меня брат пьяница, через суд придется квартиру менять, а она у нас смежная, поэтому проблемы там большие, поэтому надо квартиру будет обустраивать и самой как-то надо, потому что 18 лет, уже не маленькая буду»* [Ю.С., девушка, 14 лет, воспитанница детского дома. И6, Архив автора]. В основном, они все осознают, что жизнь их заставляет быть более взрослыми, более рассудительными, чем их обычных сверстников: *«тяжело, когда тебе говорят, что тебя здесь кормят, одевают, когда человек тебя упрекает, еще в таком подростковом возрасте ... Такое чувство было, что надо, надо уже что-то самой, и доказать всем, что ты можешь»* [О.Ж., девушка, 19 лет, воспитанница детского дома. И5, Архив автора].

Однако не все детдомовцы считают себя достаточно взрослыми и самостоятельными: *«Я бы не сказала, что я слишком взрослая, но где-то взрослая в каких-то сферах, а в каких-то не очень. Все равно где-то еще ребенок»* [Ю.С., девушка, 14 лет, воспитанница детского дома. И6, Архив автора], *«Взрослый человек содержит себя сам, работает, а я ещё не совершеннолетняя, у меня своих денег нет»* [С.Ц., девушка, 14 лет, воспитанница детского дома. И2, Архив автора], *«Мне кажется, еще немножко не дорос»* [Б.В., юноша, 17 лет, воспитанник детского дома. И4, Архив автора].

Результаты повторного интервью показали, что спустя два года образ будущего все еще не определен: *«Вот туда я не заглядываю еще. Не думаю пока.... Ну, семья, это все равно будет семья. То есть я без этого, наверно не проживу. Ну, семья, дети, работа»* [М.К., девушка, 17 лет, воспитанница детского дома. И1, Архив автора]. В основном говорят, что будет семья, возможно, будут работать: *«Ну, через 10 лет не знаю, мне кажется, у меня семья будет»* [С.Ц., девушка, 17 лет, воспитанница детского дома. И2, Архив автора].

Все респонденты стараются жить сегодняшним днем, не заглядывая далеко в будущее: *«Я раньше жила одним — двумя днями, то есть и сегодняшним, и загадывала на будущее, на ближайшее. Потом я попала на свой горький опыт, теперь живу сегодняшним днем»* [М.К., девушка, 17 лет, воспитанница детского дома. И1, Архив автора]. *«У нас достаточно мало возможностей думать о чем-то, о будущем. И иногда, чем больше думаешь, тем хуже становится»* [О.Ж., девушка, 21 лет, воспитанница детского дома. И3, Архив автора].

2. Кейс-стади детского дома № 19 г. Москвы (патронат)

Патронат предусматривает разделение ответственности за судьбу ребенка между семьей, которая взяла его на воспитание, и детским учреждением. Детский

дом № 19 города Москвы — это первое учреждение в России, предоставляющее и развивающее патронатное воспитание. Детский дом работает по этой системе с 1994 года. В рамках нашего исследования были проведены свободные интервью с семью детьми, которые воспитываются в патронатных семьях. Возрастные рамки определены возрастом от 16-ти до 21 года. Опрошенные дети были очень разными: некоторые легко шли на контакт, активно рассказывали о своих планах на будущее, о профессии, которую они получают или будут получать, другие, наоборот были очень замкнуты, осторожны.

Практически все дети, воспитывающиеся в патронатных семьях, ориентированы на получение высшего образования. При этом преобладает сфера «человек-человек»: дети выбирают такие специальности, как педагог, психолог и т.п. В детском доме работают социальные работники, специалисты по профориентации, но все же, по результатам исследования, главный вектор направления в получении образования задает патронатная семья.

В числе опрошенных есть дети, которые поступают в ВУЗ, также есть и те, которые идут учиться в колледж, но после него планируют получить и высшее образование.

2.1. Представления о будущей профессии у детей, воспитывающихся в патронатных семьях

Опрошенные дети проживают в патронатных семьях уже достаточно большое количество времени, от 4-х до 13-ти лет. К своим патронатным родителям они относятся как к родным. Связь с детским домом они не утратили: приходят туда на медицинские обследования, на общие праздники, просто в гости. Практически все опрошенные респонденты ориентированны на получение высшего образования: 6 из 7-ми.

Большая половина опрошенных детей, воспитывающихся в патронатных семьях, обязательно заканчивают 10–11-классы, **в отличие от опрошенных детдомовцев**: *«я подумала, что надо закончить одиннадцать, у меня просто есть друзья, которые после девятого уходили у меня в школе, половина ушли после девятого и пошли в колледж, дай бог, что они нормально поступят после колледжа в институт, ну, не знаю я просто решила, что нужно полное среднее образование, а потом уже высшее. То есть так будет мне намного легче»* [Н.Ф., девушка, 19 лет, воспитывается в патронатной семье. И1, Архив автора].

Из опрошенных респондентов, только один не собирается заканчивать 10–11-е классы, так как пойдет учиться в лицей № 23 г. Москвы на повара-технолога: *«Ну, я бы мог бы продолжить, в 10 класс пошел бы, но у меня армия сейчас, так что мне будет 18, если я закончу школу, 11 классов»* [А.Л., юноша, 16 лет, воспитывается в патронатной семье. И7, Архив автора], после окончания обучения (4 года) будет получать высшее образование: *«Ну, не знаю, с высшим образование больше путей, есть же ресторанный бизнес, это тоже интересно»* [А.Л., юноша, 16 лет, воспитывается в патронатной семье. И7, Архив автора]. Еще один респондент (респондент № 4, К.С., девушка, 16 лет) на данный момент учится в 7-м классе, т.к. по состоянию здоровья оставался на второй год, планирует закончить 8–9-е классы экстерном и поступать в медицинское училище. Только этот респондент не собирается получать высшее образование.

Два респондента (респондент № 3, Д.К., юноша, 18 лет и респондент № 6) на данный момент заканчивают обучение в колледжах, т.е. получают среднее

специальное образование, далее планируют поступать в ВУЗ: «...сейчас буду поступать с Московскую финансово-промышленную академию на Семеновской, осталось только диплом отнести и всё» [С.К., юноша, 20 лет, воспитывается в патронатной семье. И6, Архив автора]. Еще один респондент, после окончания школы, собирается поступать в колледж при Министерстве Иностранных дел (специальность «секретарь-референт»), но далее также будет получать высшее образование: «Я хотела в колледж поступать, но этот колледж как...дает среднее образование, потом ты уже куда-то поступаешь, а сейчас я не знаю, может, буду поступать в институт.... А институт я не знаю пока, я просто не знаю, что я хочу сама, у меня нет такого прям целенаправленного взгляда на что-либо....» [Л.С., девушка, 17 лет, воспитывается в патронатной семье. И5, Архив автора].

Все респонденты осознанно и ответственно подошли к выбору своей будущей профессии. Двое четко знали, что хотят получить именно эту профессию, что это их призвание; также как некоторые детдомовцы, выбрали сферу «человек-человек». Один респондент поступает в МГГУ им. Шолохова, его будущая профессия — учитель начальных классов. Он с удовольствием обосновал свой выбор профессии: «...мне кажется, что я с детьми сработаюсь, потому что я, ну, у меня привязанность к детям бывает, когда у нас у первоклассников проходят праздники, они все ко мне липнут, а меня это так радует, они такие прикольные, ну, понятно дело маленькие они всегда хорошие, а вырастут такие же как мы будут» [Н.Ф., девушка, 19 лет, воспитывается в патронатной семье. И1, с. . Архив автора]. Еще один респондент поступает в психолого-педагогический университет на психолога: «...вообще высшее образование сейчас очень нужно, я считаю, и потом, почему я решила на психологию, мне всегда в нашем детском доме нравились преподаватели, вот...почему-то как-то да, вот... Тетя Маша Коптильная, она вот со мной работала, она мой психолог, вот, и я не знаю, мне так понравилось, вообще я сама хочу... профессия эта очень нужная, нужна помощь людям всегда» [Р.К., девушка, 18 лет, воспитывается в патронатной семье. И2, Архив автора].

Необходимо отметить, что вообще к своему образованию воспитанники патронатных семей относятся серьезней, чем воспитанники детского дома. Они четко понимают, что хорошее образование — залог будущей благополучной жизни. Конечно же, не все планирую в дальнейшем работать по выбранной специальности. К примеру, два респондента, получающие на данный момент среднее специальное образование в колледжах, даже разочаровались в полученной там профессии: «Ну, пока...да, уже сомневаюсь, раньше как-то я хотел, а сейчас...я думаю» [Д.К., юноша, 18 лет, воспитывается в патронатной семье. И3, Архив автора]; «Ну не знаю, охота чего-нибудь другого» [С.К., юноша, 20 лет, воспитывается в патронатной семье. И6, Архив автора]; в связи с этим, в университете будут получать совсем другие специальности, которые, по их мнению, больше пригодятся им в жизни. К примеру, респондент № 6 (С.К., юноша, 20 лет) заканчивает Московский автомобильный дорожный колледж им. Николаева по специальности «дорожный механик», на данный момент работает в автосалоне техником, уже поступил в Московскую финансово-промышленную академию на специальность управление персоналом и маркетинг. Хочет продолжать работать в той же сфере, где и сейчас, в автосервисе, но на абсолютно другой должности, в связи с этим будет получать образование в области управления персоналом: «...ну я посмотрел, как работают наш самый главный по салону, мне это понравилось... хочу добиться так

же, чтобы стать территориальным менеджером» [С.К., юноша, 20 лет, воспитывается в патронатной семье. И6, Архив автора].

Это доказывает, что образование воспитанники патронатных семей получают не только для «корочки», но и для накопления навыков в той или иной области, для опыта. Они не останавливаются на достигнутом, а идут дальше, они «ищут» себя, ищут ту профессию, которая бы им действительно пригодилась в жизни.

Еще два респондента, которые не до конца определились с получением высшего образования, точно знают, что пойдут учиться один на медика в училище (респондент № 4, К.С., девушка, 16 лет), другой на повара в лицей (респондент № 7, А.Л., юноша, 16 лет). Респондент № 5 (Л.С., девушка, 17 лет) еще не совсем определился с профессией, которую хочет получить, но точно знает, что это будет гуманитарная сфера, возможно, тоже сфера «человек-человек»: *«Я хотела пойти на юриста достаточно долгое время, но потом мне перехотелось, потому что это профессия сейчас самая востребованная, в смысле, кто хочет на неё пойти... я хотела на рекламное дело пойти, потом на журналиста там, много сейчас уже хотела, сейчас я не знаю, что вообще хочу... чтобы на общение было с людьми, потому что сидеть на месте и работать с бумагами я не смогу, мне это быстро надоест, на общение с людьми какой-нибудь туризм там, что-нибудь ещё, на общение вот это вот меня привлекает...»* [Л.С., девушка, 17 лет, воспитывается в патронатной семье. И5, Архив автора].

Со всеми опрошенными детьми работают профориентаторы и социальные работники: они пытаются выявить особенности детей, их склонности к той или иной профессии, к той или иной сфере: гуманитарной, технической и т.д. После того как с профессией ребенок более или менее определился, они, вместе с родителями, находят подходящие учебные заведения, будь то техникумы, колледжи, лицей или же высшие учебные заведения: *«От соц. работника в детском доме.... Ну, как он у меня спрашивал, куда я хочу пойти, на кого, я сказал на повара, он дал мне на выбор... ну искал и нашел мне 3 колледжа, из которых я уже выбрал этот»* [А.Л., юноша, 16 лет, воспитывается в патронатной семье. И7, Архив автора], *«Мне давали тесты вот... которые там, через компьютер можно определить, куда мне лучше поступить. Какая мне больше подходит профессия»* [К.С., девушка, 16 лет, воспитывается в детском доме. И4, Архив автора], *«Да, по профориентации мы ездили, давали бланки, мы отмечали, а потом нам компьютер выдавал то, что мы смогли»* [Л.С., девушка, 17 лет, воспитывается в патронатной семье. И5, Архив автора]. Все же в детском доме № 19 профориентаторы и социальные работники чаще ориентируют детей на получение высшего образования: *«Ну, ...они говорили, что надо в институт, чем в колледж, говорили, что лучше высшее получить... так будет лучше там, ... больше мест пойти будет, куда... работу найти»* [Д.К., юноша, 18 лет, воспитывается в патронатной семье. И3, Архив автора].

В ходе интервью с детьми, которые воспитываются в патронатных семьях, выяснилось, что круг выбора профессии, в отличие от детей, воспитывающихся в Ивантеевском детском доме, у них **не ограничен**. Они выбирают широкий круг профессий. Необходимо отметить, что в этом своем выборе они очень самостоятельны, патронатные родители не указывают им, на кого они должны пойти учиться: *«В принципе, они говорят то же самое, что я. Если я им говорю, что хочу туда-то, то говорят «иди», то есть они считают, что я уже взрослая, то есть мне решать, если я хочу туда, я иду, если нет, значит нет, не хочет человек. Ну, а я, мне как бы хорошо, нормально»* [Н.Ф., девушка, 19 лет, воспитывается в патронатной семье. И1, Архив автора], *«Да нет, мама вот у меня вообще в этом*

плане, ну как-то вот, все время восхищается мною, что я делаю все сама там. Сама пришла, и говорю, что вот туда хочу поступать, вот у меня льготы. Она говорит: «Хорошо». Вот...» [Р.К., девушка, 18 лет, воспитывается в патронатной семье. И2, Архив автора].

В ходе беседы с патронатными родителями эти данные подтвердились. Они действительно стараются оценить возможности детей, когда советуют им те или иные учебные учреждения. Так, патронатная мама респондента № 6 (С.К., юноша, 20 лет), рассказала о том, что сама выбрала колледж для своего сына, потому что он, во-первых, считается одним из самых лучших в этой сфере в Москве, во-вторых, там хорошая дисциплина, детей заставляют учиться.

Все патронатные родители хотят, чтобы их дети получили высшее образование, да и сами дети понимают, что это необходимо для дальнейшей жизни: «когда я в девятом классе маме сказала, все пойду в колледж, а она на меня смотрит большими глазами и говорит: «Только попробуй!» [Н.Ф., девушка, 19 лет, воспитывается в патронатной семье. И1, Архив автора], «Говорили, что надо идти, но я и сам знал, что надо» [С.К., юноша, 20 лет, воспитывается в патронатной семье. И6, Архив автора], «Ну, родители направляли, конечно, но ... я тоже хотел в институт» [Д.К., юноша, 18 лет, воспитывается в патронатной семье. И3, Архив автора], «Нет, я решила сама, ну, вообще высшее образование сейчас очень нужно, я считаю» [Р.К., девушка, 18 лет, воспитывается в патронатной семье. И2, Архив автора].

Среди опрошенных детей были и такие, кто задумывается о втором высшем или дополнительном образовании. К примеру, С.К. (юноша, 20 лет) будет получать параллельно два образования: «А я уже на два высших поступил, то есть 3 года учусь, получаю первое, а потом ещё за 2 года получаю второе». У Р.К. (девушка, 18 лет) тоже в планах получение дополнительного образования: «Я еще сейчас собираюсь поступать на вечерний, а на дневном буду учиться в колледже на дизайнера, там один год только... Этот колледж, недавно его нашла, решила туда пойти, ну, там дизайнер, а потом, может, пойду на психологию искусства. Я творческий человек... для себя на самом деле, а потом можно его один год как бы закончить, у меня будет специальное образование, можно будет работать».

2.2. Образ будущего в сознании детей, воспитывающихся в патронатных семьях

В образе будущего у детей, воспитывающихся в патронатных семьях, в основном преобладают две вещи: **семья и работа**. 5 респондентов из 7 на вопрос: «Что будет в твоём будущем лет через 10?» определили именно семью и работу: «Лет через десять, ну, я не знаю, может быть у меня семья будет или там дети, там работа, дальше уже видно будет» [Н.Ф., девушка, 19 лет, воспитывается в патронатной семье. И1, Архив автора], «Ну не знаю. Будет там семья, работа, вот» [С.К., юноша, 20 лет, воспитывается в патронатной семье. И6, Архив автора], «Ну, лет через 10 у меня, наверное, будет свой ресторан и я в нем буду работать, ну и всё» [А.Л., юноша, 16 лет, воспитывается в патронатной семье. И7, Архив автора], «Ну, есть да, что я живу у себя на даче там, с семьёй... семья, свой дом, своя машина» [Д.К., юноша, 18 лет, воспитывается в патронатной семье. И3, Архив автора], «Должна быть какая-то работа, чтобы не просто ходить слоняться» [Л.С., девушка, 17 лет, воспитывается в патронатной семье. И5, Архив

автора]. Только один респондент ответил на этот вопрос, что не знает, что будет с ним через 10 лет.

Планы на далекое будущее строят трое из опрошенных детей (респонденты № 2, Р.К., девушка, 18 лет; респондент № 3, Д.К., юноша, 18 лет и респондент № 7, А.Л., юноша, 16 лет), остальные четверо живут сегодняшним днем: *«Ну, не знаю, просто я не люблю, то, что загадываешь, не всегда выполняешь, так что я не очень люблю загадывать, наверное, из-за этого все-таки»* [Л.С., девушка, 17 лет, воспитывается в патронатной семье. И5, Архив автора], *«Не знаю, это трудно сказать. Никто не знает, что будет завтра»* [С.К., юноша, 20 лет, воспитывается в патронатной семье. И6, Архив автора].

Самостоятельными и взрослыми считают себя только 2 респондента (респонденты № 2 и респондент № 3, Д.К., юноша, 18 лет): *«Я самостоятельный человек, но не взрослый еще. В душе я ребенок, но могу принимать какие-то ответственные решения.... Я вот учусь, так вот...работать пойду. У меня вот младшая сестра, ей 14 лет, как бы могу за нее отвечать как бы, могу там...»* [Р.К., девушка, 18 лет, воспитывается в патронатной семье. И2, Архив автора]. Трое респондентов сомневаются, полагая, что в каких-то вещах они уже не дети, а в каких-то еще да: *«родители для меня главнее, потому что я понимаю, что, если я уйду от родителей, то это все для меня это будет беда, потому что одна я жить не смогу, мне нужна будет поддержка, проблемы наверное какие-то и мне надо будет к кому-то обратиться, а если я буду жить одна, я ни к кому не обращусь, а все время ездить к родителям туда сюда, лучше жить у них»* [Н.Ф., девушка, 19 лет, воспитывается в патронатной семье. И1, Архив автора]; *«Нет...ну так, ну не знаю, не хочу быть взрослым пока, ну так средне между взрослым и малым, такой...»* [С.К., юноша, 20 лет, воспитывается в патронатной семье. И6, Архив автора].

Уходить из семьи и жить самостоятельно пока не хочет ни один из воспитанников, хотя у всех есть (или будут к совершеннолетию) собственные квартиры. Только двое имеют по этому поводу более или менее четкие планы: *«Вот 18 будет, тогда уйду»* [А.Л., юноша, 16 лет, воспитывается в патронатной семье. И7, Архив автора]; *«Ну, когда женюсь, наверное»* [С.К., юноша, 20 лет, воспитывается в патронатной семье. И6, Архив автора]. Для остальных главное — получить образование, а потом уже строить собственную жизнь, вне семьи: *«У меня пока таких планов нет, пока институт самое главное»* [Н.Ф., девушка, 19 лет, воспитывается в патронатной семье. И1, Архив автора]; *«Нет, я не думаю, что я прямо сразу уйду из семьи, по крайней мере, мне моя патронатная мам, она мне как родная, и, конечно же, я буду всегда общаться, это человек, которого я люблю»* [Р.К., девушка, 18 лет, воспитывается в патронатной семье. И2, Архив автора]; *«Ну, в принципе, хочется уже да самостоятельности, пожить своей жизнью, ощутить вкус жизни, потому что всё время здесь это...ну, так не видишь их, так хочется более самостоятельно побыть. В то же время я чувствую, что не очень готов, чтобы вот так вот взять и жить одному, убираться там...конечно, могу я пожить там, но долго я, наверное, не смогу так жить, я так чувствую»* [Д.К., юноша, 18 лет, воспитывается в патронатной семье. И3, с. . Архив автора]; *«Сейчас мне и так хорошо»* [Л.С., девушка, 17 лет, воспитывается в патронатной семье. И5, Архив автора].

Опрошенные дети находятся сейчас на стадии выбора своего будущего пути: они выбирают профессии, которые хотели бы получить, учебные заведения, где хотели бы учиться, некоторые задумываются о работе, некоторые уже работают.

Это объясняет, почему им еще сложно составить образ своего будущего. К тому же, они живут в семьях, в которых их любят и оберегают, в отличие от детей, которые живут в детском доме. По сути, их будущее пока еще неразрывно связано с семьей, которую они обрели не так давно. В этом плане, они менее серьезны, чем их сверстники, живущие в детском доме, которым уже с ранних лет приходится серьезно задумываться о будущей жизни и о проблемах, с которыми они столкнутся после выхода из него.

3. Общее и особенное в трудовой ориентации у детдомовцев и воспитанников патроната

В ходе нашего исследования удалось выявить общие и особенные черты в трудовой ориентации у детей, воспитывающихся в детском доме и детей, проживающих в патронатных семьях. Самым главным отличием является то, что большая часть детдомовцев не заканчивают 10–11 классы; сразу после 9 класса они **идут получать среднее специальное образование** (обычно на такие специальности, как повар, слесарь, маляр, швея, механик, продавец и т.д.). Это те профессии, которые на данный момент **не считаются престижными и высокооплачиваемыми на рынке труда**.

Как следует из полученных данных, дети из детского дома не ориентированы на получение высшего образования. Большинство хотят закончить свое образование на получении среднего специального. Дети же, которые воспитываются в патронатных семьях, наоборот, ориентируются на обязательное получение высшего образования. Двое опрошенных молодых людей, после окончания 10–11-х классов поступили в колледж, но после получения среднего специального образования будут получать высшее. Еще один юноша, окончив 9 классов, поступил в лицей на специальность повар-технолог, но после окончания лицея он все же планирует получать высшее образование. Остальные дети заканчивают 10–11-е классы и поступают в высшие учебные заведения.

Все опрошенные, и те, которые проживают в детском доме, и те, которые воспитываются патронатными родителями, **не ограничены в своем выборе будущей профессии**, все они самостоятельно делают свой выбор, кем они хотят быть в будущем. Однако на детдомовцев оказывают сильное влияние стереотипы, которые сложились в обществе о том, что дети из детдома — это по большей своей части отстающие и неспособные. Как показали полученные данные, они не пытаются стремиться к чему-то большему, делая как все: раз все идут в техникум на швею, на слесаря, на повара и т.д., значит и я должен поступать именно так. Также немаловажными являются и традиции, которые сложились в данном детском доме. У детей, воспитывающихся в патронатных семьях, эти стереотипы сведены к минимуму. Они не считают себя неспособными поступить в высшие учебные заведения, они пользуются льготами, которые им предлагает государство при поступлении в ВУЗы. Более того, некоторые из них задумываются и о втором высшем или дополнительном образовании.

Также исследование показало, что и статус выбираемых учебных заведений, даже если это колледж или училище, выше у детей, воспитывающихся патронатными родителями. Можно предположить, что этот факт связан с территориальным аспектом.

Конечно, схожие моменты есть и у детдомовцев и у детей, проживающих в патронатных семьях: к примеру, многие из них, хотят получить образование в сфере

«человек-человек». Это такие профессии как педагог, психолог, социальный работник и т.п. Так, среди детей, воспитывающихся по патронатной системе, двое будут получать такие профессии (учитель начальных классов и психолог). Среди детдомовцев одна девушка получает профессию социального работника в высшем учебном заведении, и еще двое выразили свое желание получить профессию либо педагога, либо социального работника.

Как и у детдомовцев, у воспитанников патронатных семей есть склонность в получении таких прикладных профессий, как автомеханик и повар. Однако после получения профессии в этой области, они все же идут учиться в ВУЗы, и, как показывают полученные данные, на гуманитарные специальности.

Все опрошенные, которые проживают в патронатных семьях, четко понимают, что образование на данном этапе из жизни — это самое главное, что только благодаря высшему образованию и получению навыков в той или иной специальности, они смогут состояться как личности. Конечно, и среди воспитанников детского дома есть амбициозные и небезразличные к своему будущему дети, однако, их не так много. Не все из них уделяют большую роль своему образованию, не все стремятся получить престижную и хорошо оплачиваемую профессию, или хотя бы специальность, по которой они смогли бы хорошо устроиться и работать. Только несколько детей, воспитывающихся в детском доме, понимают, что образование очень важно для них, что это по большому счёту их единственный шанс достичь чего-то в этой жизни. Они стараются, учатся, совершенствуются, но всё-таки не многие решаются пойти дальше всех — поступить в высшее учебное заведение.

Сильно сказываются и традиции Ивантеевского детского дома, и его территориальное местонахождение (в городе 2 крупные текстильные фабрики, из которых сейчас работает только одна, да и то не в полную силу). Текстильная деятельность города — в прошлом, а учебные учреждения остались. Сотрудники техникума и ПТУ постоянно приходят к детям в детский дом, рекламируя специальности, на которые они имеют шанс поступить и обучаться, рассказывают о перспективах. В связи с этим, большая часть выпускников Ивантеевского детского дома либо готовится учиться, либо уже обучается в этих двух учебных учреждениях.

Заключение

Полученные нами результаты не претендуют на репрезентативность. Однако они представляют определенную ценность в связи с тем, что помогают понять и проанализировать, как социализируются дети, лишенные попечения родителей и воспитывающиеся в разных системах, какими установками они пользуются в выборе будущей профессии, как образование в целом может повлиять на их дальнейшую судьбу.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие **выводы**:

1. Наше исследование показало, что у детей, воспитывающихся в детских домах и детей, проживающих в патронатных семьях, очень различаются адаптационные процессы, трудовые ориентации и мотивации в сфере образования. Воспитанники детского дома не ориентированы на получение высшего образования, они стремятся закончить только 9 классов, затем идут получать среднее специальное образование (учатся на повара, слесаря, швею, и т.д.). В то же время, дети-сироты из патронатных семей, наоборот, стремятся к получению высшего образования и престижной профессии.

2. Общей чертой в трудовых ориентациях детдомовцев и воспитанников патроната стала ориентация на профессии в сфере «человек-человек» (педагог, психолог, социальный работник и т.п.). Но при этом для детдомовцев это скорее сфера мечтаний, в то время как для воспитанников патронатных семей — вполне достижимая реальность. Они планируют поступление в гуманитарные вузы, и четко понимают, что образование на данном этапе из жизни — это самое главное.

3. Представления о будущей профессии у выпускников Ивантеевского детского дома определены традициями и самим местонахождением детского дома. Представления о будущей профессии у воспитанников патронатных семей определены как собственными желаниями, так и желаниями их патронатных родителей.

Литература

Дементьева И.Ф. Социальная адаптация детей-сирот: проблемы и перспективы в условиях рынка // Социологические исследования. 1992. № 10

Назарова И.Б. Возможности и условия адаптации сирот // Социологические исследования. 2001. № 4.

Патронатное воспитание в России на современном этапе / Сост. Н.П. Иванова. М., 2002.

Семья Г.В. Российский опыт работы с выпускниками интернатных учреждений//Альманах «Неволя». 2007. № 14.

Семья Г.В., Зайцев Г.О. Статистика положения детей-сирот в России (2003–2004 гг.) // Детский дом. 2006 . № 1(18).

Терновская М.Ф. Детский дом № 19 ЦАО города Москвы как уполномоченная служба органов опеки и попечительства // Патронатное воспитание в России на современном этапе / Сост. П.П. Иванова. М., 2002.

Barber J.G., Delfabbro P.H. Children in Foster Care. New York: Routledge, 2003.

Krebs B., Pitcoff P. Beyond the Foster Care System: The Future for Teens. London: Rutgers University Press, 2006.

Анализ положения детей в Российской Федерации [Электронный ресурс] // ЮНИСЕФ Россия. 2007. Режим доступа: http://www.unicef.org/russia/ru/media_4903.html.

Исследование функционирования опекунских семей [Электронный ресурс]// Усыновите. ru // Режим доступа: www.usynovite.ru.

Дети-сироты России и стран СНГ. [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.sirota.ru.

Чем и как накормить дитя? Восприятие матерями рисков питания детей

Ольга Громышева

Вслед за западными странами вопрос рисков питания становится все более актуальным в современной России. На смену эпохе дефицита пришло изобилие, благодаря глобализации и развитию новых технологий на рынке продовольствия постоянно появляются новые продукты (в частности, содержащие искусственные пищевые добавки и генетически-модифицированные ингредиенты), потребление которых проблематизируется как в экспертных кругах, так и на уровне повседневного общения. Особая группа, которая наиболее сильно может быть подвергнута рискам питания и поэтому питание которой требует специальной регламентации, — это дети.

Цель нашего исследования — выяснить, как различные риски питания детей (3–6 лет) интерпретируются¹ теми, кто принимает наиболее активное участие в организации питания детей (а именно, матерями)², и какие стратегии совладания с рисками питания применяют матери. Были проанализированы обсуждения на семейном форуме 7ya.ru³ и проведены семь полуструктурированных фокусированных интервью с матерями. Исходя из статистики форума и проведенных администрацией сайта опросов, портрет типичной участницы форума может быть описан следующим образом — это замужняя женщина с высшим образованием, жительница крупного российского города, со средним или выше среднего уровнем материального достатка, имеющая 1–2 детей. Интервью проводились с женщинами, которые по социальным характеристикам приближались к участницам форума (все они на момент интервью являлись жительницами Санкт-Петербурга)⁴.

¹ Мы придерживаемся социально-конструктивистского подхода к анализу рисков (который разделяется большинством современных исследователей, занимающихся вопросами рисков в обществах позднего модерна или, — У. Бекком (Бек 1994, Бек 2000), Э. Гидденсом (Гидденс 1994, Giddens 1991), Н. Луманом (Луман 1994), М. Дуглас (Дуглас 1994) и др.). Данный подход предполагает разделение «реальных» угроз и их общественного восприятия, на формирование которого большое влияние оказывает экспертное знание.

² Уже на начальной стадии исследования был сделан вывод о том, что именно матери (а не отцы или другие члены семьи) являются основными агентами, отвечающими за питание детей в семье. Поэтому в дальнейшем было решено отказаться от формулировки «агенты в семье» и рассматривать только материнские стратегии и интерпретации.

³ По данным на 19 июня 2008 г. сайт 7ya.ru занимал первое место по индексу цитируемости Яндексa и первые места по статистике посещаемости (в рейтингах Mail.ru, LiveInternet, Rambler's Top100). Были проанализированы обсуждения релевантной для нашего исследования темы форума (Конференции/Ребенок от 3 до 7 лет/Питание — <http://conf.7ya.ru/conf/conf-Care3.aspx>) в период с июня 2007 г. по июнь 2008 г., что составило 362 страницы или 95 747 слов.

⁴ Таким образом, результаты нашего исследования касаются только городских семей со средним уровнем дохода, в которых матери имеют высшее образование, и количество детей не превышает двух (при этом у детей отсутствуют каких-либо хронические заболевания, связанные с питанием, диетические ограничения, особые этнические, религиозные, вегетарианские и пр. стили питания).

При рассмотрении рисков основной теоретической рамкой выступает концепция общества риска Ульриха Бека (Бек 2000), который отмечает появление в обществе позднего модерна рисков «нового типа» (например, радиационное и химическое загрязнение, вредные вещества в продуктах питания и т.д.). По мнению У. Бека, «новые» риски приобретают глобальный (экстерриториальный) и всеобщий (от них не защищен никто) характер. Отличительной чертой «новых» рисков является их невидимый характер, недоступность для непосредственного восприятия органами чувств (таким образом, для их оценки особо значимой становится роль экспертного знания и науки). При этом и Э. Гидденс (Гидденс 1994: 11, 13), и У. Бек (Бек 2000: 74–75; Бек 1994: 165) проблематизируют доверие к экспертам, а также к государственным органам, призванным защищать от рисков. Поэтому У. Бек придает особое внимание индивидуальным стратегиям совладания с рисками, считая, что информированность, образование и открытость будут способствовать адекватной реакции индивидов на риски, а также могут приводить к образованию солидарностей, изменяющих ситуацию с рисками в обществе.

Для нас важна специфика общества риска в России. На основе подхода О.Н. Яницкого был сделан вывод о существовании в современной России двойной системы рисков: «традиционных российских» (доставшихся в наследство от советской системы и появившихся в ходе процессов постсоветской трансформации) и «новых глобальных» рисков (появившихся в России после падения «железного занавеса»). Такая чрезмерно насыщенная рисками среда приводит к формированию особого восприятия рисков (высокому уровню социально-приемлемого риска) (Шляпентох, Шубкин, Ядов 1999 цит. по Яницкий 2003: 38; Яницкий 2003: 44) и использованию особых стратегий. Мы воспользуемся для нашего анализа некоторыми из обозначенных О.Н. Яницким практик самосохранения (Яницкий 2003: 108–109) (в частности, такими как «терпение», «искейп» и «формирование риск-солидарностей»), но далее переформулируем их для целей нашего исследования.

Для анализа практик совладания с рисками мы также воспользуемся инструментами концепции стратегий и тактик Мишеля де Серто. М. де Серто рассматривал потребителей как активных субъектов, которые могут приспосабливаться к сложившейся системе отношений, используя различные тактики (Certeau, 1984: XII– XIII, XV, XIX). Это позволяет потребителям, не изменяя сложившейся системы отношений, добиваться своих целей (в нашем случае — управлять рисками питания). При определенных условиях (в нашем случае, например, при формировании риск-солидарностей) тактики могут переходить в стратегии и приводить к изменению сложившейся системы рисков (Certeau, 1984: 37).

Опираясь на инструменты У. Бека, М. де Серто и О.Н. Яницкого, мы выделяем следующие, релевантные для целей нашего исследования, группы стратегий совладания с рисками питания:

1) *Сопrotивление* сложившейся системе рисков — группа стратегий, предполагающая либо выход из системы рисков, либо попытки ее изменения (солидарность). Наше понимание стратегии «выход» приближается к пониманию «активного искейпа» О.Н. Яницкого⁵. Под стратегией «солидарность» мы будем понимать открытое сопротивление существующим рискам питания посредством формирова-

⁵ Однако уточним, что в отличие от О.Н. Яницкого, имеем в виду не иммиграцию (как выход из системы всех рисков, существующих в России), а такие стратегии «выхода», которые позволяют изолироваться от как можно большего количества современных рисков питания.

ния риск-солидарностей и коллективных действий по пересмотру общественных правил в сфере рисков питания (в понимании У. Бека и О.Н. Яницкого).

2) *Непротивление* рискам. Данная группа стратегий может выражаться как в стратегии «отрицания» рисков, так и в стратегии «терпения» (отказ от сопротивления рискам вследствие экономии усилий — это совпадает с представлением о практиках «терпения» О.Н. Яницкого).

3) *Приспособление* к рискам — группа стратегий, подразумевающая использование матерями различных стратегий повседневного сопротивления (тактик в понимании М. де Серто). Именно эта стратегия наиболее отчетливо представлена в наших эмпирических материалах.

Интерпретация матерями рисков в питании детей

На основе материалов форума и интервью мы реконструируем основные категории рисков, которые вызывают озабоченность матерей⁶. Критерии, которые лежат в основе классификация, выделяются по следующим признакам:

- 1) видимость (т.е. могут ли матери каким-то образом определить наличие данных рисков и выявить связь рисков с их последствиями);
- 2) легитимность (т.е. существует ли законодательно закрепленный запрет на производство и распространение продуктов, которые могут содержать эти риски);
- 3) «привлекательность» (т.е. оказывают ли продукты, представляющие риски, особое воздействие на детей в отношении стимулирования потребления этих продуктов).

Итак, на основе эмпирического материала выделяются следующие виды рисков.

1) Первая группа рисков, которую мы выделили, — риски, связанные с *несоблюдением правил* производства, хранения, транспортировки, реализации и пр.). Последствия таких рисков (отравления, инфекции) проявляются наиболее быстро и являются самыми очевидными (в данном случае, установить связь между продуктом и последствием, как правило, бывает наиболее легко по сравнению со всеми остальными видами рисков).

Как правило, такие риски выявляются потребителям посредством осуществления прямого мониторинга при покупке или употреблении. Риски покупки несвежих продуктов большинство матерей считают наиболее серьезным из рисков питания детей, поскольку они приводят к отравлениям или инфекционным заболеваниям.

Анжела {интервью⁷} (27 лет, фотограф-журналист, ребенок 5 лет):

«Я не очень доверяю нашим розничным сетям. Условия перевозки, рефрижераторные, особенно, всегда нарушаются — у меня очень много знакомых, которые работают в гипермаркетах... Поэтому я спокойно к этому отношусь и не покупаю. Только овощи замороженные покупаю, но смотрю, чтобы пачка была не перемороженная два раза».

⁶ Отметим, что предлагаемая классификация не является универсальной. Во-первых, поскольку она создана на основе нескольких критериев, в ней существует пересечение групп рисков. Во-вторых, данная классификация была разработана в соответствии с целями нашего исследования, поэтому использование применительно к другим предметам (отличным от питания детей) может быть проблематично.

⁷ Здесь и далее в фигурных скобках указывается источник информации — интервью или форум.

Данные риски довольно легко выявляются и санкционируются (не только государственными органами власти, но и самими потребителями, которые могут, например, вернуть испорченный продукт питания производителям/продавцам).

Таким образом, данные риски являются наиболее «видимыми» (внешний вид, запах или быстро наступающие последствия); их наличие в продукте является нелегитимным по законодательству (жестко санкционируется) и, как правило, непривлекательным (или даже отталкивающим) для детей.

2) Вторая группа рисков связана с продуктами, которые, как правило, не содержат большой питательной ценности, однако являются очень *привлекательными для детей*. Это очень широкая группа продуктов, к которым относятся фаст-фуд, чипсы, сухарики, газировка, конфеты, и т.д. Эти продукты либо являются вкусными (и, зачастую, калорийными), но бесполезными с точки зрения пищевой ценности (например, чупа-чупс, кока-кола, чипсы и пр. — junk food), либо являются более вкусными альтернативами полезных продуктов (йогурты и творожки с искусственными красителями и ароматизаторами как замена традиционному кефиру и творогу). Опасности этой группы рисков матери связывают как с возможностью нарушения сбалансированности питания (что может привести, например, к нарушению обмена веществ и ожирению), так и с активным использованием в данных продуктах различных пищевых добавок (Е-добавок: красителей, ароматизаторов, стабилизаторов, улучшителей вкуса и пр.).

Данная группа рисков имеет особое значение для темы нашего исследования, т.к. именно на детей эти продукты (в силу красочности упаковки, привлекательного вида, вкуса и запаха) оказывают наибольшее влияние (однако дети зачастую не обладают способностью полноценно оценивать это воздействие). Продукты с пищевыми добавками представляют для матерей особо актуальную «группу риска», поскольку именно они легитимно делают продукты наиболее привлекательными для детей. Вопрос о том, употреблять продукты с пищевыми добавками или нет, является, как правило, свободным выбором матери — информацию о содержании пищевых добавок в продукте она может прочитать на упаковке (производители, как правило, указывают их в составе продуктов). Поэтому именно они наиболее часто обсуждаются матерями.

В отличие от первой группы рисков, последствия которых не заставляют себя ждать, риски второй группы приводят к заболеваниям довольно редко (хотя такие рассказы уже появились — например, об аллергических реакциях или нарушениях пищеварения).

Ирина {форум} (Москва, высшее образование, преподаватель, 2 детей):

Хочу сказать следующее: когда ребёнку моему делали УЗИ жкт, врач мне сообщила, что сейчас очень много детей с патологиями печени и поджелудочной. И они, врачи, связывают это в том числе и с поеданием всяких растишек-кампин (прим. автора — йогурты и творожки с пищевыми добавками) в нежном возрасте... У нас чёткая зависимость наблюдалась, к сожалению.

Установить связь между данными рисками и их последствиями бывает достаточно сложно (во-первых, период проявления воздействия может быть очень долгим, во-вторых, для установления этой связи, как правило, требуется мнение экспертов, проведение тестов и анализов и т.д.). С этим, вероятно, связано то, что, несмотря на признание большинством матерей пищевых добавок вредными для здоровья детей, очень немногие из них могут объяснить, в чем именно заключается их вред.

Пищевые добавки являются объектом государственного регулирования, но (хотя какая-то часть добавок запрещена в России) достаточно многие из них все же разрешено использовать для производства продуктов питания (в т.ч. тех, которые поступают в детские сады для питания детей).

Риски данной группы являются относительно видимыми (видимыми по маркировке о составе продуктов, однако неявными в отношении связи рисков с их последствиями), а также, как правило, легитимными. Продукты питания, заключающие в себе риски этого типа, являются чрезвычайно привлекательными для детей.

3) В третью группу мы отнесли риски, которые являются наиболее *невидимыми*, — это риски, связанные с использованием генетически модифицированных организмов (ГМО), а также с применением пестицидов и агрохимикатов при выращивании овощей и фруктов, гормонов и антибиотиков при разведении скота (и, соответственно, остаточным содержанием агрохимикатов и пр. в продуктах питания). Матери не могут ни определить содержание данных вредных компонентов в продуктах на основе визуального анализа, ни прочесть о них на упаковке. Это связано с тем, что, например, остаточное содержание пестицидов в продуктах не должно отмечаться на упаковке по законодательству. Требование об обязательной маркировке наличия в продуктах ГМО, хотя и является законодательно закрепленным требованием, грубо и систематически нарушается производителями. Соответственно, матери могут лишь подозревать о существовании данных рисков в том или ином продукте, полагаясь на экспертное мнение или какие-то косвенные показатели (например, необычно большой размер фруктов или длительный период хранения). С этими рисками матери связывают употребление мясных продуктов, фруктов и овощей (в первую очередь, летних фруктов и овощей, продаваемых в зимне-весенний период).

Татьяна {форум} (Москва, высшее образование, маркетолог, 1 ребенок):

У молочных пород коров есть такая проблема — загнивает вымя, поэтому их колят антибиотиками. Кстати, корма, которыми кормят коров, свиней и проч. содержат ГМО, и других кормов у нас на рынке практически нет. Короче, много всего вредного в нашей пище содержится, как мы не пытаемся свести это к минимуму. Это нужно иметь собственное натуральное хозяйство, да и то не факт, т.к., опять же, экология.

Опасения относительно данных рисков матери связываются с тем, что у них очень мало информации об этих рисках, а последствия (например, технологии генной инженерии) на данный момент непредсказуемы даже для экспертов, могут проявиться через много лет или даже у последующих поколений.

Виктория {интервью} (30 лет, PR-менеджер, ребенок в возрасте 3 года):

«Если бы была маркировка, я бы не покупала ГМО. Я не понимаю идеологии их воздействия. Недостаточно информации — какими свойствами продукт облагает, какие возможные последствия. Я не хочу экспериментировать на себе и семье».

Именно при обсуждении рисков данной группы чаще всего появляется дискурс глобализации, риски (в первую очередь, ГМО) связываются с импортируемыми продуктами питания.

В рисках данного типа роль экспертного знания наиболее высока. Потребители зависят от экспертов как в отношении выявления данных рисков (например, определении содержания ГМО возможно только в особых лабораториях, количество которых очень мало в России (Ganskau 2006: 173)), так и в отношении установления возможных последствий данных рисков (т.к. для этого необходимы широкомасштабные и долгосрочные научные исследования).

Таким образом, риски третьей группы являются невидимыми (как в отношении их выявления, так и в отношении их последствий), легитимными (существуют регулирование данных рисков, например, требования обязательной маркировки ГМО, однако данное требование не выполняется и его нарушение на практике не санкционируется) и относительно нейтральными (с точки зрения побуждения детей к употреблению данных продуктов).

Вторая группа рисков, связанная в первую очередь с использованием пищевых добавок, может быть охарактеризована как «специфически детские» риски (подчеркивая уязвимость детей перед «соблазнами», связанными с данной группой рисков). Поэтому неудивительно, что отношение матерей в этом рискам в питании детей является более определенным и негативным; а также, что, пытаясь справиться с данной (особо значимой в отношении питания детей) группой рисков матери применяют особые материнские стратегии «приспособления», которые будут рассмотрены дальше.

Стратегии совладания с рисками питания детей

1. Сопротивление

а) Стратегия «искейп (выход)»

К одной из стратегий «выхода» можно отнести переход на домашнее производство продуктов питания, подразумевающий максимальный отказ от приобретения продуктов на продовольственном рынке и посещения организаций общественного питания, собственноручное выращивание фруктов и овощей, разведение скота. Хотя такие практики существуют в современной России (например, в виде экодеревень), в нашем эмпирическом материале не встретилось ни одного подобного случая (отчасти это связано с тем, что мы ориентировались, в первую очередь, на городских жителей). Практически все наши информантки (интервью) — а точнее, их родители — имеют дачу, на которой выращиваются фрукты и овощи (часть урожая привозится в город в качестве «запасов на зиму»). Однако, во-первых, продукты, выращенные на даче, по оценкам наших информанток, занимают очень незначительную часть от общего объема потребляемых продуктов питания, а, во-вторых, информантки, хотя и отмечали, что питание продуктами собственного производства является наиболее безопасным, высказали нежелание лично заниматься садоводством и огородничеством.

Еще одним решением, позволяющим исключить большинство существующих рисков питания, является покупка органических продуктов питания (organic foods)⁸. Хотя некоторые из органических продуктов появились на российском рынке, встретить их в магазинах можно довольно редко, а доля потребителей, готовых приобре-

⁸ Органические продукты — продукты, произведенные в соответствии с определенными стандартами, которые подразумевают, что продукты были выращены без использования пестицидов и минеральных удобрений. Существуют стандарты, регулирующие качество таких продуктов, и контролирующие организации, которые инспектируют весь путь продукта («от зернышка до прилавка»), обеспечивая его экологическую чистоту и безопасность (<http://ru.wikipedia.org>, доступен на 16.06.2008).

тать такую продукцию крайне мала⁹. Очень немногие из наших информанток упоминали о существовании органических продуктов, были также и те, кто никогда не слышал о таких продуктах. Однако даже те, кто видел или встречал органические продукты, выразили сомнение в том, готовы ли они их покупать на регулярной основе (это связано с отсутствием рынка органические продукты как такового, с высокой ценой на эти продукты и с отсутствием уверенности в том, что эти продукты не являются поддельными).

В отношении рисков, связанных с питанием детей в детских садах, может быть применена стратегия отказа от пользования услугами детских садов. Отметим, что все наши информантки пользуются (или пользовались) услугами детских дошкольных учреждений (даже те матери, которые не работают и занимаются воспитанием детей). Однако некоторые матери отказываются от услуг детских садов (например, одна информантка после случаев отравления ребенка в детском саду вынуждена была уйти с работы и стать домохозяйкой, в т.ч. и для того, чтобы обеспечивать своему ребенку более безопасное питание).

На основе эмпирического материала можно сделать вывод о том, что стратегия «выхода» не является распространенной стратегией совладания с рисками.

б) Стратегия «солидарность»

Ни одна из семи информанток не принимала участия в деятельности инициативных групп, общественных организаций или политических партий, направлен-

⁹ Как показало исследование «Перспективы рынка органических продуктов в России», проведенное Компанией «Прорыв» в феврале-марте 2007 года, круг потребителей, готовых приобретать органические продукты, очень узок и в ближайшие годы вряд ли стоит ожидать его заметного увеличения (емкость рынка будет составлять всего лишь десятые доли процента) (<http://www.proriv.com/news/?show=main&id=97>, доступен на 17.06.2008).

ной на повышение безопасности питания детей. Вот как объясняла это одна из информанток:

Вероника {интервью} (32 года, домохозяйка, 2 детей — 6 лет и 9 лет):

«Я — условно активная, сама по себе активная, но не активная в социальном плане. Я даже если уверена, что что-то надо сделать, не буду этого делать. У нас нет такого как в культуре у американцев — собрались, придумали что-то такое и сделали. Надеяться, на то, что потребители сами поймут, что что-то замалчиваются и начнут действовать — это утопия. У нас: «Я лучше это время поработаю и заработаю своей семье на икру, не генно-модифицированную, а остальные пусть как хотят, так и живут»».

В рассматриваемых обсуждениях на форуме нам встретился только один случай обсуждения возможных коллективных действий матерей (недовольство матерей вызвало принятие московскими городскими властями новых требований в отношении организации питания детей в ДОУ¹⁰ (содержащих, в т.ч. перечень продуктов, рекомендованных для питания в детсадах, среди которых появились продукты — такие как полуфабрикаты, мюсли, творожок «Растишка» и др. — безопасность которых вызвала у многих матерей сомнение). Матери обсуждали, какие возможности для изменения данных правил питания в детских садах существуют. В числе предлагаемых решений матери озвучивали сбор подписей и отправку писем в органы государственной власти с требованием пересмотреть список рекомендованных продуктов для питания детей в ДОУ. Однако данная инициатива «угасла» вследствие отсутствия единства в восприятии рисков матерями, а также недостатка уверенности в возможности добиться положительного результата коллективных действий. В целом по результатам нашего исследования отмечается очень низкий уровень активности матерей в публичном отстаивании прав детей, пассивность потребительского поведения. Эти выводы согласуются с заключениями О.Н. Яницкого о проблематичности формирования риск-солидарностей в современной России.

2. Непротивление рискам

а) Стратегия «отрицание рисков»

Данная стратегия связывается с тем, что матери считают часть рисков питания несуществующими или сильно преувеличенными. В качестве объяснения такого отношения матери ссылаются на низкий уровень доверия к источникам информации о рисках (в частности, в связи с политической или коммерческой ангажированностью источников). Другая причина подобного отношения связывается матерями с преобладанием негативной информации о существующих рисках питания и практическим отсутствием предлагаемых решений защиты от этих рисков. Данная стратегия может выражаться как в безразличии к рискам, их преуменьшении с помощью юмора, так и в агрессивном отрицании и спорах относительно рисков питания. Еще одна причина игнорирования рисков связана с тем, что воздействие питания на здоровье не имеет для данной матери такого же важного значения, как удовольствие или быстрота приготовления.

¹⁰ Приказ Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по городу Москве № 116 от 29.11.2007 и Методические указания города Москвы «Организация питания в дошкольных образовательных учреждениях» 2007 г.

Анна {форум} (Москва, 1976 г.р., незаконч.высшее образование, программист, 1 ребенок):

«Нда, постою-послушаю, может и правда бывает, чтобы и вкусно, и полезно при этом? Мне вот 99% всего полезного невкусно категорически, до омерзения. Соответственно питаемся все (включая ребенка) крайне неполезным, зато вкусным (мясо жареное 2–3 раза в день, картошка+мясо, сладкое, кока-кола, Макдональдс). Я до сих пор не могу понять, РАДИ ЧЕГО отказываться от всего этого и жевать ботву???? Я согласна жить не так долго, зато жить в кайф!»

б) Стратегия «терпение»

Большинство информанток (а также многие матери-участницы форума) сталкивались с различными рисками в сфере питания детей, которые привели к отравлениям или аллергическим реакциями у детей (в результате покупки некачественных продуктов питания или употребления недоброкачественной пищи в организациях общественного питания или детских сада). Однако ни одна из них не подавала в суд и не оформляла жалобы в отношении производителей или продавцов недоброкачественных продуктов питания (и лишь немногие возвращали некачественный продукт в магазин, пытаясь вернуть за него деньги). Наиболее распространенной реакцией является уничтожение опасного продукта и лечение ребенка. Однако стоит отметить, что матери говорили о том, что последствия (например, отравление) были не очень тяжелыми, и в случае, если бы ребенок серьезно пострадал, они бы предприняли более решительные меры.

Екатерина {интервью} (28 лет, домохозяйка, 2 детей — 7 месяцев и 5 лет):

«В магазине рядом с домом стараемся не покупать. Там мясо и рыба плохие, видимо потому что долго лежат. Сами не травились. Но я покупала, чувствовала запах и выбрасывала. Арбузом как-то отравились года 3 назад. (вопрос — А если что-то такое купили некачественное или отравились, что вы будете делать?) Молча позлюсь и выкину в мусоропровод. Не пойду ругаться (...) (вопрос — А как вы считаете, должны ли каким-то образом реагировать родители на отравления в детсадах) Должны. Если бы это коснулось моего ребенка, наверно, пошла бы пожаловалась куда-нибудь. Меня муж охлаждает, у меня было пару раз желание, он сказал — не надо, сиди, не возмущайся».

Причины подобного отношения матери связывают как с экономией временных, эмоциональных, материальных и прочих ресурсов, так и с отсутствием уверенности в том, что их усилия могут действительно привести к каким-то результатам. Таким образом, можно сделать вывод о том, что практики терпения действительно (и здесь мы согласимся с О.Н. Яницким) являются очень распространенной реакцией российских потребителей на риски.

3. Приспособление

а) Стратегия «имитация»

В отношении продуктов (любимых и постоянно «выпрашиваемых» детьми), которые матери считают вредными для их здоровья, матери применяют стратегию подмены или имитации. Матери «заимствуют» идеи у производителей этих продуктов питания и полностью или частично воспроизводят данный продукт/блюдо (приготавливают его в домашних условиях из проверенных и более качественных ингредиентов). Матери пытаются использовать часть «трюков», которые применяют

производители с целью повышения привлекательности своих продуктов для детей (сделать блюдо более вкусным и красивым). Среди продуктов, которые наиболее часто «имитируются» матерями — йогурты, гамбургеры, шаурма, мороженое, картофель фри, сладости и пр.

В описаниях рецептов, которыми матери обменивались друг с другом на форуме, упоминалось частичное использование «вредных» продуктов, их разбавление или частичная имитация (например, йогурт с добавками разбавляется обычным кефиром; украшения, встречающиеся в любимом пирожном ребенка, матери используют для декорирования выпечки, приготовленной своими руками и т.д.).

Татьяна {форум} (Москва, 1972 г.р., высшее образование, 1 ребенок):

«Пойдите на хитрость:» в стакан от Растишки положите творожок Агуша без добавок и добавьте мороженой малины-клубники с сахаром тростниковым например или своё варенье».

Приготовление домашней пищи позволяет матери гораздо лучше контролировать (снижая неопределенность) как качество исходных ингредиентов, так и процесс приготовления пищи. Чем больше этапов обработки пищи матери осуществляют сами, тем большую уверенность в качестве и безопасности пищи, потребляемой ее ребенком, они получают.

В случаях, если какие-то блюда в меню детского сада вызывают у матерей недоверие, довольно распространенными являются следующие тактики матерей — утром кормить ребенка дома (чтобы он ел на завтрак домашнюю кашу, а не мюсли в детском саду); договориться с сотрудниками детсада о том, чтобы ребенка кормили принесенной из дома едой (например, домашней котлетой вместо пельменей), или о том, чтобы определенные продукты заменяли на другие (отметим, что эти способы являются индивидуальными и ситуационными решениями, требующими согласования с сотрудниками детсадов, т.о. они возможны далеко не в каждом детсаду и не в каждом случае).

б) Стратегия «избегание»

Другая стратегия, используемая матерями, — не давать детям возможности увидеть и захотеть какой-то «вредный», с точки зрения матери, продукт. Для этого матери, например, выключают телевизор, когда транслируется реклама; убирают конфеты и прочие сладости дома в недоступные для ребенка места; организуют маршрут по супермаркету таким образом, чтобы дети проходили мимо полок с «вредными» продуктами, или вообще не берут детей с собой в магазин. В супермаркетах около кассы, как правило, располагаются полки с продуктами в красочных упаковках, которые привлекают детей («есть всякие любимые детьми бяки, типа жевательного мармелада, и т.п., которые обычно в супермаркетах около кассы навалены» — {форум}, Москва, художница, 2 детей). Это известный маркетинговый прием с целью спровоцировать покупателей на совершение так называемых «импульсивных» покупок. Поэтому матери всячески стараются не подвергать ребенка подобным «искушениям»: «Я его всеми способами в магазине мимо этой дряни провожу, не дай бог заметит».

в) Стратегия «ограничение и контроль»

В отношении употребления «вредных» продуктов матери часто устанавливают определенные правила (например, употребление таких продуктов не чаще 1

раза в неделю или не больше 1 штуки в день). В числе подобных правил могут быть такие, которые предусматривают условия, при выполнении которых ребенок может получить «любимый» продукт (например, если ребенок сделал «что-то хорошее»).

Екатерина {интервью} (28 лет, домохозяйка, 2 детей — 7 месяцев и 5 лет)

«У нас с ней правило, что сладкое едим по выходным. Я недавно его придумала (смеется). По субботам и воскресеньям. Потому что зубы начали портиться. Но не всегда его соблюдаем. По крайней мере, насчет конфет стараюсь придерживаться. Потому что ей волю дай, она одно сладкое будет есть».

г) Стратегия «формирование культуры питания»

Самой сложной (однако, самой эффективной, по нашему мнению, составленному на основе анализа эмпирического материала) стратегией матерей является воспитание у ребенка культуры питания. Уточним, в чем отличие данной стратегии от предыдущей. Стратегия «ограничение и контроль» предполагает установление временных ограничений и «насаждаемых сверху» норм, опирающихся на использование материнской власти (опасность такой стратегии состоит в том, что ребенок, достигнув определенного возраста и получив независимость, может «дорваться до запретного плода» и изменить навязанные ему матерью «безрисковые» практики питания на полностью противоположные). В отличие от нее, стратегия «формирование культуры питания» осуществляется благодаря интериоризации представлений о рисках питания и усвоения ребенком «правильных» практик питания, что является одним из возможных способов обеспечить ребенку здоровое питание не только в детстве, но и на всю жизнь. Участницы форума отмечали, что для реализации этой стратегии необходимо разделение идеологии и повседневное поддержание практик «правильного» питания всеми членами семьи. Немаловажную роль в этом играет просвещение ребенка, повышение его компетентности в том, какая пища является вредной, а какая полезной. Формирование культуры питания является очень «тонкой» техникой, предполагающей и поддержание особых доверительных отношений между родителями и детьми.

Виктория {интервью} (30 лет, PR-менеджер, ребенок в возрасте 3 года):

«Мы сыну, конечно, объясняем, но он пока не очень понимает. Мы говорим: «Посмотри, мы берем яблочко, ты его кушаешь — у тебя ведь ничего не красится?» Он: «Ничего». Мы: «А теперь возьми чупа-чупс, смотри, у тебя сразу руки какого цвета? А рот?». Он: «Ой!». Мы: «Страшно? И нам страшно. Давай не будем это есть». Он: «Давай»».

Приведем некоторые выводы, которые можно сделать по результатам исследования. Матери являются основными агентами совладания с рисками питания детей, воспринимая организацию питания детей как сферу своей особой компетенции. Матери считают питание детей крайне важной функцией, предполагая, что ребенок должен получать особое (а фактически — самое лучшее в представлении матерей) питание. Хотя существующая система регулирования рисков питания представляется матерям несовершенной, они не предпринимают открытых коллективных действий для изменения сложившейся ситуации. Наиболее характерными стратегиями совладания с рисками питания детей, которые матерей осуществляют, являются стратегии «терпение» и группы стратегий «приспособле-

ние». Практики приспособления (в первую очередь, это касается стратегии «формирование культуры питания») представляются нам особенно важной, поскольку, несмотря на ее индивидуалистический характер и кажущуюся пассивность, они могут быть достаточно эффективными, защищая ребенка от рисков питания не только в детском возрасте, но и вырабатывая у него устойчивость к рискам на всю последующую жизнь.

Литература

- Бек У. (1994). От индустриального общества к обществу риска. Thesis. Вып. 5. С. 161–168.
- Бек У. (2000) Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.
- Ганскау Е.Ю. (2001). Образцы потребления продуктов питания в Санкт-петербургских семьях. Социология потребления. Л.Т. Волчкова, Ю. Гронов, В.Н. Минина (ред.) СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского. С. 109–129.
- Гидденс Э. (1994). Судьба, риск и безопасность. Thesis. Вып. 5. С.107–134.
- Дуглас М. (1994) Риск как судебный механизм. Thesis. Вып. 5. С. 242–253.
- Доклад (2007). О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 2006 году: Государственный доклад. М.: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2007. 360 с. (<http://www.rospotrebnadzor.ru/files/docs/doclad/1304.zip>, доступна на 16.06.2008)
- Луман Н. (1994) Понятие риска Thesis. Вып. 5. С. 135–160.
- Яницкий О. Н. Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003. 192 с.
- Certeau Michel De. The Practice of Everyday Life. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984. Introduction and chapters 1–3. Pp. XI-XXIV, 8–42.
- Ganskau E. Trust and Safe Choices: Coping with health-related risks in food consumption in St. Petersburg // Oslo: SIFO, 2006. P. 283–333.
- Giddens A. 1991. Trajectory of Self. Modernity and Self-Identity. Cambridge. P. 74–98.

Методологическая рефлексия

Понятие интервенции в социологии, психологии и клинической социологии. Предисловие к книге «Международная клиническая социология»¹

Мишель Вивьорка

Социология всегда имела несколько парадигм, и это означало напряженности, интеллектуальные, а иногда и политические, конфликты между отдельными парадигмами. Но один конфликт был постоянным: это противопоставление перспективы «актора» и перспективы «системы», даже если известные социологи, — то есть те, которые оказывали наиболее осязаемое интеллектуальное влияние, — в общем виде пытались «сочленить» или скомбинировать эти две позиции. Иногда одни и те же социальные мыслители или ученые знавали в своей интеллектуальной жизни моменты, когда доминирующей была первая перспектива, и моменты, когда вторая. В 60-е годы, например, французский социолог-марксист Луи Альтюссер высказал предположение, что Карл Маркс может быть рассмотрен как два разных человека: юный Маркс был субъективистом и значительно больше интересовался концепцией действия (*action*), тогда как у зрелого Маркса была, скорее, сциентистски ориентированная позиция, и он развивал свой анализ капитализма как системы доминирования.

В настоящее время мы живем в то время, когда понятия актора, субъективности и субъекта занимают значительно больше места в социальных науках, чем тридцать или сорок лет назад, и эта интеллектуальная и общесоциальная направленность (сопряженность) соответствует интересам клинической социологии, которая, зачастую играет на стороне актора или субъекта. Это было не так, когда структурализм был сильнее, и когда, по крайней мере, в некоторых своих крайних проявлениях, он декларировал «смерть субъекта» и имел дело только с переменными, структурами, аппаратом, механизмами и противоречиями.

В настоящее время клиническая социология стала важным полем или самостоятельной областью в социологии. Одна из ее сильных сторон — интерес к индивидам как личностям, их повседневной жизни, их жизненной истории и траекториям, знаниям, надеждам и страхам, а также к способности выстраивать собственное понимание своей жизни и изменять ее. Другая ее сильная сторона состоит в том, что клиническая социология вводит и закрепляет позицию исследовательской интервенции, при которой ученые уже не засиживаются в своей башне из слоновой кости. Под влиянием психологов или социальных психологов, начиная с Курта Левина, и исходя из глубокого интереса к психоанализу, большинство клинических социологов занимается практическими интервенциями, направленными на развитие у индивидов и групп способности критически понимать собственную

¹ International Clinical Sociology. Ed. Jan Marie Fritz. Springer Science + Business Media. LLC, 2008.

ситуацию и свои проблемы, а затем изменять ситуацию и, по возможности, ослабить или разрешить проблемы.

Мы можем сказать по-другому. Клиническая социология предполагает близкие отношения между теорией (или анализом) и практикой. Это означает, что социологи не нейтральные фигуры: скорее, они являются частью ситуации, которую изучают, и частью процесса изменений, который индуцируется вместе с их интервенцией. Такая перспектива рассмотрения должна бы привести к очень серьезным дебатам, о которых не так часто слышно, или они не настолько глубоки. Так, для клинической социологии обоснование результатов — демонстрация или тестирование анализа — не состоит (или состоит, но не только) в соблюдении жестких канонov научности или в суждениях коллег, связанных с научными журналами. Оно в самом процессе трансформации, который этот анализ привносит в социальное творчество или активацию. Это означает, что исследование может быть научным и прямо связанным с социальными нуждами и потребностями, и может, в то же время, осуществляться академическими учеными с реальным включением изучаемых людей и их активным, сознательным участием в анализе. Поэтому специалисты по клинической социологии имеют такой успех не только среди своих коллег в социальных науках, но также среди социальных работников, учителей, психологов, консультантов и других, задействованных в практические сферы социальной активности, имеющих дело с реальными индивидами.

Как у президента Международной социологической ассоциации, мой долг состоит в том, чтобы поддерживать все школы социологической мысли в их собственном развитии и в их способности к дебатам. Но как исследователь, я всегда чувствовал себя ближе к клинической социологии, чем ко многим другим видам «делания» социологии. Как и клинические социологи, я считаю, что отношения между исследователем и их «объектом» это центральный вопрос, и что тестом любого социологического исследования является его способность изменять уровень понимания между людьми.

Клиническая социология как пространство интервенции

Игорь Масалков

Становление клинического подхода в зарубежной социологии

Социология возникла как рефлексия кризиса первой половины XIX века. По замыслу ее создателей она как наука была должна описывать движущие силы и фазы изменения. Ее чисто научный подход, да еще с позиций объективизма, резко сокращал возможности изменить что-либо. С другой стороны, перспектива создания общей теории и контролируемой практики человеческого изменения на уровнях от индивида до группы и общества в целом преследовала лучшие умы человечества, оставаясь вот уже не один век на грани утопии¹.

Понятия «клинический подход» и «клиническая социология» как особый тип производства знаний и практики их применения замелькали в работах французских, канадских и американских социологов в 90-х гг. прошлого века. Подход социолога-клинициста характеризуется двумя важными моментами: прежде всего, в близком общении с носителем определенного вида «страдания»² (в близости к «постели больного») и в актуализации «отношения помощи» со стороны социолога. Таким образом, фигура социолога-клинициста стоит очень близко к объекту социологического исследования и, в то же время, к субъекту социального действия, направленного на изменение. Сложная двойственная позиция отражает специфику этого направления. Клиническая социология — это вопрос подхода, манера работы с проблемами. В той степени, в какой клиническая перспектива принимает во внимание роль индивидуальной и/или коллективной психики, она близка к психоанализу и к экзистенциальной феноменологии.

Признаваемый как междисциплинарный, клинический подход в большей мере оказался востребован социологами. Социология и психология — две дисциплины, которые имеют свои независимые друг от друга сферы научной рефлексии, но в практической работе со «страдающим» объектом выявляется их общее. При клиническом подходе речь идет, как правило, не только об индивидах, группах, организациях, но и об особых ситуациях, рассматриваемых под углом их частных особенностей, специфики. Чтобы понять эти проблемные ситуации, исследователь работает в основном не в своем кабинете, а в «поле», поскольку ему необходимо понять не только «болезнь», то есть проблему, но и больного. «Когда он рассказывает о том, что он, наконец, познал, его аудитория — не толь-

¹ Herreros G. Pour une sociologie d'intervention. Paris. Edition eres. 2002.

² Слово «страдание» чаще используется во франкоязычной социологической литературе и режет слух российскому читателю; поэтому в отечественной традиции мы чаще говорим о наличии трудной жизненной ситуации.

ко и не столько его коллеги-профессора, сколько та группа, в которой и для которой он работал»³.

Таким образом, клинический подход, заявляющий о себе с особой силой в последнее время в зарубежной социологии, с необходимостью сочетает в себе:

1. наличие реальной ситуации, связанной со страданием (нахождением в трудной жизненной ситуации);

2. обращение самого клиента к социологу — клиницисту с просьбой помочь постигнуть смысл происходящего и помочь совладать с ситуацией.

Какова же была историческая последовательность в становлении клинической перспективы в социологии. Считается, что сначала зародилась психосоциология, а несколько позже и социология обрела возможность работы по клинической модели. Другими истоками клинической социологии явились Чикагская школа социологии, фрейдомарксизм, идеи раннего Маркса.

О практике социальной интервенции наши зарубежные коллеги с особой гражданской силой начали говорить после Второй мировой войны в период кризиса западноевропейской экономики, когда среди европейских социологов и психологов наметился решительный поворот к проблематике повышения эффективности промышленного производства. Практика стала одной из главных движущих сил нововведений, а, с другой стороны, — главной разрушительной силой по отношению к оторванным от реальности теоретическим построениям в социологии и психологии. Некоторые ученые видят в ее зарождении результат американской научно — практической экспансии в пострадавшие от фашизма страны Западной Европы⁴. Методологическими основаниями интервенции была быстро развивающаяся дисциплина, которая была названа «психосоциологией»⁵. В ее основе рассматривается двойная проблематизация: социологическая и психологическая, а любое явление повседневной жизни признавалось по своей сути психосоциальным⁶. В основе сдвига в сознании исследователей лежала констатация, что любая социология психологична, а психология социальна. При решении любой практической проблемы и особенно задач социального действия границы между психологией и социологией исчезают. Более того, сам спор об этих границах становится стерильным. Психосоциология возникает каждый раз, когда социолог идет в жизнь.

В истории развития психосоциологии мы выделяем четыре этапа:

1. Латентный этап (первая половина XX века), который явился, с одной стороны, периодом бурного развития качественных подходов в Чикагской школе социологии, а, с другой стороны, первые же опыты Э. Мэйо в Хотторне полностью перевернули логику Э. Дюркгейма и других социологов — позитивистов, утверждавших, что изучаемые в социологии факты — это «вещи». Новый взгляд на взаимоотношения между исследователями и изучаемыми работниками лишь формально привел к возникновению индустриальной социологии. На самом же деле речь шла о начале утверждения психосоциологии. Именно усилиями Э. Мэйо и К. Левина были созданы базовые предпосылки для ее зарождения.

³ Savigni R., «Approche clinique dans les sciences humaines» dans le recueil «Approche clinique dans les sciences humaines» sous la redaction de E. Enriques, St-Martin, Montreal, 1993.

⁴ Aubert N., Gaulejac (de) V., Navridis K. L'aventure psychosociologique. Paris, Desclée de Brouwer, 1997.

⁵ Термин «психосоциология», появившийся в Западной Европе в 50-х годах, используется чаще во Франции, Бельгии и Канаде, а в США и Англии чаще говорят о научном бихевиоризме.

⁶ Revue Internationale de Psychosociologie, № 1, p. 3.

2. Этап становления (1950–1970 гг.). Характеризуется появлением в послевоенное время самого термина «психосоциология» и широкомасштабной практикой использования тренинговых групп, называемых по-разному: «базовой группой», «группой развития», «диагностической группой».

3. Этап (1970–1980 гг.) применения в разных контекстах и в многообразии форм. Отличается интересом исследователей к политическим, экономическим, институциональным изменениям и к проблеме власти в масштабе групп и организаций.

4. Современный этап (с 1980-х гг. — по настоящее время) характеризуется обращением к клинической модели, к изучению и перенесению ее методов в сферу социального и психологического. Сам термин «психосоциология» становится менее употребляемым. Во франкоязычных странах появляются новые названия: «клиническая социология», «социальная клиническая психология», «диалектический анализ», «социоанализ», «социопсихоанализ».

Сравнительный анализ истории становления и развития психосоциологии как интересующего нас научного направления и вида практической деятельности в различных западных странах, в частности, во Франции, Бельгии и Греции, говорит о том, что имели место параллельность и схожесть прохождения основных этапов:

1. Пребывание в годы войны многих западноевропейских социологов особенно еврейского происхождения в США, где они приобщились к эмпирическим подходам, количественным и качественным методам получения и обработки данных, работе с малыми группами в рамках школы «динамики групп» К. Левина, «индустриальной социологии» Э. Мэй.

2. Осознание в Западной Европе правящими кругами и предпринимателями факта послевоенного отставания от США по уровню развития технологий в промышленности и в управлении.

3. Отсутствие в университетских и академических кругах до 50-х годов XX века связующего звена между социологией, психологией и психоанализом в виде полемики и даже диалога.

4. Констатация на определенной стадии развития социологии боязни внутридисциплинарной замкнутости — своеобразной «интеллектуальной клаустрофобии» и стремление к междисциплинарному обновлению и международному общению.

5. Ломка под влиянием идей К. Роджерса барьеров между различными видами профессиональной практики и внутри каждой дисциплины: консультирования, преподавания, терапии.

6. Обращение взоров исследователей к частному сектору. В этом плане многие психосоциологи унаследовали модель поведения учеников К. Левина, которые, следуя примеру учителя, оставляли в последние годы своей жизни лаборатории и уходили в частные структуры, где больше свободы и финансовых ресурсов для экспериментирования и практики, чем в государственных учреждениях, чтобы практиковать среди прочих методологию «исследования действием».

7. Признание влияния присутствия социолога настолько сильным, что дальнейшее игнорирование субъект-объектных, а точнее субъект-субъектных отношений в исследовательском процессе становилось недопустимым, особенно в тех случаях, когда речь шла о целенаправленном воздействии, или интервенции.

Клинический подход в социологии не является открытием последних лет. Его отдельные элементы мы встречаем в работах французов Г. Тарда и Г. Ле-

Бона, которые анализировали теневые стороны общества, эмоциональные потоки и «коллективные галлюцинации». В зарубежной социологической литературе, ставшей уже классикой, в качестве других клинических объектов можно считать проблемные социальные группы: молодежные группировки, проститутки, наркоманы, алкоголики. Так работы Чикагских социологов, по большей части, не были простыми описательными исследованиями. Реконструируя тот или иной фрагмент городского сообщества, авторы поднимали и объясняли очень важные социальные проблемы. Так своей книге «Джек-Роллер: история жизни подростка с отклоняющимся поведением» К. Шоу⁷ рассматривал кейс стади не только как метод получения данных, но также и как одно из средств, необходимых для разработки программы помощи определенным группам или конкретным людям. В практическом плане истории жизни, собранные К. Шоу, послужили началом консолидации сторонников нового проекта изменения чикагского региона. Таким образом, мы видим как конкретные истории жизни определенных проблемных личностей, помогали не только понять скрытые процессы, происходящие в этих группах, но также и открывали возможности для пересмотра существующих программ по поддержке тех или иных групп населения и, тем самым, имели практическое социотерапевтическое приложение. В 30-х годах XX столетия представитель Чикагской школы Л. Вирс опубликовал статью «Клиническая социология».

На сегодняшний день предпочтительными объектами клинической социологии выступают, прежде всего, претендующие на уникальность носители определенного вида страдания, осознающие безысходность сложившейся ситуации и желающие получить адекватное описание причин своих переживаний. Именно здесь пригодилась клиническая нацеленность в том виде, как это широко обсуждалось М. Фуко и его последователями⁸. Клиницист способен рассуждать в плане социальном, психологическом, историческом и соматическом, выстраивая из них сложные комбинации. Сегодня клиническая социология работает с такими сложными для социолога явлениями как социальные исключения, власть, страдание, классовый невроз, тело, а также такими разрушительными эмоциями как стыд, вина, обида, агрессия.

Социологическая интервенция и ее формы

В наше время даже в трудах авторов, стоящих на консервативных позициях, просматривается позиция, заключающаяся в том, что у социальной теории есть своя роль, выходящая за рамки чисто академического созерцания, и что социология должна брать на себя миссию проведения социальных изменений. В этой связи стоит особо подчеркнуть статус социологической теории как «коллективной субъективности», ответственной за существующую ситуацию. Само участие социологов в публичных дебатах имеет общественный резонанс и помогает людям разобраться в их проблемах, в их сильных сторонах и недостатках.

В своем аналитическом подходе клиническая социология не довольствуется нейтральным оперированием данными, а понимает исследование и как критический анализ, и просвещение, и изменение господствующих отношений в об-

⁷ Shaw Clifford R. The Jack-Roller. A delinquent boy's own story. Chicago, University of Chicago Press, 1930.

⁸ Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.

ществе. Она принципиально и последовательно снимает принцип «свободы от ценностей» в социологии. Согласно этому позиционированию социальные науки принципиально идеологичны, политичны и ангажированы. Она пытается глубоко и обстоятельно разъяснить индивидуальные и коллективные явления, но, будучи критической, постоянно учитывает воздействие на человека со стороны тоталитарного общества (деспотических отношений, экономической зависимости и т. д.). Тем самым клиническая социология как «критическая теория» является освобождающей дисциплиной, которая, вполне в духе Просвещения, не только анализирует и постигает смысл исторически сложившихся отношений, но и критикует их. В этом позиция клинической социологии близка к критической теории Франкфуртской школы.

Один вопрос остается принципиальным: является ли вмешательство — интервенция социолога — клинициста или психосоциолога всегда ответом на сформулированный кем-то заказ/просьбу? Ответ на него в большинстве случаев утвердителен, поскольку работа с индивидами, группами, организациями никогда не проводится без их согласия, чтобы не нарушить их право на автономность. Когда имеется заказ, социолог — клиницист может браться за работу. Конечно же, необходимо определить, что на данный момент представляет из себя заказ и в каких терминах он является приемлемым. С точки зрения Ф.Е. Энрикеса, могут возникать «ситуации глобального плана, в которые исследователь не может не вмешаться и которые заслуживают изучения — это ситуации, которые могут классифицироваться под фрейдовским ярлыком «социальный невроз»: усиление национализма, общей ненависти к иностранному, расизм и антисемитизм, религиозный фанатизм, также как отклоняющееся поведение, наркомания и насилие — такого рода процессы, которые угрожают социальной ткани общества в целом»⁹.

Обращение к социологу-клиницисту указывает на ожидание изменений, какими бы окольными путями оно ни выражалось и как бы по-разному ни представляли себе эти изменения клиент и социолог — клиницист. Осознание существования проблемы в сфере межличностных или межгрупповых отношений или неполного использования своего потенциала может привести человека или группу к принятию решения изменить что-либо или хотя бы ответить на вопрос: «Как изменить себя в лучшую сторону?» Ориентация на изменение постоянно скрыто или открыто также присутствует в вопросах, задаваемых (социо)терапевтом или клиентом.

Клинический подход опирается на одно важное средство для определения целей и этапов терапии с учетом потребностей, желаний, ожиданий и стремлений клиента. Таким средством является контракт, применимый как для личного развития (в том числе и для клинических целей), так и для развития организаций. Контракт представляет собой договор, заключаемый в устной или письменной форме как с самим собой, так и между терапевтом, или консультантом, и его клиентом с целью достижения ясно обозначенной цели.

Социолог-клиницист может задать клиенту специальные вопросы, которые помогают «заключить контракт»:

1. Какую проблему вы хотите решить?
2. Каковы будут практические результаты ваших усилий?
3. Испытываете ли вы желание добиться результата?

⁹ Enriquez E. The clinical approach : genesis and development in western Europe. In International Sociology, vol. 12, About Clinical Sociology, 1997.

4. Что в вас самих может помешать получить желаемые результаты?

Оценка клиентом предлагаемых вариантов изменения/терапии и выбор наиболее приемлемых методов — еще один способ активизации ответственности. Заключив в той или иной форме контракт с клиентом, клиницист предлагает ему несколько способов дальнейшей работы, описав кратко суть каждого метода. Клиент выбирает ту технику, которая кажется ему наиболее подходящей. В этом акте выбора техник изменения и развивается ответственность.

Каковы же главные условия успеха этого контракта, или договора? По мнению Д. Шальвена и Ж.-Л. Мюллера их как минимум пять¹⁰:

1. проведение изменения в ограниченном и точно обозначенном аспекте;
2. продвижение вперед маленькими шагами;
3. развитие того, что мы когда-то уже умели делать;
4. побуждение начинать с себя, а не с других;
5. тщательность в анализе и подготовке.

Другим важным вопросом в современной клинической социологии, по которому развернулась большая дискуссия, является определения того уровня социальных общностей, где возможна интервенция — социальная терапия. В этой связи необходимо выделить следующие позиции:

1. Первая позиция представлена мыслителями прошлого, которые пытались лишь давать интерпретацию социальным явлениям того или иного масштаба, непосредственно в них не вмешиваясь.

2. Вторая позиция начала первой половины XX века представлена З. Фрейдом и К. Левином, которые допускали мысль об участии в преобразованиях, хотя в ограниченных масштабах и в четко определенном направлении воздействия. Они доказывали, что без четкого представления о бессознательной динамике общества любая социальная интервенция невозможна.

3. Третья позиция начала XX века представлена Э. Дюркгеймом, Г. Тардом и Г. Ле Боном, которые не избежали искушения выступить в защиту интервенции — терапии общества в целом.

Сегодня зарубежные социологи — клиницисты в своем большинстве заинтересованы в проведении существенных изменений в области социального через интервенцию на индивидуальном и групповом уровнях¹¹. Другими важными сферами общества, где методологизируется социальная интервенция являются производство, администрирование, самоорганизация локальных общностей. При этом благоразумно принимается позиция З. Фрейда опасаться интервенции на уровне общества в целом.

В качестве примера интервенции на индивидуальном и групповом уровнях упомянем семинар особого вида, где работа с личной историей каждого из участников сочетается с научным исследованием общих тенденций изменения общества в целом, который во Франции чаще называют семинаром «группового исследования и импликации» — ГИИ. На его замысел большое влияние оказало идейное наследие З. Фрейда, Ж.-П. Сартра, К. Роджерса и П. Бурдьё, а методология основывается на практике групповых перекрестных рассказов о жизни и поочередном переходе от работы над собой к анализу и коллективному генерированию гипотез. Каждый участник группового семинара становится в этом случае и субъектом, и

¹⁰ Chalvin D. Les nouveaux outils de l'analyse transactionnelle. Pour développer l'énergie des individus et des organisations. Entreprise Moderne d'Édition. P., 1989., с. 94–101.

¹¹ Gaulejac (de) V., Legrand M. Intervenir par le récit de vie. Entre histoire collective et histoire individuelle. P., Eres, 2008.

объектом исследования. Исследование также является вспомогательным средством обучения, развития личности и работы над собой¹².

На семинарах ГИИ экспериментируются различные методы и техники, способствующие самопознанию: рисование, театральное действие в виде психо- и социодрамы, танцевальная телесная экспрессия. Если упражнения по рисованию и живописанию благоприятствуют выражению воображаемого, то психодрама облегчает эмоциональную экспрессию, а сама ситуация работы в группе и общие рамки семинара ограничивают риск субъективизма. Каждый участник, разумеется, повернут к самому себе, но одновременно в равной степени и к другим видениям, другим рассказам, другим интерпретациям, отличным от его собственных. Пересекающиеся жизненные истории отзываются эхом в каждом из участников — в социальных, эмоциональных и психических аспектах — регистрах.

За двадцать пять лет своего существования первоначальный проект ГИИ конкретизировался в нескольких направлениях. Прежде всего, определилась коммерческо-тематическая направленность семинаров, связанная с их рыночной востребованностью для проработки следующих узлов: «семейный роман и социальная траектория», «любовный роман и социальная траектория», «семейный роман и идеологическая траектория», «жизненные истории и эмоции», «семейный роман и история денег».

На семинары ГИИ, проводимые директором Лаборатории социальных изменений университета Париж — 7 профессором В. Де Гольжаком и его зарубежными коллегами в разных странах, в том числе, и в России, записались уже тысячи человек. Среди участников были люди из различных дисциплинарных областей, но их объединяет интерес к клиническим исследованиям и желание освободиться от междисциплинарных перегородок, которые часто доминируют в теории и практике наук о человеке и обществе. Мотивации участников заключается как в получении дополнительного образования для совершенствования своей исследовательской практики, так и в личностном развитии: понять себя, чтобы усовершенствовать свою профессиональную практику и открыть новые инструменты анализа.

Рассказы о жизни в рамках ГИИ организуются и стимулируются с помощью структурированных и директивных методических инструментов. Первое упражнение для каждого участника состоит в том, чтобы рассказать об истории своего имени, о тех соображениях, по которым родители его присвоили. Во втором задании следует сделать рисунок на тему: «Чего ждали от меня родители — кем они хотели бы меня видеть?» Самовыражение участников ГИИ с помощью художественных средств особо ценно, когда необходимо оценить интеллект, процессы мышления, установок, эмоции, гармонию души и тела. Сила воображения находит все большее признание в теории и практике социо- и психотерапии.

Сам факт процесса анализа во время семинара того, в чем индивид запрограммирован своей историей, не изменяет эту историю. Напротив, меняется наше отношение к истории. При обсуждении социологических и исторических размерностей личностных траекторий, как своей, так и других людей, мы можем понять как различные факторы воздействовали на нас, как они способствовали тому, чтобы в своей семье и в социуме мы заняли то или иное положение. Все это глубоко изменяет наше отношение к этому «положению» и позволяет отчетливо понять, что реальность — это одна из форм реализуемого, что все возможное не сводится к наиболее вероятному.

¹² Гольжак де В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория / Перев. с франц. И.К. Масалкова. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003.

Психосоциологическая интервенция и становление клинического подхода в российской социологии

На страницах научных изданий России термины «психосоциология» и «клиническая социология» только начинают появляться, вызывая большой интерес, определенную настороженность. Дело в том, что отношения между социологией и психологией в нашей стране также складывались противоречиво. Объясняется это, в первую очередь, их молодостью. В 1927 г. Л.С. Выгодский, давая оценку взаимоотношениям теории и практики в науках о человеке, указывал, что в конце XIX — начале XX веков «теория от практики не зависела нисколько; практика была выводом, приложением, вообще выходом за пределы науки, операцией занавучной, посленаучной, начинавшейся там, где научная операция считалась законченной»¹³. С другой стороны, уже в наши дни российские исследователи должны признать неразвитость в отечественной социологической науке микроуровня и его полную «колонизацию» социальной психологией да к тому же позитивистски ориентированной.

Момент утверждения и этапы развития психосоциологии и клинического подхода в социологии в России обозначить трудно. В нашем научном сообществе предпочтительнее используются термины «практическая (прикладная) социальная психология» и «практическая (прикладная) социология». Их можно охарактеризовать «от противного» как нечто, существенно отличающееся и даже противоположное фундаментальной науке. Если целью последней выступает приращение знаний об общих закономерностях и механизмах возникновения и воспроизводства социальных и психологических явлений, то первые две имеют совершенно другую цель — изменение социальных объектов в нужном направлении. Именно прикладные исследования непосредственно связаны с инженерией и технологией.

Периодом движения психологии и социологии навстречу практике можно назвать 70–90 гг. XX века. В качестве одной из причин развития психосоциологии с ее интервенционистской практикой в нашей стране была констатация стерильности в практическом, а не идеологическом плане научного коммунизма и исторического материализма. На волне социального заказа на модернизацию в 70–80-х гг. представители социологии и психологии стали «проникать» на смежные территории и «браконьерствовать». К концу столетия престиж психосоциологии заметно вырос и укрепился. Об этом свидетельствуют по меньшей мере 4 обстоятельства:

1. Предприятия и организации различного уровня все чаще и настойчивее обращаются к поиску психологических и социальных резервов совершенствования своей деятельности.

2. Сами социологи и психологи в новых условиях пересмотрели свое отношение к практике. Практика превратилась из докучливой повинности в источник существования.

3. Значительно расширился круг лиц по специальности и должности, профессиональная подготовка которых включает знакомство с основами психологии и социологии. Стала популярной и общедоступной литература по проблематике делового общения, групповых процессов, развития личности.

4. В СМИ и научных кругах констатируется, что постперестроечное российское общество тяжело больно. Оно нуждается в качественной диагностике и терпеливом самоизлечении. Это требует интеграции подходов различных социальных наук¹⁴.

¹³ Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 387.

¹⁴ Лапин Н.И., Масалков И.К. Методология диагностики большого общества. Социологические исследования. — 1994. — № 4.

В России одной из наиболее интересных форм психосоциологии стала гуманитарная экспертиза, целью которой является обобщенная оценка последствий, которые имеет или может иметь для человека или для той или иной социальной группы то или иное событие, случившееся в прошлом, происходящее в настоящее время, либо потенциально возможное в обозримом будущем. Это может быть тот или иной природный катаклизм, техногенная катастрофа, вооруженный конфликт, экономический кризис, дисфункция политической системы и т. д.¹⁵ В качестве примера экспертных действий можно назвать работу сотрудников психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и ИСИ РАН в связи с аварией на Чернобыльской АЭС, в Армении после землетрясения, Нагорном Карабахе, Тбилиси после событий 1989 г.

Гуманитарная экспертиза призвана в идеале, вводя нормативность в отношения, сформулировать альтернативные решения и сценарии выхода из кризисной ситуации — обычно в категориях, отличных от тех, которыми оперирует обычный здравый смысл. В этом заключаются ее сильная и слабая стороны. От эксперта ждут не столько применения верифицированных валидных методик, сколько мудрых суждений, неординарных выводов и творческих озарений¹⁶.

С 70-х годов XX века на практике российская социальная интервенция существовала и в других довольно экзотических формах. В российском интеллектуальном сообществе среди ее носителей следует назвать с определенной долей условности в каждом отдельном случае специалистов по оргдеятельностным и инновационным играм, социальных инженеров, консультантов по управлению. Эта творческая социопрофессиональная группа, вполне понятно, отличалась высокой напористостью, конфликтностью и являлась наглядным подтверждением Эдипова комплекса с его убийством отца, воровством идей, клановостью и т. д. Довольно часто их сознание не было обременено глубоким знанием глобальных социологических и психологических доктрин современности: символического интеракционизма, психоанализа. Ведущим императивом их деятельности было и остается выполнение социального заказа своей эпохи: преобразование советского, а затем и российского общества на микроуровне. На макроуровне с еще меньшей долей успешности эту миссию брали на себя политики.

Так называемое советское «игротехническое сообщество» 70–90-х гг. несло отпечаток достаточно жестких и даже варварских методов и подходов с точки зрения экологии человека, привнесенных его духовным отцом Г.П. Щедровицким в методологию оргдеятельностных игр. Очень часто закрывались глаза на психологические издержки изменения: вспомним имевший место «отсев» участников с попаданием последних в психиатрические больницы. Многие из его учеников и последователей, критикуя на словах жесткие, не щадящие человеческую психику методы, на деле продолжили их использование. Однако справедливости ради стоит отметить, что и сам советский социум отличался жесткостью. Историей нашей стране было отведено слишком мало времени на подготовку исторически необходимых реформ, поэтому психологические аспекты экологии человека приносились в жертву ради выполнения исторической миссии пробуждения мыслящей прослойки населения в Советском Союзе.

Научная обоснованность советской (психо)социологической практики интервенции была не столь уж высокой и явно граничила с искусством или даже даром

¹⁵ Введение в практическую социальную психологию: Учеб. пос. для высших учебных заведений / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. — 2-е испр. изд. М.: Смысл, 1996. С.101.

¹⁶ Там же.

предвидения. И в этом, пожалуй, был для нее великий шанс: удаленность от стерильных дискуссий о предмете социологии и относительная автономия в практической деятельности. Критерием правильности считались реальные сдвиги в желанном направлении. Одним из условий появления (психо)социологии в России в ее ранних формах было наличие четко сформулированного социального заказа, который чаще всего исходил от властных структур: региональных руководителей, директоров предприятий¹⁷.

Итак, решение многих российских проблем находится в компетенции дисциплины, которую в России предстоит еще выстроить — клинической социологии, так как прежде всего она устанавливает динамику противоречий в обществе и весомость объективных закономерностей их воздействия на индивидуальные судьбы и само общество в целом. Клиническая социология призвана помочь обыкновенному человеку рационально осмыслить свое место в хаосе общественных процессов. Но и общественные элиты, властвующие и стремящиеся к власти, должны уяснить природу болезни общества, понять, что это болезнь всех и каждого, включая тех, из кого состоят сами эти элиты. Последнее справедливо и в отношении исследователей-социологов. Врачеватель должен исцелиться сам, а для этого — предложить методы, позволяющие понять характер состояния общества, больших групп и малых элит, индивидов и самих себя.

Литература

- Гольжак де В. Клиническая социология // Социологические исследования. 1994. №5.
- Гольжак де В. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория / Перев. с франц. И.К. Масалкова. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003.
- Дудченко В.С., Масалков И.К. Решения региональных проблем игровыми методами // Социологические исследования. 1991. № 7.
- Лапин Н.И., Масалков И.К. Методология диагностики больного общества // Социологические исследования. 1994. № 4.
- Пажес М. К истории возникновения психосоциологии // Социологические исследования. 1995. № 3.
- Практическая социальная психология как область профессиональной деятельности / Введение в практическую социальную психологию. Учеб. пос. для высших учебных заведений / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. — 2-е испр. изд. М.: Смысл, 1996.
- Фуко М. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998.
- Шутценбергер А.А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы / Пер. с франц. И.К. Масалкова. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001.
- Aubert N., Gaulejac (de) V., Navridis K. L'aventure psychosociologique. Paris, Desclée de Brouwer, 1997.
- Allones (de) C.R. et al. «Approche clinique dans les sciences humaines. Paris, Documents, methodes, problemes», Dunod, 1989.
- Chalvin D. Les nouveaux outils de l'analyse transactionnelle. Pour développer l'énergie des individus et des organisations. Entreprise Moderne d'Édition. P., 1989.
- Enriquez E. The clinical approach: genesis and development in western Europe. In International Sociology, vol. 12, About Clinical Sociology, 1997.

¹⁷ Дудченко В.С., Масалков И.К. Решения региональных проблем игровыми методами // Социологические исследования. — 1991. — № 7.

Gaulejac (de) V., Legrand M. Intervenir par le récit de vie. Entre histoire collective et histoire individuelle. P., Eres, 2008.

Herreros G. Pour une sociologie d'intervention. Paris. Edition eres. 2002.

Revue Internationale de Psychosociologie. Paris.

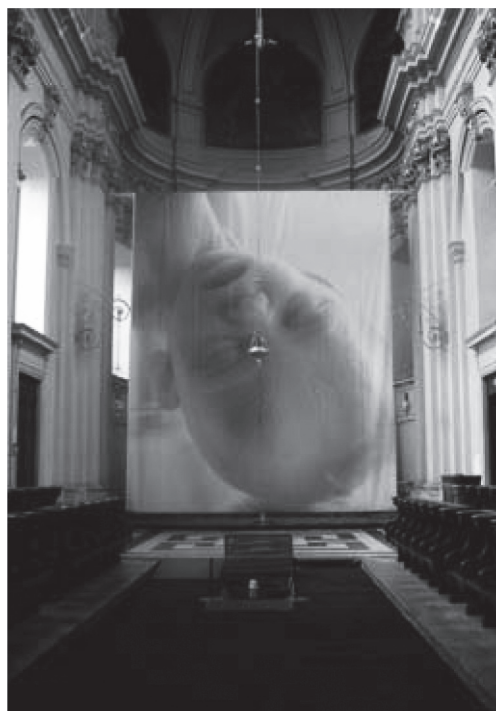
Shaw Clifford R. The Jack-Roller. A delinquent boy's own story. Chicago, University of Chicago Press, 1930.

Визуальная социология

Визуализация детства в городском пространстве. Готтфрид Хелнвайн

Елена Рождественская

Европейский художник австрийского происхождения Готтфрид Хелнвайн достоин пристального взгляда социологов ввиду своего необычного кредо в искусстве: его произведения будируют общественное мнение, шокируют обывателей, раздражают скинхэдов, провоцируя на вандализм. Он работает с непростыми для публичности темами — брутальностью по отношению к детям, насилием в истории, фашизмом, Холокостом, коммерциализацией и сексуализацией детства, проблемой аборта и т.д. Каждый его проект вызывает бурную дискуссию в обществе, с очевидностью обнажая масштабный замысел автора, рассчитанный на публичную реакцию на его произведения. Эмбрионы на холстах-растяжках, висящие головой вниз, как в утробе матери, в пространстве церковной апсиды, напоминают спускающихся ангелов (инсталляция «Падение ангелов»).

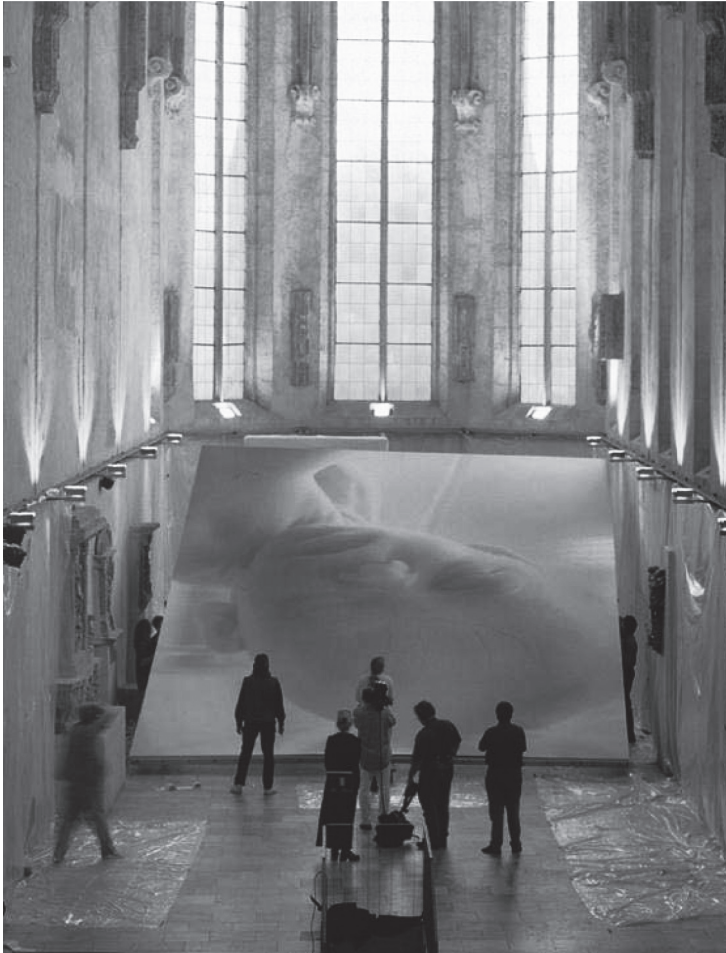

Fall of the Angels 2005, инсталляция Брюгге, Бельгия

спускающихся ангелов (инсталляция «Падение ангелов»).

Предпубертатные девочки в эсэсовских мундирах с выбеленными лицами и слегка тронутым помадой губами — сюжет, в изложении отдающий педофилией, но их взгляд не порочен, автор не вводит ни модель, ни сюжет в оборот порнографии. Он напоминает о порочности замысла, о последствиях вовлечения, навязанном опыте (инсталляции «Современный сон», «Последний ребенок», «Молчание невинности»).

В первом приближении искусство Хелнвайна позиционирует себя в том же пространстве, в котором оперируют значимые идеологические институты — религия, история, политика. Он производит свое высказывание в современных координатах художественного пространства, к характеристикам которого Борис Гройс относит потерю художником монополии на эстетическую репрезентацию политики, но и превращение радикально-политической акции в новый предмет интереса для искусств-

Fall of the Angels 2005

ва (Гройс, 2004). Результатом такого сближения становится принципиальное, культивируемое дискурсивное противоречие. Быть *controversial* — фактически рецепт создания публичной медиа-фигуры. Б.Гройс делится своими наблюдениями: «Если вы спросите любого специалиста по медиа, каким образом создать медиа-фигуру, любой американский специалист скажет: «Вы должны быть *controversial*». Это означает, что вы должны создать такой имидж, который представляет ситуацию некоего столкновения, конфликта. Это является современной медиальной иконой в форме *controversial*, то есть в форме конфликта или кризиса. Икона пространства, в котором происходит идеологическая борьба, где сталкиваются различные современные пропагандистские машины, которые функционируют таким же образом, как и пропагандистская машина церкви» (Гройс, 2004). Итак, современное искусство имеет тенденцию к политизации и поляризации, стремясь к медиальным репрезентациям, и, как следствие, попадает в вилку отвержения либо поклонения, *tertium non datur*.

Хелнвайн в высшей степени *controversial*, выбирая те же темы, технологии и пространства для экспозиции, которыми оперируют политики, ангажированные

Modern sleep 1, 2003

историки, деятели церкви, тем самым, сближая системы политической и художественной репрезентации. Анализ его презентации, построенной на контроверзе, раскрывает интригу и дискурсивную провокацию современного искусства.

Наше внимание привлекла инсталляция Г. Хелнвайна «Ночь 9-го ноября», которая состоит из 17 детских портретов, выстроенных в ряд. Эта стена высотой в четыре метра и длиной в сто метров создана в знак памяти событий Кристальной ночи 9 ноября 1938 года, давших начало еврейским погромам. Впервые этот проект был выставлен в 1988 в Кельне, Германия. В дни выставки живопись была вандализирована нео-наци, некоторые портреты были изрезаны, а один украден. В 1996 году проект была выставлен уже в Берлине под названием «Селекция», сохранив/задокументировав следы вандализма. Этим названием подчеркнута важная для Хелнвайна тема «недочеловека», расовой дискриминации и расового отбора, возведенного при наци в закон (среди его других работ — серия собственных фотопортретов «Der Untermensch»).

Немного информации о личности художника. Из интервью с ним для YASO MAGAZINE: «С раннего детства у меня было ощущение, что мир, в котором я

Last child 2008, инсталляция, цифровой принт на виниле, Уотерфорд, Ирландия

жил, напоминает сумасшедший дом. Казалось, ничего не имело смысла. Окружающие люди, особенно взрослые, которые вроде бы должны быть примером, вели себя чрезвычайно странно. Казалось, что все запутались в сети негласных правил и законов. Я постоянно спрашивал себя — как я оказался тут? Что я тут делаю? Единственное, что я понимал — окружающий мир не был моим домом, я не чувствовал себя в нем «своим». Кто я тогда? Откуда? Очевидно, я был в состоянии полной амнезии. Казалось, что я застрял в мрачном плоском мире — дешевом немом черно-белом кино с замедленной перемоткой. Я тогда еще не знал, что родился в Вене сразу после второй из мировых войн, которые мои глупые предки вели предыдущие 30 лет — и проиграли...» (<http://www.helnwein.com/>).

Еще в конце шестидесятых годов он эпатировал на тему недавнего про-

Modern sleep 4, 2004

Nine November Night 1988, между Людвигсмузеум и Кельнским собором, Кельн

Nine November Night 1988

шлого, которое было и прошлым его семьи: написал в качестве домашнего задания в художественной школе портрет Гитлера, за что был исключен. Затем он продолжил образование, увлекался перформансом и уличными театрализованными представлениями, был участником группы художников Wiener Aktionisten, которые писали картины и плакаты, устраивали уличные хэппененги с элементами политического процесса. Стиль Хелнвайна гиперреалистичен, его работы в разных смешанных техниках имеют фотографическую четкость и ясность, создавая иллюзию удвоения мира, знакомство с которым рождает «гроздь гнева» против преступлений нацизма и политики их забвения и примирения.

В случае проекта-инсталляции «Селекция/Ночь 9 ноября» нас интересуют не столько визуальные образы, ограниченные рамкой, сколько решение художника выставить их в пространстве города для производства субъекта впечатления и последствия такого решения. Речь о другой модальности визуального анализа, обычно сосредоточенного на содержании образа. Вслед за Дж. Роуз (Rose, 2002, с.16–32) и Дж. Бердом (Bird, 1996) мы будем различать трехмерное пространство визуального анализа, построенного на координатах: производство образа (1), собственно содержанию образа (2) и на его восприятие различными аудиториями (3). Дж.Роуз усложняет эту формальную структуру внутренними модальностями, к которым относит:

— технологическую, подразумевая под визуальной технологией смысл, описанный Н.Мирзоевым как «любая форма прибора, сконструированного для рассматривания или увеличения естественного изображения, начиная от живописи маслом до телевидения и Интернета» (Mirzoeff, 1998);

— композиционную, имея в виду различные формальные стратегии, применяемые в процессе производства образа: содержание, организация цвета и пространства и пр. Часто эти стратегии группируются вместе, образуя специфические композиционные единства, характеризующие ту или иную школу (живописи);

— социальную модальность, понимаемую как референцию к ряду экономических, социальных и политических отношений, институтов и практик, которые создают контекст образа для его рассмотрения и использования.

Именно последний аспект, социальная модальность контекста в сочетании с дизайном производства образа, кажется нам особенно перспективным для анализа проекта Хелнвайна. «Селекция» совершает интервенцию из выставочного пространства галереи, призванной пропагандировать/демонстрировать/продавать современное искусство, непосредственно в город. Инсталляция расположена между музеем Людвига и Кельнским кафедральным собором, рядом с центральным вокзалом Кельна. Вместо биллбордов с названиями городской топографии, а большей частью, вместо рекламы, — огромные щиты с лицами реальных детей-христиан, евреев, инвалидов, которые в 1988 году живут в Германии. Хелнвайн сознательно отказался от использования документальных архивных материалов. Лица современных детей позволяют «перезагрузить» тему селекции/отбора и предъявить ее вновь. Габитус «рассматривающего» невольно примеряет на себя эту задачу: ведь для идущего шагом человека сто метров инсталляции кажутся бесконечными, своеобразным «конвейером сортировки», селекции.

Что изменилось бы в восприятии этой инсталляции, если бы она вернулась под сень галерейно-музейного пространства? Соответственно, что приобретает этот проект, пребывая в этих, не-музейных размерах и контекстах?

Фрагмент Nine November Night 1988

Nine November Night 1988

Чтобы ответить на эти вопросы, необходим экскурс в специфическую область дискурс-анализа, где визуальные объекты рассматриваются в соответствии с определенными институтами и их практиками, как производство различных субъективностей «рассматривающего», т. е. институциональная претензия на власть и знание артикулируется визуальными средствами. То есть, мы в данном случае пренебрегаем той формой дискурс-анализа, которая занимается визуальными образами и сопровождающими их текстами и, через них, социальными позициями различия и авторитета-подчинения, что, разумеется, не означает отсутствия интереса к визуальной стилистике Хелнвайна. Соответственно мы обращаемся к той форме дискурс-анализа визуального, которая ответственна за деконструкцию институционального контекста. В общепринятом фукольдиданском смысле обращение к институтам приводит к анализу аппарата их функционирования и технологиям осуществления/отправления практик.

В отношении выбранного Хелнвайном медиума — фотографии — применимы все те же критерии власти и знания, воплощенные в определенных институтах. Он апеллирует к фотографии как к архивному множеству, растиражированному опыту пережитой катастрофы социального отбора (селекции). Институциональные практики (френология, отпечатки пальцев) используют фотографию как форму создания визуальных образов, которые артикулируют институциональную власть над объектами фотографирования и экспонирования. По мнению Алана Секула, «архивы не нейтральны, они воплощают власть сосредоточения, собирания и выставления в той же степени, что и власть включения в словарь правил языка. ...Любой фотоархив, не важно насколько малый, апеллирует косвенно к тем же институтам за их авторитетом» (Sekula, 1986, с. 155). Более того, Джон Тегг радикализирует ситуацию далее: «У фотографии как таковой нет идентичности. Ее статус как технологии варьируется в зависимости от властных отношений, которые инвестированы в нее. Ее природа как практики зависит от институтов и агентов, которые определяют ее и заставляют работать. В ее истории нет единства, это мерцание через поля институциональных пространств. Это поле мы и должны изучать, но не фотографию как таковую» (Tagg, 1988, с. 63). Из этого мы можем сделать вывод, что идентичность фотографии создается контекстом ее предъявления. Им могут быть усиливающие первичный смысл другие фотографии или валидирующий эффект их собрания. В смыслообразующем направлении работают и другие фреймы — стены галереи, церкви, кафе или... открытое урбанистическое пространство.

Кто же ответственен за «стены»? В институциональной системе артгалерей визуальные объекты воспроизводятся кураторами, косвенно спонсорами, но также и социальными диспозициями посетителей, поскольку им совокупно, (но в разной мере), принадлежит власть создавать контекстуальный способ видения и режим дисциплины для своих посетителей. Так, Тони Бенетт в своей работе «Рождение музея» описывает музей как дисциплинарную машину, призванную через просветительские задачи воплощать общие нормы социального поведения (Bennett, 1995, с. 6). В определенном смысле культурное учреждение музея решает задачи социального менеджмента. В историческом аспекте эта дидактическая задача, покидая нишу благородного развлечения для состоятельного класса, распространяет стандарты вкуса и образования на другие группы. При этом, ввиду потребности в научной классификации объектов в соответствии с представлениями прогресса, научной рациональности или антропологического описательного анализа, в музеях больше представлен научный дискурс. Т. Бенетт в этой связи обращает внима-

ние на архитектуру музея и галереи, их фасады и входы, которые соответственно артикулируют различные дискурсы культуры, искусства и науки.

Артгалереи же, по Стефану Банну, через череду залов выстраивают нарратив развития от средневековой живописи до сегодняшнего дня (Банн, 1998). Подобный вектор развития визуальной культуры в стенах галереи есть предмет трансляции конструируемого знания, а также власти интерпретации именно такого пути развития и отбора его значимых вех.

Благодаря Бенетту, мы можем, помимо архитектурных артикуляций дискурсивной власти в музее, узнать и о производстве субъективностей/социальных позиций, создаваемых этим дискурсивным аппаратом. Он различает три позиции субъекта в галерее или музее. Первая — патроны этих институций. Это эксперты музеев или патронаж галерей — белый мидлкласс, мужчины. Вторая позиция — ученые и кураторы: технические эксперты, которые операционализируют дискурсы культуры и науки в своих классифицирующих и демонстрирующих практиках. Третья позиция — посетители, в отношении которых применяются практики дисциплинирования, просвещения, цивилизованности. Визуальные и пространственные аспекты музея/галереи сопровождают путь посетителя. Они встроены в дизайн, призванный регулировать социальное поведение послушных тел. Для посетителя устраивается своего рода образовательный спектакль с нормами поведения, которые заданы запретами на неподобающее поведение, пространственной маршрутизацией, организацией приседаний на банкетках перед особо ценными, достойными рассматривания объектами. Эти нормы привнесены и извне другими — фукольдианская мысль о «дисциплинировании глазами других посетителей», то есть, исходя из представлений о должном поведении в этом месте. Беннет различает типаж посетителя музея и посетителя галереи, предписывая последнему «умение видеть сквозь артефакты невидимый порядок значения, который там репрезентирован» (Bennett, 1995, с.165). Подобный социально-классовый подход поддержан и П. Бурдьё и А.Дарбелем (Bourdieu, Darbel, 1991), также исходившим из посылки, что образование в сфере искусства доступно только среднему классу.

Иной фокус, но уже на публичном дисплее в пространствах музейно-галерейных институций разрабатывает Х. Лидчи (Lidchi, 1997). Дисплей на стене, открытый дисплей, реконструкции — диарамы, симулякры как объекты в музее, заполняющие отсутствие экспонента, — каждый из этих дисплеев имеет свой эффект, который часто зависит от тех технологий, которые его сопровождают, например, от текста, от их пространственной организации относительно друг друга. Залы, следующие один за другим, рядами вывешенных картин провоцируют к созерцанию каждой из них как мозаичного фрагмента Искусства, общее тело которого транслирует свое системное качество — принадлежность к искусству — частям и, тем самым, подтверждает, легитимирует это качество. Как писал Жан-Франсуа Лиотар о «рассматривающих» на выставке, «посетитель — это глаз. Путь, способ, каким он смотрит не только на работу, которую он рассматривает, но и на место, где расположена выставка, предположительно регулируется принципами «легитимной конструкции», возникшей в эпоху кватроченто: геометрия доминирования над воспринимаемым пространством» (Lyotard, 1996, с. 167). Тем самым утверждается, что и итоговый образ-объект, и «рассматривающий» субъект индивидуализированы/произведены через технологию «развешивания», и что рассматривающие субъекты конструируются как «разглядывающие глаза», и что объекты изобразительного искусства подлежат разглядыванию, это их *modus vivendi*.

А теперь мы покидаем пространство музея или, скорее, галереи, за вход в которые нужно заплатить, и иметь, как минимум, желание их посетить — диспозицию на знакомство с искусством, — и выходим в открытый город. Этим жестом обнажаются несколько скрытых стратегий Хелнвайна:

— Технология производства образа (плоскость биллборда, привычно занятого рекламой и информацией): вместо ожидаемого, приятно-увлекающего потребительской мечтой, образа — шокирующие фотографии детей.

— Уход от интенции кураторов галереи выстроить определенное семиотическое пространство выставки, когда смыслы определены и названы, а маршруты проложены. Тем самым, осуществлена трансформация роли разглядывающего, культур-трегерская диспозиция разрушена, а вместо нее — визуальное напоминание гражданского самоопределения. Даже отвержение, неприятие работы провоцирует к занятию позиции.

— утверждение или контроль над собственной семиотической системой через название и пиар-сопровождение, и в итоге свертывание институционального, в смысле Фуко, давления музейной машины на производство дискурсивного «знания»;

— Вторжение размерностью (фотографии видны с разных ракурсов изда-лека) и темой в рутинный маршрут пешехода — горожанина, туриста. В этом смысле вторжение дискурсивно-агрессивно наступает на политкорректность, уставшую от периодически возобновляемого сюжета о вине массового сознания.

Современный западный мегаполис избалован большими акциями, привлекающими внимание широкой публики, например, — берлинский рейхстаг, в течение двух недель упакованный в алюминизированный полипропилен, работы Христо и Жанны-Клод. При этом художники настойчиво уверяли, что их работа не несет никакой идейной нагрузки, каждый зритель волен интерпретировать это по-своему. Хелнвайн в этом смысле *controversial*, не борется за любого зрителя, а пробивается к нему, не готовому к теме и отклоняющему свой взгляд, но вынужденного смотреть.

Литература

Гройс Б. Феноменологии медиального мира <http://azbuka.gif.ru/important/groys-art-moscow-2004>.

Интервью YASO MAGAZINE с Хелнвайном <http://www.helnwein.com/>.

Bann, S. (1998) 'Art history and museums', in M.A. Cheetham, M.C. Holly and K. Moxey (eds), *The Subjects of Art History: Historical Objects in Contemporary Perspective*. Cambridge University Press, pp. 49–230.

Bennett, T. (1995) *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics*. London: Routledge.

Bourdieu, P., Darbel, A. with Schnapper, D. (1991) *The Love of Art: European Art Museums and their Public*. Cambridge: Polity Press.

Bird, J. et al. (eds) (1996) *The BLOCK Reader in Visual Culture*. London: Routledge.

Mirzoeff, N. (1998) 'What is visual culture?' In: N.Mirzoeff (ed.), *The Visual Culture Reader*. London: Routledge, pp. 3–13.

Lidchi, H. (1997) 'The poetics and the politics of exhibiting other cultures', in S.Hall (eds), *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*. London: Sage, pp.151–222.

Liotard, J.-F. (1996) 'Les immatériels', in R. Greenberg, B.W. Ferguson and S. Nairne (eds), *Thinking About Exhibitions*. London: Routledge, pp.31–113.

Rose, Gillian (2002) *Visual Methodologies. An Introduction to the Interpretation of Visual Materials*. SAGE Publications. London Thousand Oaks, New Delhi.

Sekula, A. (1986) 'Reading an archive: photography between labour and capital', in P.Holland, J.Spence and S.Watney (eds), *Photography/Politics: 2*. London:Comedia, pp.61–153.

Tagg, J. (1988) *The Burden of Representation: Essays on Photographies and Histories*. London: Macmillan.

Рецензии

Рецензия на коллективную монографию «Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине» (под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А.)

Елена Рождественская

Рецензируемая монография продолжает ряд гендерных исследований повседневности в ЕУ СПб, заставляя говорить о сложившейся школе, теоретическом воспроизводстве и об «эмпирическом повороте» в отечественных гендерных штудиях.

Многолетние образовательные усилия руководительниц данного проекта позволили вырастить целую плеяду исследовательниц, благодаря которым гендерный взгляд на репродуктивную медицину получился столь многопланов, разнообразен по выбранным ракурсам и степени личной вовлеченности авторов от дистантной позиции до опыта самоэтнографии. Представленный труд стал возможен именно благодаря интеллектуальному и исследовательскому ресурсу школы, поскольку иначе рекрутировать коллектив социологов-гендеристов, работающих в единой парадигме, не представляется возможным. Наконец, поворот к насыщению поля отечественной гендеристики надежным эмпирическим материалом после десятилетий переводного и образовательного этапов свидетельствует как об эмпирическом «голоде» на новые реалии, так и закреплении академических стандартов социологических исследований.

Какова же объединяющая теоретическая рамка представленных исследований? К ней относятся:

- структурно-конструктивистский подход, в рамках которого гендерные различия и неравенство понимаются как социально производимые,
- вынужденная констатация опыта родительства в обществе как преимущественно женского и тем самым самоограничение его анализом,
- обсуждение исследовательских вопросов в данной монографии как ценностно ориентированных,
- критическое отношение к структурным барьерам, препятствующим свободе выбора и реализации личного контроля над своей жизнью, здоровьем, репродуктивным и сексуальным поведением,
- критический взгляд на монополию власти медицинского знания, авторитарную медикализацию женского тела и репрессивные действия медицины по отношению к больной, беременной или рожаящей женщине (в русле теоретических традиций М. Фуко, П. Бурдьё)
- обращение к концепции Л. Болтански и Л. Тевено о порядках ценностей и конфликтующих дискурсах, подчиняющих вовлеченных акторов «императиву оправдания». Отстаивая свою точку зрения, акторы обращаются к разным «поряд-

кам ценностей» или «мирам оправдания», различия между которыми и являются причиной дискуссий.

— введение в оборот гендеризованных версий социологии гражданства, понимаемых прежде всего как социальные практики, формирующиеся во взаимодействии с государством по поводу прав и сохраняющие различия гражданского статуса женщин и мужчин (в духе Вальби, Юваль-Дэвис). В этом смысле термин женское гражданство, в зависимости от целевой политики, гендерных идеологий, проявляется в устойчивых практиках женщин.

— концептуализация термина доверие в духе неофункционализма как культурный ресурс, обеспечивающий стабильность и предсказуемость социальных институтов (П. Штомпка). Доверие рассматривается как рутинное основание повседневных взаимодействий (Миштал).

— обращение к понятию «стиля жизни в отношении здоровья» (Кокерхэм), который формируется в зависимости от структурных условий (жизненных шансов) и индивидуальных действий (жизненного выбора). Социализм советского типа предполагал, по Кокерхэму, скорее государственную, чем индивидуальную ответственность за здоровье граждан.

— Концептуализация структур опыта, состоящего из ощущения (телесные переживания индивидуализированного характера), практики (привычные повседневные действия, заданные институциональной рамкой) и интерпретации смысла (А. Роткирх, К. Мааттанен).

Вышеприведенная инвентаризация теоретического фундамента коллективной монографии отражает поиск актуального баланса между объяснительными моделями социетального уровня и феноменологическими и этнометодологическими подходами, теорией практик, фреймов, стилей жизни. В то же время способы реализации исследовательского плана (дискурс-анализ текстов, глубинные интервью в стратегии обоснованной теории, метод самоэтнографии, дискуссии, наблюдение) демонстрируют скорее сдвиг в сторону преимущественного анализа практик, и на этом пути осуществляется колоссальное приращение знания. Повседневная природа этого знания, выращенного в герменевтической триаде «тема-горизонт-схема» (Leithauser Th., 1977, S.46), раскрывается в обнаруженной тематизации, ограниченной горизонтом социального контекста и порождающей формы первичной категоризации. Как пример, реконструкция центрального лейтмотива (категории) рассказов пациенток и стратегий женщин, направленные на получение необходимой медицинской помощи в ситуации институционально-недоверия к учреждению репродуктивного здравоохранения. Сравним это подход с типичным социологическим исследованием на тему здоровья десятилетней давности (Палосуо Х., Журавлева И. и др. 1998). Из данных сравнительного, российско-финского репрезентативного исследования восприятия здоровья и связанных с ним привычек и установок следует, что между гендеризованной картиной заболеваемости обоих полов и субъективной оценкой собственного здоровья мужчинами и женщинами (на уровне мнений) — категориально пустое пространство. Соответственно, его выводы о самосохранности или безответственности полов в отношении собственного здоровья, сами по себе контрастные и на тот исторический момент инновативные, построены вне учета фреймов медицинских и других социальных институтов и транспируемых ими идеологий здоровья и телесности. Таким образом, совокупный теоретический подход, представленный в актуальной монографии, позволил авторам достаточно плотно описать большой сегмент социального пространства, рассмотренный сквозь призму

драматических взаимоотношений женщины и институтов репродуктивной медицины в нашем обществе.

Что, на наш взгляд, незаслуженно не вошло в обширную программу исследований и соответственно аналитических текстов данной монографии, так это проблематика новейших репродуктивных технологий разрешения бесплодия (см. Исупова О. 2009) и связанные с ними импликации социального характера. Усложняющийся характер множественной телесности матери (суррогатное материнство, дистантное зачатие *in vitro*, донорство яйцеклеток и спермы, усыновление, патронат и пр.), материнская мозаичная субъектность, моральные паники по поводу стигмата бесплодной или отложенного в биографическом тайминге рождения, проблематика клинической социологии в этом поле ввиду сложности или отсутствия интернализируемой семейной истории как основы идентификационной работы личности и многое другое. Эти направления анализа сложно интегрируемы в поле гендерных исследований еще и по причине угрозы эссенциализма, поскольку столь высокая медикализация уже не женских тел, а гендерного дискурса с доминантой конструктивистского подхода, не освоена гендерной теорией непротиворечивым образом. Плодотворные идеи в этом отношении развивает Х.У. Гумбрехт, семиотик, не связанный с гендерным и медицинским дискурсами, но именно с дискурсами и герменевтикой. Он предлагает различать культуру значения и культуру присутствия по типу доминирующего самоопределения (сознание/дух или вещь/телесность). Если в культуре значения к материальному означаемому исчезает интерес, как только опознан «лежащий под ним» смысл, то в культуре присутствия вещь как соединение субстанции и формы не исчезает после завладения ее смыслом (Гумбрехт Х.У., 2006, с.88). В этой концепции вещи/телесности преодолевается дихотомия духовного и материального, разнокачественность телесности становится перспективным полем определенной ревизии эссенциализма, но — для практик повседневности в культуре присутствия.

Структура монографии состоит из двух тематических разделов, в первом из них рассматривается проблематизация связи между сексуальностью, репродукцией и просвещением, во втором — на институциональном и индивидуальном уровне коммуникация гинекологов и пациенток. Дополняет монографию корпус материалов самоэтнографии беременности и родов.

Первый раздел книги — о проблемах сексуального просвещения в современной России и последствиях сексуального невежества — видится авторам как политический конфликт между сторонниками сексуального образования и его противниками, интерпретирующими его как угрозу для нравственного здоровья нации.

В статье американской исследовательницы Мишель Ривкин-Фиш и российского психолога Виктора Самохвалова рассматривается изменение педагогических подходов в области сексуального и репродуктивного образования. В их проекте исследуются различия в реализации профессиональной власти гинекологов и психологов. Если дискурс гинекологов основан на понятиях физической и моральной чистоты, то психологи в большей степени стараются развивать диалог с акторами, поощряя их к самопознанию и развитию, к заботе о себе, но, как выясняется, гендерные стереотипы при этом воспроизводятся как гинекологами, так и психологами.

В отличие от них Ольга Снарская в статье о современной российской дискуссии о сексуальном образовании увязывает позиции участников дискуссии с их отношением к проблематике национализма. Она обнаруживает между сторонами определенный компромисс, который выражается в создании российских образовательных программ, опирающихся на международный опыт, но принимающих во

внимание российскую специфику, т.е., признание глобальных тенденций либерализации совмещается с ориентациями на моральное здоровье нации.

В статье Анны Темкиной рассматриваются позднесоветские дискурсы о сексуальности на примере анализа рекомендаций и руководств по половому просвещению. Автор приходит к выводу, что в 1960-е гг., несмотря на асексуальный публичный дискурс, в психологической, социологической, медицинской, педагогической литературе осторожно обсуждались либеральные сексуальные практики.

В статье Виктории Сакевич в демографическом ракурсе анализируются практики абортос вследствие сексуального невежества. Регулирование рождаемости в России как повсеместно распространенная практика с 1960-х гг. было связано с «абортной культурой». Констатируя снижение частоты абортос, автор полагает, что распространение современных методов контрацепции и сексуальное образование гораздо эффективнее снижает число абортос, нежели запреты и обскурантизм. Кроме того, многие респонденты смешивают отношение к абортос как к практике и как к репродуктивному праву: значительное количество людей считает право на аборт одним из достижений либеральной гендерной политики, что однако не означает поддержки абортос как практики.

В статье Елены Здравомысловой анализ советского времени открывает, как абортная контрацептивная культура стала ядром гражданского статуса женщины. Если в советское время аборт символически являлся платой за репродуктивную свободу, то в настоящее время происходит морализация абортос, он становится предметом нравственного выбора и осуждения.

В фокусе второго раздела монографии «Дилеммы доверия в репродуктивной медицине» — кризис институционального доверия в ситуации взаимодействия гинеколога и пациентки-женщины и личностно-ориентированные стратегии совладания с институциональным недоверием.

В статье Полины Аронсон социальное неравенство рассматривается в сфере медицинского услуг. Аналогично многим другим странам, социальные группы с низкими доходами в России оказываются депривированным в отношении поддержания здоровья. Их представители стараются избегать обращения к врачам как из-за ценностных установок, так и из-за нехватки экономических ресурсов. Высокодоходные и образованные группы населения находятся в более привилегированном положении, но и они систематически испытывают дефицит доверия к институтам здравоохранения. Образование создает ресурс для критической оценки экспертного знания и организации услуг, что становится причиной их недоверия.

Статья Елены Здравомысловой и Анны Темкиной построена на анализе роста притязаний молодых образованных городских женщин. Рефлексивные и требовательные пациентки стараются преодолеть нехватку доверия, выстраивая стратегии с опорой на социальные сети, экономические и информационные ресурсы. Их стратегии — найти «правильного» врача и «правильное» учреждение, в которых обслуживание во время беременности и родов будет эффективным, безопасным, но также эмпатийным и комфортным.

Статья Ольги Бредниковой исследует процесс коммерциализации медицинского сопровождения беременности, обозначая различия в практиках оплаты медицинских услуг, выделяя формализованные, скрытые и прямые платежи, определяя условия, при которых прямые платежи наиболее функциональны и комфортны для агентов взаимодействия. Прямые выплаты «из рук в карман» или «из рук в руки» повышают ответственность и заинтересованность врача, способствуют персонификации отношений в ущерб бюрократическому обезличиванию. Цена

«счастья» (здоровой беременности и успешных родов) в современной российской репродуктивной медицине состоит из примерно равной доли формализованных и неформализованных платежей.

В статье Дарьи Одинцовой тематизируется образ культурной пациентки с точки зрения гинекологов, которые также вырабатывают определенные установки в отношении своих посетительниц. Культурная пациентка владеет «правильной» информацией, доверяет врачу и не сомневается в правильности предписаний и эффективности лечения. Этот образ совмещен с типажом «новой рефлексивной женщины», которая стремится к контролю над своей сексуальными и репродуктивными практиками: узнает о контрацепции до начала половой жизни и готовится к беременности до ее наступления. Проблемные же пациентки в глазах врачей — это мало культурные, недостаточно информированные и сверхтребовательные клиентки медицинских учреждений.

В статье Екатерины Бороздиной анализируется социально сконструированное знание о беременности будущих матерей. С одной стороны, представления о беременности порождены личным опытом, с другой, это знание соотносится с медицинскими стандартизированными и квантифицированными объективными показателями беременности. В структуру этого знания входят и повседневные знания практических экспертов, принадлежащих к социальной сети женщины. Обмен опытом помогает беременной женщине контекстуализировать и индивидуализировать свой опыт, выработать стратегии взаимодействия с медицинскими учреждениями. В итоге в процессе обмена повседневными знаниями конструируется интересующий мир женщин, объединенных общностью пережитого опыта беременности и родов.

В третьей части монографии представлены дневниковые записи и автобиографические эссе социологов, которые приобрели опыт медицинских взаимодействий, связанный с наблюдением беременности, родами, лечением у гинекологов. Особенностью этого материала является описание биографического опыта исследовательниц, включая телесность, эмоции и переживания, рассматриваемого как текст «отстраненного другого», предмет попутной рефлексии и последующей концептуализации.

Авторы монографии в итоге приходят к «программатичному» выводу, что усилия по решению демографических проблем не будут эффективными, если российские женщины сохраняют свое негативное отношение к медицинским институтам. И в этом смысле проведенное коллективное исследование мобилизовало целый спектр теоретико-эмпирических усилий, чтобы проанализировать барьеры на пути создания климата доверия в медицине, а также стратегии, которые используют женщины для преодоления этих барьеров. Позитивность проведенной работы подкрепляется обнаруженным новым персонажем — рефлексивной современной женщиной, чей жизненный опыт включает сознательный выбор сексуальных и брачных партнеров, планирование семьи, ответственные безопасные сексуальные практики, информированный выбор контрацептивов и контроль сексуального / репродуктивного здоровья. Этот замечательный портрет реального типажа имеет только один недостаток — он не слишком распространен. Привлекая в качестве аргумента выводы из исследований по отслеживанию влияния национально-го проекта на систему здравоохранения С.Шишкина, А.Чириковой 2007–2008 гг., отметим, что возникает социальная потребность в промежуточном звене между институтом медицины и пациентами обоего пола, своего рода посредниках, транслирующих медицинскую компетенцию, создающих пользовательскую ориентацию

в услугах, защищающих права пациентов на качественную медпомощь. Скорее всего, роль этого звена могли бы взять на себя страховые компании, содержа независимых экспертов. Во всяком случае, эта институциональная рамка позволила бы восполнить дефициты ориентации в медуслугах для тех, кто не столь рефлексивен и образован. Тем не менее, эта оговорка, произрастающая из другого ракурса исследования, не заслоняет того, что сексуальное просвещение, рефлексивность относительно собственного биографического проекта и компетенции по поводу своей телесности и здоровья являются необратимыми чертами современной социальной жизни.

Эта книга безусловно найдет широкий круг читателей, как специалистов в области социологии гендера, так и интересующихся более общими вопросами планирования жизненного пути, ответственного материнства, женской субъективности и отечественной повседневностью.

Литература

Врач-пациент. Влияние национального проекта на здоровье. — В: Российское здравоохранение. Мотивации врачей... Под ред. Шишкина С. М.: 2008.

Гумбрехт Х.У. Производство присутствия. Чего не может передать значение. М.: НЛО, 2006.

Исупова О. *Besplodia.net* — интернет-пространство, репродуктивные технологии и демография // <http://demoscope.ru/weekly/2009/0361/anons.php#2701094>

Палосуо Х., Журавлева И. и др. Восприятие здоровья и связанных с ним привычек и установок (сравнительное исследование взрослого населения в Хельсинки и Москве). — М.: Институт социологии РАН, 1998.

Трудовая мотивация и оплата труда работников бюджетной сферы. Отв.ред. Шишкин. С. М.: 2008.

Leithauser Th. Entwurf zu einer Empirie des Alltagsbewusstseins. Frankfurt a.Main, 1977.

Конференции

Новые пути в биографических исследованиях. Конференция «Биография и перформанс». Краков, декабрь 2009

Виктория Семенова

12–14 декабря 2008 г. в Кракове состоялась научная конференция «Биография как сценическое представление: о проблемах индивидуальной памяти, а также об искусстве интерпретации». Если быть точным, то конференция называлась «Performing Biography: Memory and The Art of Interpretation», но сложность междисциплинарной постановки этой проблемы в русскоязычных понятиях заставила меня перевести это название весьма приблизительно. Главный организатор и вдохновитель конференции — глава исследовательского Комитета д-р Теа Болт, Германия. Сама конференция была организована исследовательским комитетом «Биографическая перспектива в Европейских обществах» ЕСА совместно с польским Институтом аудиовизуальных искусств, Институтом истории Краковского университета, а также с Фондом развития современного искусства «Пауза».

Уже по перечню организаторов конференции видно, что мероприятие носило междисциплинарный характер, и было в своем роде рискованным и новаторским поворотом, обозначившим поиск реального места биографии в поле разных социальных дисциплин, а также в сфере искусства. Эта инициатива молодой волны исследователей, работающих в поле биографии, позволила высветить новые аспекты биографии как исследовательского жанра. До сих пор среди исследователей, особенно тех, кто работает в традиции немецкой герменевтики, закономерно считалось, что биография является, прежде всего, текстовым источником личностной информации, ее анализ состоит в интерпретации текстовой формы самопрезентации индивидов. Привлечение исследователей из сферы аудиовизуальных искусств дало возможность рассматривать биографию в более многомерном социальном пространстве: как визуальный акт (как «сценическое» представление «себя») и даже как звуковой акт устной презентации рассказчика, а отсюда и новые проблемы визуальной и речевой интерпретации биографического материала, а также новые проблемы использования биографий в поле социальной педагогики, социальной медицины, проблем социальной реабилитации и адаптации людей.

Основная проблема, с которой столкнулись организаторы: не становится ли биография в таком поле еще большим источником субъективного знания и использования ее в неких идеологизированных схемах, близких к сфере искусства больше, чем к сфере науки. Не лишается ли при этом биография своего статуса как источника информации и нового знания? Являются ли такие исследования научными?

Конференция поставила все эти вопросы в весьма провокативной форме. Эта провокация была подчеркнута и самим выбором места для проведения конферен-

ции. Участники собирались и обсуждали свои научные проблемы в весьма непривычных «декорациях»: это были не обычные студенческие аудитории или официальные кабинеты, а небольшие пяточки залов частной фотовыставки, посвященной фотоизображениям человека и человеческого тела, которые находились в полуподвале одного из исторических закоулков старого Кракова. Да и участники конференции в своих выступлениях оперировали больше не текстами, а различными материалами фильмов, видео, аудиопленок или дигитальными источниками. Одним словом, конференции апеллировала не к тем, кто готов получать готовые ответы, а к тем, кто готов свободно дискутировать и открывать новые поля научно-го поиска в компании с представителями разных дисциплин и научных подходов.

Дискуссии и рабочие семинары перемежались с восприятием выставленных работ «биографического» фотомастера Томека Сикоры и беседами с ним и его коллегами от современного искусства.

Конференция состояла из трех тематических панелей: «Биография как перформанс» (председатель Меги О'Нейл, Великобритания), «Визуальная биография: искусство интерпретации» (председатель проф. Роберт Миллер, Великобритания) и «Память и биографические воспоминания», (председатель Виктория Семенова, Россия).

Первая панель была посвящена обсуждению тенденции к перформансу в современной социальной реальности, а также в социальных науках, где проблема сценической самопрезентации обсуждается, еще начиная с работ Э.Гоффмана. Как следует из докладов участников панели, сценическое искусство все больше становится формой биографической самопрезентации, где грань между реальной биографией исполнителей и образом, создаваемым на сцене, становится объектом для изучения и интерпретации социальных исследователей. При этом, по мнению участников, каждый отдельный фрагмент человеческого движения в танце или высказывания в поэзии может быть истолкован с позиции биографического подхода. Интерес к этой пограничной области является объектом изучения даже не «чистых» исследователей, а больше практиков, занимающихся проблемами творчества мигрантов в процессе культурной адаптации к новой социальной среде (доклад Меги О'Нейл), или же предметом интереса социальных терапевтов, занимающихся проблемами медицинской реабилитации («Искусство, биография и здоровье», проф. Норма Дайкин, Западно-Британский университет).

Вторая панель представляла собой скорее интерактивный семинар по проблемам интерпретации разнохарактерных визуальных данных и устной речи рассказчика. Эти дискуссии начались с обсуждения теоретических аспектов визуального анализа (П.Романов и Е.Ярская-Смирнова, Россия) и проблем фотоанализа. Но наиболее полезным и впечатляющим стал «открытый урок» по видеоанализу, проведенный проф. Вольфрамом Фишером-Розенталем (Университет Касселя, Германия), где профессор продемонстрировал собственную методологию и методике пошаговой работы с видеоданными, начиная с анализа «застывшей» картинки как отдельного биографического эпизода до анализа последовательного видеоряда и биографической реконструкции данных.

Третья панель тематически была более близка к традиционным проблемам соотношения групповой и индивидуальной памяти, а также проблемам преодоления травматической памяти. Докладчики из Восточной Европы были больше ориентированы на рассмотрение проблем преодоления феномена «советскости» в биографической памяти на постсоветском пространстве.

В целом надо отметить, что конференция породила некое «раздвоение» биографического сообщества на «традиционалистов» — людей, готовых следовать уже сложившимся стереотипам анализа биографических данных и «новаторов», которые готовы искать новые горизонты работы с биографиями.

Если мне будет позволено выразить личное мнение, то такие нетрадиционные конференции, где присутствуют представители, как науки, так и искусства, как теории, так и практики, намного обогащают исследовательские горизонты, позволяют создать эффект «стереоскопического» видения объекта своего исследования, хотя, с другой стороны, может и свидетельствуют о некоем «кризисе жанра».

Во всяком случае, ясно одно: такая провокативная конференция свидетельствует о смене поколений и смене приоритетов в сфере подходов к изучению биографий. Во-первых, это выход за рамки чисто научного рассмотрения биографии в сторону акцентирования «сценичности», постановочности, т.е. свойства конструируемости биографического материала. Во-вторых, это практическое использование биографических данных в ущерб его рафинированно-научному анализу.

Журнал можно приобрести в редакции или заказать по пересылке.

Адрес редакции:

117259 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, кор. 5

Тел. (495) 128-86-18

Факс: (495) 719-07-40

e-mail: rusica@isras.ru

Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без разрешения редакции.

Журнал зарегистрирован Министерством Российской Федерации по делам печати, радиовещания и средств массовых коммуникаций (регистрационный номер ПИ № 77-9679)

Учредители:

Институт социологии РАН

Российское общество социологов

Над номером работали:

Научный редактор И. Попова

Оригинал-макет А. Фролова